

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. М. СЕЧЕНОВА
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

На правах рукописи

КУРИЛОВА АННА ДМИТРИЕВНА
РОССИЙСКИЕ РУКОПИСНЫЕ РИТОРИКИ XVIII ВЕКА
НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 5.9.7 – Классическая, византийская и новогреческая
филология (филологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Научный консультант
доктор филологических наук,
профессор
АННУШКИН В.И.

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. РОССИЙСКИЕ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫЕ РИТОРИКИ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	17
1.1. Обзор рукописных латинских риторик XVIII века.....	17
1.2. Источники российских риторических руководств.....	34
ГЛАВА 2. СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЛАТИНСКИХ РИТОРИЧЕСКИХ РУКОВОДСТВ.....	61
2.1 Общие дидактические основы составления учебных руководств по риторике.....	61
2.2 Риторический канон в трактовке авторов рукописных руководств.....	78
2.2.1 Inventio.....	79
2.2.2 Dispositio.....	104
2.2.3 Elocutio.....	120
2.2.4 Memoria et actio.....	204
ГЛАВА 3. ВИДЫ И ЖАНРЫ КРАСНОРЕЧИЯ В ТРАКТОВКЕ РОССИЙСКИХ РУКОПИСНЫХ РИТОРИЧЕСКИХ РУКОВОДСТВ XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	213
3.1. Академическое красноречие.....	217
3.2. Эпидейктическое красноречие.....	221
3.3. Судебное и совещательное красноречие.....	246
3.4. Духовное красноречие.....	257
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	264
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	273

ВВЕДЕНИЕ

Латинское образование в России представляет собой важный этап культурного просветительства и развития гуманитарных наук. На латинском языке гуманитарные дисциплины преподавались вплоть до XIX века, хотя уже сложились основополагающие учебные тексты на русском языке. В частности, немалый интерес для исследования представляет «латинский» этап формирования риторической мысли в России.

Преподавание риторики в России было основано на многовековых традициях классической филологической культуры. Латинский язык являлся языком образования в духовных и светских учебных заведениях в России XVIII века, и преподавание науки о красноречии также осуществлялось преимущественно на латинском языке.

Обращение к истокам классического образования в России позволяет составить более полное представление об истории формирования и развития современной культуры, и в связи с этим пристального внимания и тщательного изучения требуют все периоды истории отечественной гуманитарной учёности в целом и риторики как науки о красноречии в частности.

Первые риторические трактаты на церковнославянском языке стали появляться уже в XVII веке. Так, в 1620 году неизвестным автором был выполнен перевод на церковнославянский язык латинской риторики Филиппа Меланхтона. Эту риторику приписывали вологодскому епископу Макарию. Публикация первой русской риторики вместе с текстом латинского первоисточника осуществлена профессором В. И. Аннушкиным [Аннушкин 2021].

Во второй половине XVII века становление российского просвещения связано прежде всего с именами братьев Иоанникия и Софония Лихудов, основавших Славяно-греко-латинскую академию в 1685 году в Москве. Деятельности братьев Лихудов посвящён ряд научных исследований [Сменцовский 1899; Фонкич 1977; Фонкич 1988; Фонкич 2001; Яламас 1992,

2001; Рамазанова 2003; Вознесенская 2004; Мамонтова 2013]. Благодаря братьям Лихудам, учёным богословам, докторам Падуанского университета, в Россию были внесены традиции западноевропейского образования, переосмысленные в категориях греческой православной культуры [Рамазанова 2003: 200]. Они стали во главе партии сторонников греческой образованности, противостоящей позиции «латинствующих», и вместе с тем стали проводниками схоластической традиции, к которой приобщились в Падуанском университете. Учебник риторики, составленный Софронием Лихудом для преподавания в Славяно-греко-латинской академии, опирался на трактат Франческо Скуффи «Искусство риторики», вышедший в Венеции в 1681 году на греческом языке [Яламас 1992: 26; Сазонова 2013: 21–22]. В 1698 году «Риторика» Лихуда была переведена на церковнославянский язык Козьмой Греком (Афоноверским).

При ректоре Палладии Роговском (1701–1703 гг.) в Московской академии уже не греческий, как при Лихудах, а латинский язык начинает занимать главенствующее положение. В академии вводится преподавание основных предметов на латинском языке [Смирнов 1855: 17]. В Петровское время просвещение становится государственной задачей и делается очевидной необходимость изучения латинского языка. Линия «латинствующих» в России была проложена с середины XVII в. Симеоном Полоцким и продолжена Стефаном Яворским, Феофаном Прокоповичем и другими культурными деятелями [см. Бухаркин 2009]. Фундамент формирующейся новой образовательной системы образуют схоластические программы [см. Arżanuchin 2006: 195]. Латинская образованность распространяется в России в значительной мере благодаря иезуитам [Любжин 1997, 2014; Флоровский 1962: 316–335]. Латинский язык становится важным посредником в контактах со странами Западной Европы, а овладение латынью начинает рассматриваться как обязательная ступень образования.

Развитие латинского образования обогащало лексический строй русского языка, способствовало формированию научной и общественно-политической

терминологии. Академик В. В. Виноградов отметил влияние латыни на русский синтаксис, подчеркнув появление в русском литературном языке в конце XVII века усвоенных из латыни инфинитивных синтаксических оборотов, правил построения фразы и порядка слов в предложении [Виноградов 1982: 39].

Первым и наиболее влиятельным печатным риторическим трактатом на русском языке стало «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова, вышедшее в свет в 1748 г. [Ломоносов 1957]. Появление труда М. В. Ломоносова создало условия для развития красноречия на русском языке, способствовало интенсивному развитию русской риторики. Однако традиции латинского преподавания красноречия сохранялись еще долгое время.

Известно, что, когда М. В. Ломоносов написал в 1744 г. первый вариант риторического руководства на русском языке, в Академии наук ему посоветовали написать книгу на латыни и присоединить к ней русский перевод. В рецензии академика Миллера было указано: «Такое руководство, если дополнить его, применяясь к вкусу нашего времени, материалом из современных риториков, могло бы служить для упражнений не только в русском, но и в латинском красноречии. Поэтому я полагаю, что следует написать автору свою книгу на латинском языке, расширить и украсить её материалом из учения новых риториков и, присоединив русский перевод, представить её Академии» [цит. по: Блок, Макеева 1952: 792]. Необходимость изучать теорию и практику красноречия на латинском языке, таким образом, не вызывала сомнения.

В библиографических сводах по риторике [Граудина, Миськевич 1989; Зарифьян 1990], к сожалению, далеко не полностью представлены источники XVIII века. В. И. Аннушкин в составленной им периодизации истории русской риторики, характеризуя «ломоносовский» период (1745/50 гг. – 1790/1800 гг.), подчеркнул, что в этом периоде «много не изучено, например, латинские руководства» [Аннушкин 1997: 413]. В. И. Аннушкин составил каталог рукописных риторик, хранящихся в фондах российских библиотек, и подчеркнул, что о них «пока приходится сказать только как о собранном источниковедческом

материале, считая их изучение делом будущего» [Аннушкин 2003: 6]. По утверждению учёного, «роль латинских риторик в филологическом образовании XVII-XVIII вв. не оценена в должной мере, как и роль латинского языка в истории русской филологической школы» [Аннушкин 2003: 80].

Российская школа риторики формировалась на основе многовековых традиций античного красноречия и их преломления в европейских риторических школах XVII–XVIII веков.

В задачи учебных руководств, которые составлялись преподавателями риторики для каждого учебного года, входило изложение теоретических принципов риторики, дидактическая адаптация классических постулатов, переосмысление античного канона в практических целях. На основе рукописных руководств в духовных и светских учебных заведениях России XVIII века учащиеся осваивали риторическую теорию и упражнялись в применении её принципов на практике.

Проблема оригинальности риторик тесно связана с необходимостью *proprie communia dicere* («по-своему говорить об общеизвестном»). Основной подход, который демонстрируют авторы руководств, заключается в бережном следовании признанным авторитетам. В связи с этим авторство риторик, как правило, не указывалось. Обращением к одним и тем же источникам объясняется наличие повторяющихся теоретических положений и примеров. Следует, однако, учесть и своеобразие отдельных руководств, которое проявляется и в стиле изложения, и в оформлении текста, и в подборе иллюстративного материала. Степень оригинальности риторик колебалась от буквального копирования фрагментов источников до методических советов и рекомендаций, высказанных от собственного лица, и даже попыток оспаривания авторитетов. Авторы российских рукописных учебных риторик не просто воспроизводили положения античной и новолатинской науки красноречия, но и стремились их интерпретировать в соответствии с требованиями времени и собственными педагогическими задачами.

«Латинский» период формирования российской риторической школы, получивший отражение в ряде рукописных риторик, несомненно, заслуживает внимательного изучения. По словам В. И. Аннушкина, в обращении к истории красноречия «лежат глубокие перспективы мыслительного и словесного обогащения нашего педагогического процесса... Это богатство вполне доступно современному знанию и будет непростительно, если школьные и вузовские преобразования пройдут мимо гигантских открывающихся возможностей, заложенных в классической и современной риторике» [Аннушкин 2010: 7].

Актуальность изучения ранее не исследованных учебных рукописных риторик XVIII века, составленных на латинском языке, обусловлена необходимостью получить более точное представление о «латинском» этапе формирования отечественной словесности, проследить развитие в ней традиций античной и новолатинской риторики, определить роль латинского красноречия в процессе просвещения и становления филологии в России.

В последние десятилетия появился ряд исторических и культурологических исследований, в которых раскрывается роль латинского языка в истории российской культуры и указывается на необходимость изучения рукописных риторических сочинений. В частности, в работах Ю. К. Воробьева прослеживается влияние латинского языка на российскую культуру начиная с Древней Руси и отмечается неполнота научных описаний латинских текстов, функционировавших в России [Воробьев 1999, 2000]. В работе Н. В. Салоникова, посвящённой библиотеке Новгородской духовной семинарии, констатируется недостаточная изученность греческих и латинских рукописных источников, хранящихся в библиотеке семинарии [Салоников 2004]. Влияние латинского языка на формирование русской интеллектуальной лексики рассмотрено в диссертации М. Валькастелли [Валькастелли 2010]. В исследованиях А. И. Любжина собрано много ценных и малоизвестных сведений об истории российского классического образования и роли латинского языка в его становлении [Любжин 1997, 2014].

Не менее важным представляется рост научного интереса к новолатинским текстам разных жанров, который наблюдается в европейской филологии со второй половины XX века. Так, предметом исследования Д. Л. Либуркина стала русская новолатинская поэзия [Либуркин 2000], в работе Г. М. Воробьёва рассматриваются биологические трактаты Аристотеля в латинском переводе Феодора Газы [Воробьёв 2017], новолатинский труд шведского историографа Юхана Видекинда как важный литературный источник исследован в работе А. А. Ветушко-Калевича [Ветушко-Калевич 2018]. Продолжает активно изучаться богатое собрание риторических учебных книг из Киево-Могилянской академии (сохранилось 127 учебников) [Петров 1875–1877, 1891–1904; Маслюк 1980; Стратий и др. 1982; Суганок 2014; Цыганок 2020]. Риторический труд Феофана Прокоповича, широко применявшийся в учебной практике и оказавший заметное влияние на рукописные латинские риторик XVIII века, наряду с другими его сочинениями постоянно находится в центре внимания исследователей [Łuźny 1965; Кочеткова 1974; Ничик 1977; Буланина 1980; Кибальник 1983, 2012; Буранок 1997, 2003, 2013; Бухаркин 2009; Николаев 2018; Терешкина 2018; Маркасова, Сенецкая 2023]. Следует отметить выход комментированного издания риторик Прокоповича в русском переводе, что, несомненно, привлечёт ещё большее внимание к этому источнику [Прокопович 2020].

Существенный вклад в развитие научных представлений об истории российской риторики и роли латинского красноречия в её становлении внесли многочисленные исследования, посвящённые риторическим сочинениям XVII–XVIII вв., составленным на русском языке. Детальное исследование развития русской риторики в XVII–XVIII вв. содержится в монографии В. П. Вомперского [Вомперский 1988]. В трудах В. И. Аннушкина [Аннушкин 1997, 1998, 2003, 2007, 2010, 2021 и др.], посвящённым становлению риторической образованности в России, отмечается и влияние на русскую риторику традиций латинского красноречия. В диссертационных работах Т. В. Василенко [Василенко, 1998] и К. М. Ушаковой [Ушакова 2009] исследуется специальная терминология русских

риторических сочинений XVIII–XIX вв., в частности, прослеживаются латинские заимствования. Е. В. Маркасовой выполнено содержательное исследование концепций фигур речи в российских риториках в диахроническом аспекте [Маркасова 2002]. Значительное количество исследований посвящено риторическим трудам М. В. Ломоносова [Бухаркин 2013, 2014; Сазонова 2013; Волков 2013; Костин 2015; Костин, Лемешев 2017; Лемешев 2012, 2013, 2014, 2016; Матвеев 2020; Смирнова, Шарихина 2024].

Назрела необходимость систематизировать сведения о российских рукописных риториках, составленных на латинском языке и отразивших определённый этап формирования отечественной науки о красноречии, изучить их содержание и применяемые в них методические подходы, выявить круг источников. Исследование российских риторических руководств XVIII в. может стать ещё одним шагом на пути изучения новолатинских письменных источников, а также позволит проследить развитие классических риторических традиций в России и их влияние на становление отечественной словесности.

Целью диссертационного исследования является комплексный анализ российских рукописных риторик, созданных на латинском языке, установление их источников, определение соотношения традиционного и оригинального в изложении материала, описание применяющихся в них методических принципов.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) дать характеристику рукописным риторикам XVIII века на латинском языке, находящимся на хранении в рукописном фонде РГБ;
- 2) сравнить композиционные и методические принципы каждого руководства;
- 3) проанализировать и сравнить интерпретацию всех частей античного риторического канона в разных руководствах;
- 4) охарактеризовать особенности теоретического осмысления видов и жанров красноречия составителями руководств;
- 5) выявить античные и новолатинские источники рукописных риторик;

б) определить своеобразие и степень оригинальности каждого руководства.

Объектом исследования выступают рукописные риторика, составленные в России во второй трети XVIII века в учебных целях на латинском языке.

Предмет исследования составляют содержание латиноязычных рукописных руководств, их композиция, методические принципы, отношение к античным и новолатинским источникам, связь с русскоязычными риториками.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что в 40–60-е гг. XVIII в. в России наблюдается особый переходный этап развития риторической науки: в латинских учебных книгах, составленных для преподавания в разных городах России, на основе компиляции и обобщения классических источников происходит отбор и адаптация соответствующего актуальной общественной ситуации материала, подчёркивается необходимость совмещения латинской риторической теории с практикой красноречия на русском языке и таким образом создаются предпосылки для дальнейшего развития российской риторики.

В качестве **материала исследования** отобраны следующие риторические руководства, находящиеся на хранении в Отделе рукописей РГБ:

1. Наставления по риторике на примерах из латинских авторов... Вологодская семинария. – 1764. – РГБ (Великоустюжское собрание). – Ф. 122, № 14.

2. Риторика студента владельца Димитрия Смирнова. – Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1751-1753. – РГБ. – Ф. 173.1., № 348. – 148 л.¹

---

¹ Эта риторика, хранящаяся в отделе рукописей РГБ под названием «Риторика владельца студента Димитрия Смирнова» [Риторика студента... 1751–1753], является студенческим списком трактата Феофана Прокоповича “De arte rhetorica” (без атрибуции), что свидетельствует об использовании книги в качестве рекомендованного учебного пособия в Славяно-греко-латинской академии. Известны и другие копии риторики Прокоповича, выполненные студентами Славяно-греко-латинской академии и относящиеся к этому же периоду (1750–1751): риторика студентов Михаила Фёдоровича Тодорского (РГИА. Ф. 834. Оп. 3, № 3421) и Василия Семёнова (РГБ. Ф. 173 II. Дополнительное собрание библиотеки МДА, № 86) [Прокопович 2020: 11].

3. *Basilevicz Manuel. Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. – 1756. – РГБ. – Ф.733 (Смолен.), № 21. – 154 л.

4. *Diadema ex immarcessibilibus floribus Tullianae suadae in ornamentum Rossiae laureatis capitibus Neotulliorum in Mosquensi Graecolatino viridario contextum ...* (Венок из неувядаемых цветов красноречия Цицерона, сплетённый, чтобы украсить увитые лавром головы неоцицеронианцев России в Московском греко-латинском саду...). Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1745–1746. – РГБ. – Ф. 173 (1), № 355. – 168 л.

5. *Eloquentia ligata artificiis in articulos divisa atque ad usum Roxolanae juventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata* (Красноречие, искусно разделённое на статьи, приноровлённое к пользованию российского юношества в Московской православной академии). Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1743–1744. – РГБ. – Ф. 173 (1), № 341. – 203 л.

6. *Emporium totius facultatis rhetoricae selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam stili et vulgarem in omni dicendi genere modum magis conducentibus nec non rebus ac ideis ad instruendum tum sacrum tum civilem oratorem et pluribus ad artem rhetoricam spectantibus refertissimum ad usum et imitationem rhetoribus expositum in Moscoviensi sacratissimae imperatoriae majestatis academia anno 1744 septembri die 21-ma in annum 1745* (Собрание всего, к риторике касающегося, с приведением всех оснований, выбранных для изысканного и повседневного стиля из всех видов беседы, всех вещей и мыслей к научению ораторов как церковных, так гражданских, и многого другого к риторике относящегося, для употребления и подражания собранное в Московской священной имп. Академии в 1744-1745 гг.). – РГБ. – Ф. 173.1, № 356. – 178 л.

7. *Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt...* Коломенская семинария. – 1761. – РГБ. – Ф. 173.1, № 357. – Л. 85-193.

8. Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...Рязанская семинария. 1759. – РГБ. – Ф. 194 (К.И. Невоструева), № 43. – 249 л.

9. Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. – 1766. – РГБ. – Ф. 312, № 78. – 95 л.

10. Viridarium Excellentissima Artis Oratoria... Москва, 1727-1728. – РГБ. – Ф. 299, № 603. – Лл. 114–236.

Все риторики относятся к периоду с 1744 по 1766 годы, кроме одного руководства, созданного в 1727–1728 гг. и значительно отличающегося от других рукописей по выбору материала. Сопоставление с латинской риторикой более раннего периода оказалось полезным для определения динамики развития риторического образования в России, в частности, тенденций в выборе источников.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных учёных, посвящённые основам античной риторической теории (Е. В. Антоненц, М. Л. Гаспаров, Ф. Ф. Зелинский, А. И. Солопов, D. H. Berry, M. L. Clarke, T. Conley, P. A. F. Donnelly, A. Erskine, G. O. Hutchinson, G. Kennedy, R. Lachmann, H. Lausberg, L. Pernot), проблемам новолатинского образования (В. А. Андрушко, В. Д. Литвинов, А. И. Любжин, Я. М. Стратий, А. В. Флоровский, О. Цыганок, W. Barner, V. Cox, D. Knox, J. O. Ward), распространению и развитию риторической науки в России (В. А. Аннушкин, Т. В. Буланина, П. Е. Бухаркин, И. А. Вознесенская, С. С. Волков, В. П. Вомперский, Ю. К. Воробьёв, Л. К. Граудина, С. А. Кибальник, А. А. Костин, К. Н. Лемешев, М. Г. Мамонтова, Е. М. Матвеев, Г. И. Миськевич, В. П. Москвин, Д. Н. Рамазанова, Ю. В. Рождественский, Б. Л. Фонкич, Д. А. Щукина, Д. А. Яламас).

Основными методами исследования являются описательно-аналитический, сравнительно-исторический, текстологический, герменевтический.

Научная новизна исследования заключается в характере материала, до сих пор не являвшегося предметом научного интереса, в систематизации, описании и научном анализе рукописных источников, в освещении «латинского» этапа становления отечественной филологии.

На защиту выносятся следующие положения, составляющие основу проведённого исследования:

1) Во второй трети XVIII века преподавание риторики в духовных и светских учебных заведениях России осуществлялось на латинском языке. Рукописные учебные книги, которые составлялись учителями риторики ежегодно для конкретного курса, сочетали открыто декларируемый компилятивный характер с определённой долей самостоятельности в выборе теоретического материала, практических рекомендаций, примеров и упражнений.

2) Несмотря на то, что риторики составлялись на латинском языке, они включали отдельные примеры на живых языках (русском и польском). Хотя обращение к живым языкам отмечается в латинских риториках эпизодически, оно свидетельствует о стремлении к объединению двух тенденций преподавания теории красноречия – а именно, усвоения канонов классической античной и средневековой христианской элоквенции и умения воплощать их в своей речевой деятельности, в частности, также и на родном языке.

3) Композиция руководств основывалась на античном риторическом каноне, однако последовательность этапов подготовки риторического выступления, как правило, нарушалась. Во многих руководствах этап словесного выражения предшествует изобретению и расположению, хотя в античном каноне ему отведено третье место, кроме того, вводится предварительный этап знакомства с основными понятиями и средствами красноречия.

4) Можно выделить несколько групп теоретических источников руководств. Это античные риторические сочинения Цицерона и Квинтилиана; западноевропейские новолатинские трактаты Николя Коссена, Ф. А. Помея, Киприано Соареса, Герхарда Фосса (Воссия); польская барочная риторика; трактат Феофана Прокоповича (особо важный источник, активно цитируемый со ссылками и без них, а также используемый в учебном процессе во многих городах России); риторические труды М. В. Ломоносова на русском языке, примеры из которых используются в некоторых риториках.

5) Основными источниками практических примеров и образцов являются речи Цицерона и фрагменты христианских текстов. В некоторых риториках используются цитаты из речей польских ораторов и Феофана Прокоповича.

6) Перспектива дальнейшего исследования российских латиноязычных рукописных риторик связана с введением в научный оборот ранее не исследованных текстов и материалов, что позволит расширить представление о процессе формирования российской риторической науки, полнее представить место латинского языка в образовательном процессе в России XVIII века.

Теоретическая значимость исследования определяется уточнением представлений о развитии риторики в России, об объёме и содержании риторического знания в рассматриваемый исторический период, о сохранении и развитии античных традиций в российской риторической практике.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать полученные результаты для дальнейшего изучения истории российской риторики, продолжения исследований античного влияния на русскую культуру.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются корректностью работы с оригинальными рукописными источниками, опорой на научные методы исследования, апробацией полученных результатов в форме публикаций и выступлений на научных конференциях.

Апробация исследования. Результаты исследования были представлены к обсуждению

– на международных конференциях: «Индоевропейское языкознание и классическая филология»: чтения памяти И. М. Тронского (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2021, 2022, 2023, 2024); XIV Международная конференция «Риторика и культура речи: Наука, образование, практика» (Астрахань, АГУ, 2010 г.); XV Международная конференция по риторике «Риторика как предмет и средство обучения» (Москва, МПГУ, 2011 г.); XVI Международная конференция «Риторика в новом образовательном пространстве» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный горный университет, 2012 г.); II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, МГУ, 2012 г.); Международная научная конференция «Говорящая личность в современном информационном обществе» (Астрахань, АГУ, 2012 г.); X Международная научно-практическая конференция «Татищевские чтения» (Тольятти, Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2013 г.); XVII Международная научно-практическая конференция «Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике» (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2013); Международная заочная научная конференция «Эмоциональные концепты в структуре художественного произведения» (Астрахань, АГУ, 2013); Международная научно-практическая конференция «I Лужские научные чтения» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013); Международная заочная конференция «Категория телесности в структуре литературно-художественного дискурса» (Астрахань, АГУ, 2014); XXI Международная научная конференция «Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике» (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2017); XXII Международная научная конференция «Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение»

(Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019); XXV Международная научная конференция «Риторика и речесвязанные дисциплины в науке и практике современного общества» (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022); XXVI Международная конференция «Современная риторика и речеведческие дисциплины: от устного диалога до компьютерно-цифрового взаимодействия» (Москва, Московский государственный лингвистический университет, 2023); XXVII Международная научно-практическая конференция «Риторика в социокультурном пространстве современной России» (Москва, МПГУ, 2024);

– на всероссийских конференциях: Всероссийская научная конференция «Автор в структуре художественного произведения» (Астрахань, АГУ, 2017); Всероссийская научная конференция «Интертекстуальность художественного дискурса» (Астрахань, АГУ, 2018);

– на зональных и региональных конференциях: XXXII Зональная конференция литературоведов Поволжья «Анализ и интерпретация художественного произведения» (Астрахань, АГУ, 2010); Региональная научная конференция «Поэтика игры в структуре литературно-художественного дискурса» (Астрахань, АГУ, 2015); Региональная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения проф. Н. С. Травушкина «Трансформация жанра в историко-литературном процессе» (Астрахань, АГУ, 2016).

Основные идеи и положения работы изложены в 29 научных работах общим объёмом 19,7 п. л., в том числе в 17 публикациях (объёмом 7,5 п. л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности. Полный список публикаций приведён в Списке литературы.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, разделённых на параграфы, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА 1

РОССИЙСКИЕ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫЕ РИТОРИКИ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Изучение риторики на латинском языке в России XVIII века развивало умение свободно изъясняться на латыни, говорить не только правильно, но и красиво, убедительно, пространно. Без овладения риторической теорией и практикой невозможно было проявить себя на государственном поприще.

Практика осуществления образовательного процесса на латинском языке, восходящая к традициям преподавания в европейских средневековых университетах, способствовала универсализации образования, созданию единого культурного пространства в Европе. Значение латинского слова *universitas* («сообщество», «вселенная») подчёркивает ключевую идею общности образованных людей. Тенденция включения России в европейское культурное пространство получила выражение, в частности, и в преподавании на латинском языке. Роль латинского языка в системе образования в России требует внимательного изучения и адекватной оценки. Латинские рукописные руководства по риторике наглядно воплощают собой одну из форм участия латыни в становлении филологической науки в России.

1.1 Обзор рукописных латинских риторик XVIII века

Появление риторики в России относится к XVII веку. Первая риторика, составленная на церковнославянском языке, восходит к латинскому оригиналу Филиппа Меланхтона, немецкого педагога XVI века. Она была создана до 1620 года² и распространялась повсеместно в Москве и северных русских землях [Аннушкин 2003: 64]. Учебник, составленный в вопросно-ответной форме, включал две книги: «О изобретении дел» и «О украшении слова».

---

² Датировка наиболее раннего дошедшего до нашего времени списка.

Вслед за первой русской «Риторикой» появляются и другие, в частности, сочинения Софрония Лихуда, Михаила Усачёва, Андрея Белобоцкого, Козмы Афоноверского [Аннушкин 1998, 2003; Волков 2001; Вомперский 1988].

Важнейшим риторическим текстом стало «Краткое руководство к красноречию» (1748) М. В. Ломоносова, источниками которого стали сочинения теоретиков риторики И.-К. Готшеда, Н. Коссена, Ф.-А. Помея [см. Лемешев 2012, Костин 2015]. Трактат составляют три книги: «Об изобретении», «Об украшении», «О расположении», соответствующие частям античного риторического канона. В этом труде были не только сохранены, но и переосмыслены классические риторические постулаты, сделан шаг вперёд в развитии риторической науки. Ломоносов способствовал укреплению позиций русского языка в преподавании риторики и постепенному отказу от латыни. Вытеснение латинского языка русским можно рассматривать как следование европейской тенденции «замены латыни в некоторых её функциях соответствующим национальным языком» [Лахманн 2001: 157].

Риторика 1748 года была не первым риторическим сочинением М. В. Ломоносова. В 1744 году им был подготовлен рукописный текст риторики, отвергнутый Академией наук из-за того, что русский язык еще не воспринимался как подходящий для научных трудов. В переработанном трактате некоторые главы были удалены («О расположении слов публичных», «О расположении частных слов и писем», «О произношении»), а другие добавлены («О возбуждении, утолении и изображении страстей», «О хрии»).

В. П. Вомперский выделил пять культурных компонентов, участвовавших в сложении отечественных риторик XVII-XVIII вв.: 1) античная риторика; 2) византийское ораторское искусство; 3) культурный компонент западноевропейского средневековья; 4) испанская риторика барокко; 5) польская риторика XVI-XVII вв. [Вомперский, 1988: 5]. Русская риторика формировалась под влиянием всех этих компонентов.

Наряду с созданием риторик на русском языке в XVIII веке отмечается и тенденция составления латинских риторических руководств, возникшая под влиянием западноевропейской традиции. В западных русских землях, на Украине существовала практика латинского риторического образования. Центром восточнославянской учёности была Киево-Могилянская академия, в которой под влиянием иезуитской традиции сложилась схоластическая образовательная система [Зайцев 2010: 3]. Иезуитская схоластика, иначе вторая схоластика, определила вектор латинской учёности и образования в Европе XVI–XVIII вв. Рационалистическая философия иезуитов наложила отпечаток на педагогическую систему в иезуитских коллегиях, на новом уровне воспроизводившую модель античного образования. В частности, преподавание риторики велось на латинском языке и каждый преподаватель составлял собственный рукописный учебник (курс лекций, практическое руководство). Традиция составления рукописных учебников укоренилась под влиянием системы преподавания, принятой в иезуитских коллегиумах. Как отмечают И. Л. Григорьева и Н. В. Салоников, иезуиты проводили занятия с небольшими группами учащихся одного уровня подготовки. Для каждой группы (или курса) был необходим учебник, который подготавливался самим преподавателем и учитывал особенности и возможности учеников. Эта система возрождала опыт Алкуина, составлявшего учебные книги для своих учеников [Григорьева, Салоников 2008: 217].

Данная традиция в XVIII веке была перенесена в центральные русские земли, где преподавателями риторики нередко были хорошо владевшие латынью выходцы из Украины и Польши [см. Кислова 2015; Лукашова 2017: 241]. Несмотря на то, что благодаря просветительской деятельности братьев Лихудов в XVII веке, заложивших основы преподавания классических языков в России, «был отрезан путь для иезуитского и вообще католического влияния на Великую Россию» [Яламас 2001], это влияние в некоторых руководствах остаётся существенным.

Так, автором одной из рукописных риторик 1756 г. является Мануил Базилевич, учитель Смоленской коллегии. Руководство составлено в традициях барочной риторики. Текст риторики – на латинском языке с вкраплениями древнегреческого в этимологических пояснениях, несколько раз для большей наглядности автор приводит русские и польские примеры. В частности, говоря о применении топоса имени, Базилевич приводит польское шутивное стихотворение, а примеры неудачных метафор приводит на русском языке. На русском языке дан также образец свадебной речи после венчания.

Такое смешение языков в риторическом пособии не является единичным случаем. Безымянный автор, составивший в 1766 г. риторику для нижегородской семинарии [Rhetorica 1766], посчитал нужным написать вступление к своей латинской риторике как на латинском, так и на русском языке, а также заимствовал русские примеры неудачных метафор из «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова. В вологодских «Наставлениях по риторике на примерах из латинских авторов» [Наставления 1764] основной текст написан на латыни, но образец свадебной речи, как и в риторике М. Базилевича, приведён на русском языке. Возможно, ритор считал, что во время свадебной церемонии, на которой присутствуют не только хорошо образованные люди, речи могут звучать на родном языке. Другие поздравительные речи, примеры которых имеются в этой риторике (например, речи по поводу вступления в должность, поздравления с Рождеством и другими праздниками) приводятся на латыни.

Автор московской риторики “*Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae...*”, объясняя принцип чистоты словесного выражения, в качестве примера приводит польское красноречие: “*Quod autem praecipitur de Latina elocutione, idem observandum et in Polonica, ne verbis Polonis misceantur peregrina, ut sunt Ruthenica, Gallica etc.*” («Что рекомендуется для латинского красноречия, следует соблюдать и в польском: не смешивать с польскими словами иностранные, т. е. русские, французские и т.д.») [Diademma 1745–1746: 28 (об)].

Таким образом, одной из характерных черт латинских рукописных руководств в России XVIII века является использование в тексте нескольких языков. Безусловно, доминирует латынь, но термины, как правило, даются также по-древнегречески, примеры (хоть и в редких случаях) могут приводиться по-русски и по-польски. Эта особенность иллюстрирует стремление привязать классическую риторическую теорию к живой языковой практике, показать, что риторические приёмы встречаются и в повседневной речи. Хотя обращение к живым языкам (русскому и польскому) отмечается в латинских риториках лишь эпизодически, всё же оно свидетельствует о стремлении к объединению двух тенденций преподавания теории красноречия – а именно, усвоения канонов классической античной и средневековой христианской элоквенции и умения воплощать их в своей речевой деятельности, в частности, и на родном языке.

Изложение теоретических основ науки о красноречии опиралось, таким образом, на многовековую европейскую традицию латинской риторики, но практическое применение полученных знаний предполагало умение составлять речи на русском языке. Поэтому в руководствах, созданных для учебных целей, успешно сочетаются теоретические выкладки на латыни и, наряду с многочисленными латинскими примерами, некоторые примеры на русском языке.

Рассмотрим отдельные рукописные руководства, общие принципы их композиции и содержания.

Структура риторических книг приблизительно одинакова. Она включает вводную часть о главных понятиях науки о красноречии, а также изложение основ общей и частной риторики. Теория общей риторики структурирована по частям риторического канона (*inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio*), частная риторика охватывает изучение видов и жанров красноречия. Некоторые учебники построены по принципу катехизиса: формулируются вопросы и даются ответы на них, другие напоминают сжатый конспект.

В форме вопросно-ответной системы составлена, в частности, наиболее ранняя из рассмотренных нами рукописных книг, а именно риторика 1727-1728

гг. “Viridarium Excellentissima Artis Oratoria...” из Славяно-греко-латинской академии, сохранившаяся в одной рукописи с «Поэтикой» [Viridarium 1727–1728]. В первой главе она содержит краткое толкование основных риторических понятий в форме вопросов и кратких ответов. Приведём первые несколько вопросов: «Что есть красноречие?», «Что есть риторика и в чём её отличие от красноречия?», «Что такое ритор и чем ритор отличается от оратора?», «Какова задача оратора?», «Какова цель оратора?».

Данная риторика, очевидно, может послужить примером ученической копии учебного курса. Между текстами «Поэтики» и «Риторики» есть владельческая надпись, выполненная на отдельной странице тем же почерком, что и вся рукопись:

Nic liber meus

Testis est Deus

Quis illum quaerit

Noc nomen erit

Petrus natus

Grebensky vocatus.

Как свидетельствуют записи владельца, принадлежала она студенту Славяно-греко-латинской академии Петру Гребенскому. Эта риторика, кроме теоретических предписаний, содержит много речей на русском и латинском языках, возможно, составленных самим учеником.

Название книги, “Viridarium Excellentissima Artis Oratoriae...” («Превосходнейший сад искусства оратории»), содержит уподобление искусства красноречия саду. Сравнение с садом выдерживается в развёрнутом вступлении, в котором аллегорически описаны радости и горечи занятия ораторским искусством [Viridarium 1727–1728: 116]. Центральным образом являются розы, красота и благоухание которых соседствуют с острыми шипами, поэтому так трудно сплести из них венки. Упомянуты и лилии, которые срывают ценители древней

мудрости. Ритор призывает учеников усиленно трудиться в саду красноречия, обрывать шипы, искоренять лень, чтобы получить сладостные плоды.

Использование аллегии сада обусловлено названием риторики и вполне традиционно (соответствует термину «антология» – цветник). Развёрнутая параллель с садом служит наглядным примером риторической амплификации.

Завершая вступление, ритор поясняет структуру своего руководства: «Следуя схоластическому методу, мы решили разделить ширину и длину этого сада на три части. Первая часть содержит некоторые средства красноречия и лёгкие способы составления кратких речей. Вторая часть охватывает все предписания, необходимые как для церковного, так и для светского оратора. Третья часть – способы составления различных декламаций на универсальные темы...» [Viridarium 1727–1728: 116].

Композиция руководства соответствует общим принципам построения риторик. Первая часть риторики имеет форму вопросов и ответов. Такая схема давала возможность чётко определить основные понятия риторики, расположив их удобно для учащихся. Во второй части изложение следует риторическому канону, а в третьей части приводятся примеры речей (*praxeis*).

Одним из оригинальных руководств является курс лекций, прочитанный в Нижегородской семинарии в 1766 году, «*Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus*» («Риторика, или книга руководств в красноречии»).

Авторство курса не указано, как и в большинстве других руководств. Ритор не только не называет себя, но и подчёркивает компилятивный характер своего сочинения, стремясь преуменьшить свою роль в его составлении: “*Oratorium vobis, charissimi adolescentes, officio libellum, in quo nihil esse vel novum vel meum publice liberis profiteor praeter id, quod superadditum insertumque praecipis cuiusdam auctoris videbitis*” («Ораторскую книжку вам в помощь предлагаю, милейшие юноши, в которой, открыто заявляю, вы не увидите ничего нового, ничего моего, кроме добавленного и внесённого из предписаний какого-либо автора») [Rhetorica 1766: 2]. Такое утверждение должно было быть воспринято

исключительно положительно, как уверение в благонадёжности и традиционности учебного курса, а также в отсутствии в нём каких-либо новых суждений, не прошедших проверку временем.

Знакомство с учебной книгой начиналось с предисловия. Такие предисловия представляли собой авторские декларации, в которых наряду с риторически отшлифованным обращением к учащимся и добрыми наставлениями обычно был помещён краткий обзор содержания руководства.

В предисловии к риторике автор отмечает относительно недавнее появление на русской земле общественных наук (*publica studia*), к которым он относит и риторику, но выражает убеждённость в их расцвете в скором будущем: “*non enim diu est, ex quo nostra in patria hac vel maxime in urbe publica studia ceperunt radices agere, jungere in caulem expandere brachia, in folia et fructus luxuriare. Qui si nondum ad maturitatem pervenerunt, erit tamen tempus, quo Deo benedicente simul et auxiliante laboribus docentium et discentium bene acti et rapidi de perfectione aliquanta triumphabunt, interea nemo nobis vitio vertet, si post tot tentamina denuo et praecepta orationum ex laborationibus insignium auctorum ea colligemus quae iuvenum studiosorum imo enim masculae eloquentiae usibus inserviunt, verum ne qui illud Horatij: laudat venales, qui vult extrudere merces*” («... недавно ведь в нашей стране и особенно в этом городе начали пускать корни общественные науки, выпускать из ствола ветви, буйно разрастаться листьями и плодами. И хотя они ещё не достигли зрелости, будет всё же время, когда с благословением и помощью Господа, трудами учителей и учеников они восторжествуют... Однако никто не осудит нас, если после стольких испытаний и разработки ораторских предписаний выдающихся авторов мы соберём то, что послужит для нужд учащейся молодёжи и красноречия взрослых мужей. И да не скажет кто-либо этот стих Горация: хвалит-де всякий продавец свой товар» [Rhetorica 1766: 2]).

В данном предисловии была приведена ещё одна цитата, и так же ради оспаривания содержащейся в ней идеи. Упомянув некоего сатирика, ритор опровергает его высказывание: “*Et licet in philosophos pariter et oratores jactatum est*

a nescio quo satyricorum ineptum proverbium quasi nimirum eorum sexternionibus ac libellis totic ex scriptis totiesque recoctis non modo Euphratem aut Danuvium verum Oceanum ipsum citius ponte iungis posse... eandem tamen censuram a cordatis nos minime timemus, quamvis plura exstent retorum volumina” («И пусть не знаю, кто из сатириков нападает равным образом на философов и на ораторов в неуместной поговорке, якобы их книжками и тетрадами можно не только Евфрат и Дунай, но и сам Океан запрудить... Такой насмешки мы от разумных людей не опасаемся, хотя и множество сохранилось томов ораторов») [Rhetorica 1766: 2].

Важно отметить, что первую страницу предисловия ритор привёл не только на латыни, но и на русском. Очевидно, составитель хотел, чтобы предназначение книги, а также её благонадёжность были понятны каждому, у кого она окажется в руках.

Композиция руководства соответствует общим структурным принципам риторик этого времени. В курсе лекций выделены три части. Первая, практическая, часть включает начальные сведения о риторике (“*tirocinia eloquentiae continens*”), а именно знакомство с терминологией, видами периодов, приёмами амплификации, классификацией тропов и фигур, правилами построения хрии и писем. В первой части приведены базовые риторические принципы: “*Munus rhetoris sive oratoris est ita bene et ornate dicere, ut possit persuadere dicendo. Persuadebit autem orator docendo, movendo et delectando*” («Долг ритора или оратора – так хорошо и красиво говорить, чтобы он мог речью убедить. Убедит же оратор, наставляя, побуждая и услаждая») [Rhetorica 1766: 4 (об)]. Подробнее об этом автор руководства обещает рассказать в теоретической части, в главе, посвящённой риторическому изобретению. За вводной практической частью, включающей знакомство с основами риторики и разнообразные практические советы, следует догматическая (теоретическая) часть, в которой рассматриваются этапы античного риторического канона (изобретение, расположение, словесное выражение, память и произнесение).

Первая глава первой части, «De nomine, re et divisione Rhetorices», сообщает о названии и предмете риторики, а также о том, что она может быть естественной и искусственной. Вторая глава повествует об устройстве периода, который понимается как «*omnis eloquentiae imum fundamentum*» («глубинная основа всякого красноречия») и определяется как «предложение, полно и закруглённо выражающее законченный смысл» [Rhetorica 1766: 4 (об)]. В этой главе рассмотрены простой и сложный периоды, а также их разновидности.

Следующие главы посвящены амплификации, то есть неграмматическому варьированию периода, которое может осуществляться с помощью синонимов, эпитетов, противопоставления и обстоятельств. Упражняясь в технике амплификации, учащиеся должны были научиться применять варьирование не только по отношению к содержанию речи, но и к её форме, чтобы уметь по-разному выразить одно и то же. Далее автор знакомит учеников с тропами и фигурами, а также со способами построения хрии (которую рассматривает как модель для амплификации) и написания писем. Такое (достаточно обширное и разнообразное) содержание автор рукописи относит к «*tirocinia eloquentiae*».

В начале второй, догматической, части определены принципы построения учебника: “*Abit omnis doctrina oratoria in duas partes: quarum altera est dogmatica, artis praecepta generalia tradens, altera practica, artis praecepta ad ipsum usum transferre docens... Dogmatica haec pars oratorem instruit de rerum dicendarum vel cogitatione vel collocatione vel exornatione vel pronunciatione. Ergo traduntur in hac parte praecepta inventionis, dispositionis, elocutionis, actionis*” («Всё ораторское учение делится на две части: из них одна догматическая, излагающая общие предписания искусства, другая практическая, поучающая, как предписания искусства применять для собственного пользования... Догматическая часть учит оратора замыслу, изложению, украшению и произнесению речей. Следовательно, в этой части излагаются правила изобретения, расположения, словесного выражения, произнесения» [Rhetorica 1766: 27 (об)]).

Композиционный принцип, которым руководствуется автор, основан на представлении о том, что освоение практических навыков красноречия должно предшествовать изучению теории. По замыслу составителя риторики учащиеся сначала получали необходимые практические умения и только после этого были готовы воспринимать теоретические знания в систематизированной форме. Догматический раздел руководства представляется в меньшей мере самостоятельным, в нём встречаются буквальные совпадения с текстом других риторик (в частности, с риторикой Рязанской семинарии 1759 г.) [Praecepta 1759].

Третья, заключительная, часть (*pars posterior*) озаглавлена “*Ad ipsam praxin praecepta eloquentiae communia applicans*” («применяющая общие правила красноречия к самой практике»). В ней рассказывается о видах красноречия (схоластическом, или школьном, политическом, духовном, общем), о том, каким должен быть оратор. В приложении приведены примеры речей, писем, образцы стилей. Таким образом, последовательность изучения риторики, согласно данному учебнику, предполагала практическое знакомство с основами элоквенции, затем освоение теории в соответствии с античным риторическим каноном и, наконец, возвращение к практике уже на новом уровне знаний.

Нижегородское риторическое руководство невелико по объёму (95 листов), что примерно в два раза меньше, чем другие учебные книги этого времени. Обнаруживается тяготение автора к ясности, простоте и лаконичности изложения материала. Вопреки заявленному самим автором во вступлении отсутствию самостоятельности риторика отличается определённым своеобразием подхода к отбору, расположению и интерпретации теоретических сведений, внимательно подобранными примерами.

Композиционные принципы других руководств свидетельствуют о том, что единой обязательной структуры учебной книги не существовало, каждый автор вносил в схему композиции что-нибудь своё.

В частности, классическая последовательность частей риторического канона (*inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio*) не представлялась обязательной.

Так, автор риторики, составленной в Вологодской семинарии в 1764 году [Наставления 1764], как и нижегородский ритор, открывает своё руководство разделом “*De praenotionibus quibusdam eloquentiae et adminiculis*” («О некоторых понятиях и средствах красноречия»), составленным в вопросно-ответной форме. В разделе объясняется значение таких понятий, как определение риторики, предмет и цель красноречия, объясняется различие между ритором и оратором. Рассматриваются также средства (*adminicula*) красноречия, включающие природу, искусство, чтение, перевод, подражание и упражнение [Наставления 1764: 3-4]. Тезис о необходимости знакомства с основными понятиями в начале пути освоения риторики подкрепляется развёрнутым сравнением учащихся с путешественниками, которые собираются в долгий путь и готовят подходящие дорожные запасы. Уподобление изучения риторики долгой тернистой дороге заимствовано из трактата Феофана Прокоповича, одного из важнейших источников вологодской риторики. Ритор вслед за Феофаном убеждает учащихся стремиться к постижению основ риторики в начале пути, иначе они зря потратят силы (буквально: масло и труд) (“*alioquin oleum et operam omnem perdetis*”) [Наставления 1764: 3]. Как отмечает С. А. Кибальник, аллегория ученик-путник «была распространена в школьной практике XVII в. и соответствовала барочному представлению о жизни человека как путничестве» [Кибальник 1983: 204].

Вторая часть руководства (“*De elocutione*”) посвящена словесному выражению, третьей части риторического канона. Автор нарушает традиционную последовательность изложения риторической теории, переходит непосредственно к словесному выражению, минуя части канона, которые в античной риторике ему предшествовали – изобретение и расположение.

Ритор объясняет, в чём заключается значение словесного выражения и почему с этой частью риторического канона следует знакомиться прежде всего,

словами, заимствованными из трактата Феофана Прокоповича: “*Elocutio culta et elegans oratori adeo necessaria, ut nemo sine ea, tametsi omnigena eruditione sit instructus orator audire mereatur. Haec sola si abest frustra inventio et dispositio, langueret affectus, frigent argumenta, sicca est amplificatio, haebescunt acumina, lepores et sales non arrident, tota vero macida et arida, danda est ergo opera ut eam diurno et nocturno comparemus labore*” («Искусное и изысканное словесное выражение до того необходимо оратору, что никто без него, даже если он обучен разнообразным сведениям, не достоин называться оратором. Если оно одно отсутствует, напрасны изобретение и расположение, тускнеют чувства, замерзают аргументы, амплификация суха, притупляются остроты, шутки не смешат, и всё становится сухим и бесцветным, поэтому следует приложить усилия, чтобы освоить его, трудясь денно и ночью» [Наставления 1764: 14 (об)]).

Только после рассмотрения «внешней поверхности речи» (“*exterioris faciei orationis*”) [Наставления 1764: 47 (об)], как называет составитель руководства словесное выражение, он приступает к объяснению её внутреннего содержания и построения. Следующая часть учебной книги носит название “*De inventione argumentorum*” («Об изобретении аргументов»). Аргументы сравниваются с костями в теле и фундаментом в зданиях, поскольку они являются опорой речи. Утверждается, что красивая речь без аргументов кажется пустой и наивной (*inanis et raene puerilis*) [Наставления 1764: 47 (об)]. Следует отметить, что риторическое изобретение является гораздо более широким понятием и относится не только к аргументации, однако ритор ограничивается только этой стороной инвенции, считая её наиболее значимой.

Следующая глава руководства, “*De dispositione*”, посвящена остальным частям риторического канона: не только расположению, но также запоминанию и произнесению речи. В заключительной главе даны правила духовного красноречия.

Нижегородская и вологодская риторики имеют много буквальных совпадений и, безусловно, восходят к общему источнику – риторическому трактату Феофана Прокоповича.

Это же замечание можно отнести и к риторике, составленной в Рязанской семинарии под руководством Палладия, епископа Рязанского и Муромского, в 1759 г. [Praecepta 1759].

В предисловии содержится обращение к учащимся, призывающее наслаждаться искусством риторики: «Исследуйте и изучайте тщательно и неутомимо его предписания, чтобы вы смогли хорошо, красиво и много (*bene, ornate et copiose*) говорить, к этому призывает вас родина, умоляет о словесных состязаниях часто сражающаяся с ересями Церковь, сам Господь вашим лучшим стремлениям благоволит, признаёт их и обещает вам свою поддержку. Я иду, куда меня ведёт славный путь, напрягаю все силы, чтобы стать вождём: в противном случае буду заботиться о том, чтобы стать соратником, облегчающим труды» [Praecepta 1759: 2]. Этот фрагмент ритор позаимствовал у Феофана Прокоповича, несколько видоизменив текст и придав ему новый смысл.

Стиль вступления соответствует торжественности ситуации – он возвышенный, цветистый, несколько высокопарный. Ритор прибегает к приёму градации: хорошо, красиво и много (обильно) говорить призывает родина, умоляет Церковь, и (внутри ещё одна градация) этим стремлениям сам Господь благоволит, признаёт их и обещает свою поддержку. У Феофана также была градация, хотя и несколько иная: родина – Церковь – слава: “*Invitat vos ad publica consilia saepe destituta Patria, implorat ad verbosas contentiones saepius conflictata cum haeresi Ecclesia, vocat ipsa gloria ad suum cuiusque nomen posteritati commendandum...*” [Procopovič 1982: 3]. Примечательно, что рязанский ритор отказывается считать жажду славы сильнейшим аргументом для изучения риторики и заменяет элемент градации.

Завершается предисловие сдержанным самоумалением: автор риторики готов, если не получится стать для своих читателей вождём на пути изучения

риторики, на более скромную роль соратника, помощника. В этом он также следует Феофану: “Ego me vero qua praeclarum ducit iter, annitur ut praebeam ducem: sin minus tamen comilitionem laborumque socium, ut exhibeam, curabo” («Я же приложу все силы, чтобы стать вождём на этом славном пути, или по крайней мере позабочусь о том, чтобы стать соратником и союзником в трудах») [Procopovič 1982: 3–4].

Заимствования из риторического трактата Феофана Прокоповича присутствуют и в коломенской риторике, которая является наименее самостоятельной из рассмотренных [Praecepta 1761].

Заслуживает внимания также одна из наиболее содержательных рукописных риторик – “Opus artis oratoriae generosae juventuti Roxolanae” («Труд по ораторскому искусству для благородного российского юношества») [Basilevicz 1756], составленная преподавателем Смоленского коллегиума Мануилом Базилевичем в 1756 году. Автор руководства известен, и это уже необычно, так как в большинстве латинских риторик этого времени фиксируется только время и место создания, а также имя высокого покровителя. Так, в нижегородском руководстве [Rhetorica 1766] названо только имя архиепископа Феофана Чарнуцкого, при котором была написана книга. Аналогичные сведения приведены в рязанской риторике 1759 года [Praecepta 1759], в которой сообщается, что она была подготовлена в Рязанской семинарии при поддержке Палладия, епископа Рязанского и Муромского. Риторика М. Базилевича, впрочем, не отступает от данной традиции. В заголовке к ней помимо автора упомянут также основатель Смоленской коллегии епископ Смоленский Гедеон Вишневецкий.

Открывается риторика предисловием “Ad eloquentiae cultores” («К почитателям элоквенции»), в котором обосновывается суждение о том, что элоквенция не случайно признана царицей искусств. Автор утверждает, что красноречие робких делает смелыми, а слабых сильными [Basilevicz 1756: 4]. Как и многие риторы его времени, теоретический курс (“De ipsa doctrina oratoria” («О самом ораторском учении»)) автор предваряет вводной частью (“Praenotiones

oratoriae”), в которой наряду с определением основных риторических понятий содержатся сведения о периодах. Следует заметить, что к описанию построения периодов во вводной части риторики обращался также нижегородский ритор.

М. Базилевич сохраняет каноническое расположение разделов риторической науки. Теоретический курс, составляющий вторую часть руководства, включает шесть глав: («De inventione» (об изобретении), «De dispositione» (о расположении), «De elocutione» (о словесном выражении), «De sacra oratione scilicet contione» (о проповеди), «De memoria» (о запоминании), «De pronunciatione» (о произнесении)). После раздела об элокуции ритор помещает специальный раздел о духовной речи, или проповеди. Завершается книга вспомогательным разделом «Enchiridion oratorium», в котором в алфавитном порядке приведены отдельные слова и выражения, взятые у признанных авторов. Учащиеся, работающие над составлением собственных речей, могли черпать в этом разделе вдохновение, находить подходящие синонимы, уместные словосочетания, необходимые для развития той или иной темы..

Сохранившиеся тексты рукописных руководств, по всей видимости, являются ученическими списками. На это указывают особенности текстов. Так, некоторые риторики написаны разными почерками [Наставления 1746; Basilevicz 1756]. Можно предположить, что в отдельных случаях запись текста делалась на слух или по памяти. Особенно рязанская риторика [Praecepta 1759] изобилует неточностями в написании слов. Так, происходит путаница в написании ae и e (caertae, pedagogum), y и i (hipothesis), g и h (hubernaculum), ti и ci (artifitium, beneficia, speties, ad felitiorem), встречается ошибочное удвоение согласных (aggresti, ad littora). Даже на одной и той же странице нередко встречаются два написания слова – aetiologia и etiologia, syllogismus и sillogismus, Graetiae и Graeciae; имена собственные пишутся то с прописной, то с заглавной буквы.

Интересным примером распределения материала в преподавании риторики служат три московские риторики, составленные для трёх последовательно идущих учебных лет. В руководстве “Eloquentia ligata artificiiis in articulos divisa

atque ad usum Roxolanae juventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata” («Красноречие, искусно разделённое на статьи, приуроченное к пользованию русского юношества в Московской православной академии») [Eloquentia 1743–1744] рассматриваются темы, соответствующие курсу поэтики, а не риторики. Так, в книге раскрываются значения понятий poeta (поэт), poesis (поэзия), versus (стих), pes (стопа), caesura (цезура), идёт речь о классификации поэтических жанров и размеров. Разделы, тематически совпадающие с материалом других риторик, посвящены тропам и фигурам, а также амплификации. В заключительной части руководства автор называет свой курс подготовительным (progymnasmata): “Et haec de progymnasmatibus sufficient” («И этого достаточно для начальных сведений» [Eloquentia 1743–1744: 166 (об)].

Риторика “Emporium totius facultatis rhetoricae...” («Собрание всего, к риторике касающегося...») [Emporium 1744–1745] по структуре совпадает с большинством рассмотренных риторик. После вступительной части, трактующей ключевые понятия риторики, излагаются сведения о трёх частях канона (inventio, dispositio, elocutio), а затем рассматриваются отдельные виды речей. Жанры красноречия разделены на три группы: школьное красноречие (eloquentia scholastica), официальное, или любезное красноречие (eloquentia officiosa), духовное красноречие (eloquentia sacra). Риторика содержит многочисленные примеры речей, в том числе и на русском языке. Завершается основная часть рукописи (перед приложением с примерами речей) двумя посвящениями – Иисусу Христу и Деве Марии. Последнее завершается элегическим двустишием:

“Feci quod potui, potui quod Virgo dedisti,

Pro posse et facto gloria lausque tibi” [Emporium 1744–1745: 161 (об)]

«Я сделал, что мог, сделал, что позволила Дева,

За то, что смог и сделал, слава Тебе».

Риторика “Diadema ex immarcessibilibus floribus Tullianae suadae in ornamentum Rossiae laureatis capitibus Neotullianorum in Mosquensi Graecolatino viridario contextum” («Венок из неувядаемых цветов красноречия Цицерона,

сплетённый, чтобы украсить увитые лавром головы неоцицеронианцев России в Московском греко-латинском саду...») [Diadema 1745–1746] не является прямым продолжением предыдущего курса, в чём-то его повторяет, а в чём-то дополняет. В первой части руководства сообщаются необходимые начальные сведения о риторических понятиях, рассматриваются принципы трёх частей риторического канона, но дальнейшее изложение материала строится иначе. Вторая часть книги знакомит с ораторскими жанрами, которые разделены в соответствии с античной классификацией на три рода красноречия – эпидейктическое, совещательное, судебное (*orationes generis demonstrativi, deliberativi et judicialis*). Третья часть риторики содержит сведения о понятиях, необходимых в политическом (совещательном) красноречии. Среди них такие понятия, как государство (*res publica*), глава государства (*princeps*), военачальник (*dux exercituum*), а также различные добродетели (*virtutes*) и пороки (*vitia*).

В каждом из рассмотренных руководств соблюдается классический подход к изучению риторики, опирающийся на всю предшествующую европейскую риторическую традицию, но, оставаясь в рамках канона, составители учебных книг всё же демонстрируют определённую самостоятельность и оригинальность.

1.2. Источники российских риторических руководств

В российских учебных руководствах XVIII века нашли отражение многовековые традиции риторического образования. Важным представляется вопрос о степени самостоятельности и оригинальности составителей латинских риторик. Компилятивный характер руководств не вызывает сомнений и оправдан задачами учебных книг, аккумулирующих наиболее ценные и значимые по мнению составителя, а также важные для учащихся знания. На необходимость определения «компиляционной структуры» риторик XVIII века в процессе их филологического изучения обратил внимание А. А. Костин применительно к «Краткому руководству к красноречию» М. В. Ломоносова [Костин 2015: 10].

Следует отметить, что буквальное совпадение текста различных руководств касается, в основном, теоретических правил, общим источником которых обычно служили авторитетные риторы Коссена, Помея, Готшеда, Феофана Прокоповича и других новолатинских риторов. Вместе с тем в практических рекомендациях и выборе иллюстративных примеров авторы рукописных риторик демонстрируют определённую самостоятельность, в отдельных случаях прибегая и к примерам на русском и польском языках.

Безусловно, античные тексты образуют важнейший круг авторитетных источников рукописных риторик.

Руководство, составленное в Вологодской семинарии в 1764 г., уже своим названием («Наставления по риторике на примерах из латинских авторов...») [Наставления 1764] указывает на обращение к античным источникам. Вологодский ритор ссылается на античные трактаты по риторике, цитирует их, а также иллюстрирует теоретические правила примерами из римских классиков. Достоинством вологодской риторики является более внимательное, чем у других риторов, отношение к источникам, проявляющееся в конкретных ссылках.

Из античных авторов наиболее часто упоминается Цицерон, которого вологодский ритор считает лучшим из ораторов (“*summus oratorum Tullius*”) [Наставления 1764: 76 (об)]. Следует отметить, что восприятие Цицерона как авторитетного теоретика риторики и сильнейшего из ораторов характерно для европейского образования XVII–XVIII вв. в целом и для Центральной и Восточной Европы в частности. Так, в Речи Посполитой, а также в Киево-Могилянской академии риторику изучали по трудам Цицерона [Szczepański 1929; Цыганок 2020: 35]. В российских рукописных риториках имя Цицерона встречается очень часто: приводятся примеры из его речей, цитируются риторические трактаты. В названии одной из московских риторик указано, что она адресована новым адептам учения Цицерона, которые именуются “*Neotulliani*” [Diademma 1745–1746]. Традиция упоминания имени Цицерона в заглавиях риторических учебных книг существовала в XVII–XVIII вв. и в Киево-

Могиланской академии (например, “Orator e mente Tulliana... instructus”, “Classis Tulliana”, “Arbor Tulliana” и др.) [Стратий и др. 1982; Цыганок 2020: 40].

Составитель вологодской риторики многие теоретические правила привлекает из сочинений Цицерона. Например, рассуждая о том, чем ритор отличается от оратора, он ссылается на римского автора: “Differunt rhetor et orator ideo, quod rhetor sit, qui bene dicendi concepta tradit. Orator est, qui bene dicere ad persuadendum potest. Hoc discrimen inter rhetorem et oratorem colligimus ex Cicerone, qui lib. 1 de Orat. scribit. Nihilominus nunc rhetor et orator promiscue usurpantur” («Ритор и оратор отличаются тем, что ритор передаёт знание о том, как хорошо говорить, оратор же умеет говорить хорошо и убедительно. Это различие между ритором и оратором мы берём у Цицерона (1 книга «Об ораторе»). Всё же сейчас понятия «ритор» и «оратор» смешивают») [Наставления 1764: 5 (об)].

Цицерон упоминается и при определении пяти основных задач элоквенции. Ссылаясь на трактат «Об ораторе» (3, 10) автор вологодской риторики не только приводит слова Цицерона, но и дополняет их применительно к целям своего руководства. В частности, ритор выдвигает требование чисто говорить не только по-латыни, но и по-русски (“latine aut ruthene”) [Наставления 1764: 15]. Для обоснования этого принципа красноречия упоминаются также Аристотель, для которого чистота речи связана с умением говорить по-гречески (hellenizein), и Красс, утверждавший, что лучший способ чисто говорить – говорить по-латыни [Наставления 1764: 15 (об)].

Во многих случаях автор цитирует Цицерона, не указывая конкретных мест и ограничиваясь только именем оратора (“Cicerone teste”, “Cicerone iudice”), например: “Nihil enim est in historia, Cicerone teste, pura et illustri brevitae dulcius” («в истории, Цицерон свидетель, нет ничего приятней чистой и прозрачной краткости») [Наставления 1764: 46]. Это фраза из трактата «Брут, или о знаменитых ораторах» (262). Из сочинения «Об ораторе» (1, 20) приведена фраза “elocutio sine argumentis, iisque adjuncta cum amplificatione (iudice Cicerone) inanis etiam et raene puerilis” («элокуция без аргументов и к ним примыкающей

амплификации (по свидетельству Цицерона) бесплодна и почти наивна») [Наставления 1764: 47 (об)].

Основу раздела, посвящённого риторическому изобретению, в вологодском руководстве составляют положения из сочинений Цицерона, главным образом из трактата “De inventione”. В одном случае ссылка на трактат дана ошибочно, поскольку текст восходит к другому источнику. Так, вологодский ритор приводит два цicerоновских определения аргумента. Одно определение – из трактата “De partitione oratoria” (в риторике ошибочно указан трактат “De inventione”): “Argumentum est probabile inventum ad faciendam fidem” (Part. Or. 2) («Аргумент есть нечто вероятное, изобретённое, чтобы убедить») [Наставления 1764: 51]. Второе определение (“ratio, quae rei dubiae facit fidem”) («суждение, делающее сомнительное достоверным») [Наставления 1764: 51] взято из трактата “Topica” (Top. 2, 7). Есть основания предполагать, что непосредственным источником данных цитат из Цицерона мог быть трактат Киприано де Соареса “De arte rhetorica” [Курилова 2017: 484-485], в котором определения аргументов приведены в этой же последовательности («De arte rhetorica», 1, 12).

По Цицерону даётся классификация аргументов и топосов. Разные виды топосов трактуются с опорой на «Топику» Цицерона. Так, понятие определения (definitio) восходит к этому сочинению (25): “Est oratio, quae id, quod definitur, explicat, quid sit” («речь, объясняющая суть определяемого») [Наставления 1764: 53 (об)]. Топос рода (genus) также определяется, как в «Топике» (31): “notio ad plures differentias pertinens” («понятие, относящееся ко многим видам») [Наставления 1764: 55].

Среди определений аффекта зависти приведены дефиниции Цицерона из «Тускуланских бесед» и трактата “De oratore” [Наставления 1764: 75-75 (об)]. Пространная цитата из трактата “De oratore” (2, 45) служит доказательством мысли, что оратор сам должен испытывать те аффекты, которые стремится возбудить в слушателях [Наставления 1764: 77 (об)].

Удачные примеры из Цицерона повторялись во многих европейских риториках и приобрели хрестоматийный характер. Включение наиболее ярких примеров в учебные курсы объяснялось их каноничностью и воспринималось как необходимое. Вместе с тем весьма вероятно, что с сочинениями Цицерона, а также других латинских авторов, составители учебных риторик были знакомы непосредственно, так как в своих риториках они неоднократно советуют учащимся внимательно читать тексты античных и новолатинских писателей, изучение которых было частью риторической подготовки.

Значительно реже, чем выдержки из Цицерона, встречаются отсылки к трактатам других античных теоретиков риторики – Квинтилиана и Аристотеля. На Квинтилиана вологодский ритор ссылается, когда утверждает, что аффекты незачем возбуждать у рассудительных людей: “Nosce enumeratos affectus apud viros vere sapientes et cordatos haud opus est ciere, eoqui apud Areopagitas lege cautum fuerit, referente Quintiliano, ut diceretur ἄνευ προομιῶν καὶ πάθων absque exordio et affectibus: tamen apud rudem populum, qui rationum pondus parum perpendit, omnino movere animos opus est, quo ad honestas actiones melius perducatur” («Перечисленные аффекты незачем возбуждать у людей действительно умных и рассудительных, ведь, как сообщает Квинтилиан, для членов Ареопага законом строго предписывалось говорить ἄνευ προομιῶν καὶ πάθων, без предисловий и аффектов, а грубый народ, который редко поверяет суждения разумом, необходимо брать за душу, чтобы лучше склонить к честным поступкам») [Наставления 1764: 77].

В разделе, посвящённом расположению, значение этой части риторического канона подчёркивается свободным пересказом фрагмента предисловия к седьмой книге «Риторических наставлений» Квинтилиана: “ut enim in extruendo aedificio satis non est, saxa atque materiam, et cetera aedificanti utilia congerere, nisi disponendis iis, et collocandis artificium manus adhibeatur. Sic in dicendo, quamlibet abundans rerum copia, cumulum tantum atque congestum, nisi illas easdem dispositio in ordinem digestas, atque inter se commissas devinxerit, ut sine ea

nihil valeat inventio” («Ведь и в строительстве здания недостаточно нагромоздить камни и материал и другие нужные для строительства вещи и не приложить к их расположению и размещению руки мастеров. Так и в речи, каким бы изобильным и богатым ни был материал, получится только скопление и нагромождение, если расположение не разместит всё по порядку и не скрепит взаимосвязанные части, так что без него ничего не стоит изобретение») [Наставления 1764: 78].

Аристотель упоминается в разделе, посвящённом аффектам. Со ссылкой на философа приводятся причины возникновения стыда: “*Pudorem suboriri, Aristoteles dicit, ob ea mala sive vitia, quae turpitudinem quandam habent, et cum ignominia conjuncta sunt, ut 1) timiditas, 2) levitas, 3) imprudentia, 4) ignavia etc.*” («Стыд возникает, как говорит Аристотель, из-за тех зол или пороков, которые содержат в себе нечто уродливое и связаны с позором, как 1) трусость, 2) легкомыслие, 3) нечестность, 4) лень и др.») [Наставления 1764: 72]. Представление об этом аффекте дополняется ссылкой на слова Сенеки: “*Est enim pudor quasi custos existimationis, eoque sedulo custodiendus, praesertim quando, ut est apud Senecam, cum periiit, redire nequit*” («Стыд является словно стражем репутации, потому ещё усердно нужно его беречь, что, по словам Сенеки, если он уходит, вернуть его уже нельзя») [Наставления 1764: 72].

На Аристотеля ритор ссылается, когда обосновывает необходимость выдвижения тезиса в самом начале работы над речью: “*Quemadmodum enim in animalibus, teste Aristotele, cor ante omnia membra formatur: ita propositio cum sua confirmatione imprimis ab oratore formanda est, ut juxta eam ceterae partes oriantur*” («Подобно тому, как у животных, по свидетельству Аристотеля, сердце формируется раньше остальных частей тела, так и тезис с доказательством должен быть сформирован оратором прежде всего, чтобы в соответствии с ним возникли и другие части») [Наставления 1764: 79 (об)].

Как автор правил произношения звуков латинского языка упоминается Красс, хотя, по утверждению ритора, эти правила уже не могут быть полезными,

ведь свойственное латинской речи произношение пропало (“*Propria enim latinae linguae pronuntiatio interiit*”) [Наставления 1764: 16 (об)].

Из произведений античных авторов вологодский ритор черпает многочисленные примеры, иллюстрирующие различные риторические приёмы и тактики. Главным источником таких примеров, так же как и теоретических положений, являются сочинения Цицерона. Это говорит о популярности сочинений Цицерона в России XVIII века и, в частности, восприятию некоторых выдержек из его трактатов как обязательных школьных правил.

Римский оратор упоминается практически во всех параграфах руководства. Например, рассматривая общие места (*loci communes*, а по-русски, как указывается в риторике, нравоучения), вологодский ритор замечает: “*vix ulla Ciceronis exstat oratio paulo diligentius exarata, cui non locus communis quidam moralis intextus sit*” («Вряд ли существует хоть одна речь Цицерона, написанная с некоторым тщанием, в которую не было бы вплетено какое-либо нравственное общее место») [Наставления 1764: 52 (об)].

Пример топоса перечисления частей дан из речи “*Pro Milone*” [Наставления 1764: 54]. Пример топоса этимологии имени (*notatio nominis*) дан из речи “*In Verrem*”, в которой Цицерон высмеивал праздник, который Веррес учредил в Сицилии и назвал своим именем. Пример топоса *conjugata*, основанного на использовании однокоренных слов, также приведён из первой речи против Верреса.

Примеры из речи “*Post reditum ad Quirites*” привлекаются для иллюстрации способов амплификации. Эта же речь служит примером проявления аффекта радости. Из двух речей Цицерона взяты примеры возбуждения аффекта сострадания. Построение аргументации в речи показано на примерах из речей Цицерона “*Pro Milone*”, “*Pro Sex. Roscio Amerino*”, “*Pro lege Manilia*” [Наставления 1764: 50]. Нравоучительные примеры (*exempla*) приводятся из сочинений Цицерона “*De natura deorum*” и “*Paradoxa stoicorum*”.

Особенно много примеров из речей и писем Цицерона (около 30) иллюстрируют употребление риторических фигур. Например, фигура полисиндетон (многосоюзи́е) показана на примерах из речи Цицерона против Верреса (6, 35) [Наставления 1764: 33 (об)]. Из речей Цицерона против Катилины приведены примеры синонимов: “non feram, non patiar, non sinam” (1, 5) («не вынесу, не потерплю, не позволю»), “abiit, excessit, evasit, erupit” (2, 1) («ушёл, удалился, исчез, ускользнул») [Наставления 1764: 34]. Фрагментом из речи Цицерона “Pro Milone” (34) проиллюстрирована фигура эпизевксис (субъюнкция, повторение одного и того же слова дважды или трижды подряд: “Valeant, valeant, inquit, cives mei valeant” [Наставления 1764: 34].

Примеры анафоры приведены из письма Цицерона (1, 14): “Magna est hominum opinio de te, magna commendatio liberalitatis, magna memoria consulatus tui”, а также из первой речи против Катилины (Cat. 1, 3): “Nihil agis, nihil moliris, nihil cogitas quod ego non videam, planeque sentiam [Наставления 1764: 34 (об)]. Фигура анадиплосис (повторение слова в конце первого и начале следующего высказывания) показана на примере из первой речи Цицерона против Катилины (“Consul videt, hic tamen vivit. Vivit? Imo etiam in senatum venit”) [Наставления 1764: 35], гомеоптотон показан на двух примерах: “Vivis invidiose, delinquis studiose, loqueris odiose” (Orator, 28, 3) и “Nolo esse laudator, ne videar adulator” из трактата «О дружбе» (“De amicitia”) [Наставления 1764: 36].

Без указания контекста отмечается любовь Цицерона к веским словам (*gravia verba*), т. е. к словам, которые более резко выражают плохое или хорошее (“majorem sive bonae sive malae rei ostendunt efferentiam”) [Наставления 1764: 26]. В качестве примера приводятся случаи, когда Цицерон называет преступников скотом за глупость, чумой или дикими зверями за свирепость (“scelestos homines ob stultitiam vocat pecudes, ob insaniam pestem et belluas”) [Наставления 1764: 26].

Примеры, иллюстрирующие употребление фигур, привлекаются также из других античных текстов. Вторым по частотности источником примеров является «Риторика к Гереннию» (“Rhetorica ad Herennium”), откуда взяты многочисленные

примеры фигур, в частности, пример эпифоры: “*Ex quo tempore concordia de civitate sublata est, fides sublata est, amicitia sublata est, respublica sublata est*” (4, 13) («С этого времени согласие из государства исчезло, вера исчезла, дружба исчезла, республика исчезла») [Наставления 1764: 34 (об)]; пример антанаклазы, основанной на игре слов, в частности, на совпадении глагольной и именной форм: “*Cur eam rem tam studiose curas, quae multas tibi dabit curas?*” (4, 21) («Почему так усердно заботишься (*curas*) о том, что принесёт тебе много хлопот (*curas*)?») [Наставления 1764: 35 (об)], пример антитезы (“*In otio tumultuaris, in tumultu solus es otiosus, in re frigidissima cales, in ferventissima friges. Tacito cum opus est, clamas, ubi loqui convenit, obmutescis. Ades? Abesse vis: abes? Reverti cupis. In pace bellum queritas: in bello pacem desideras. In concione de virtute loqueris, in proelio prae ignavia tubae sonitum perferre non potes*” (4, 15) («На досуге суетишься, в суете ты один предаёшься праздности, в холода тебе жарко, в жару холодно. Когда нужно молчать, кричишь, когда следует говорить, замолкаешь. Ты присутствуешь? Хотел бы отсутствовать. Отсутствуешь? Желаеть вернуться. В мирное время желаеть войны, во время войны желаеть мира. На собрании говоришь о доблести, в сражении из-за малодушия не можешь вынести звук трубы»)) [Наставления 1764: 38]; пример антиметаболы: “*Esse oportet, ut vivas, non vivere, ut edas*” (4, 4) («Ешь, чтобы жить, а не живи, чтобы есть»)[Наставления 1764: 38 (об)]. Также из этого источника приведены примеры градации, полиптотона, претериции, сермоцинации, просопопеи, апосиопезы.

Важным источником примеров являются сочинения Плиния Младшего (письма и «Панегирик императору Траяну»). Из них взяты иллюстрации семи риторических фигур. Так, из письма Плиния Младшего (II, 2) приведён пример эллипсиса: “*graviter irascor, quod a te tam diu litterae nullae*” («я очень рассержен, что от тебя так долго нет никаких писем») [Наставления 1764: 33]. Также из письма Плиния (II, 3) взят пример асиндетона (бессоюзия): “*prooemiat apte, narrat aperte, pugnat acriter, colligit fortiter, ornat excelse, postremo docet, delectat, adficit*” («начинает уместно, рассказывает ясно, борется ожесточённо, соединяет

смело, украшает обильно, наконец, учит, услаждает, побуждает») [Наставления 1764: 33 (об)]. Из Панегирика Плиния (гл. 5) приведён пример аккламации (завершающего высказывание восклицания, подводящего итог сказанному): “*habet has vices conditis mortalium, ut adversa ex secundis, ex adversis secunda nascantur*” («Так чередуются дела смертных, что несчастья порождаются счастьем, а счастье – несчастьем») [Наставления 1764: 40 (об)]. Плиний указывается как автор, часто использующий нравоучения [Наставления 1764: 52 (об)].

Единичные примеры привлекаются из других античных источников. Действие аффекта зависти показано на примерах из «Метаморфоз» Овидия и «Посланий» Горация. Медея из «Метаморфоз» Овидия указывается как пример человека, понимающего больше толпы, понимающего благо, но не следующего ему (“*supra vulgus sapiunt, multi bonum, quod approbant, non amplectuntur*”) [Наставления 1764: 76 (об)]. Требование по возможности избегать заимствованных слов иллюстрируется (со ссылкой на Светония) историей о том, как император Тиберий просил разрешения у сената, прежде чем произнести слово «монополия» [Наставления 1764: 15 (об)]. Примеры плеоназма взяты из Теренция (“*Hisce oculis egomet vidi*” – «Вот этими глазами я видел») и «Энеиды» Вергилия (“*Sic ore locuta est*” – «Так устами она сказала») [Наставления 1764: 33 (об)]. Слова Теренция из комедии «Девушка с Андроса» (“*Andria*”, I, 1) цитируются как общий совет по применению фигур в речи: “*quod in cibis condimentum, sed ubique tenendum illud Terentii, ne quid nimis*” («Как и по отношению к приправе к еде, всегда следует придерживаться совета Теренция: ничего слишком») [Наставления 1764: 41 (об)].

Из 2 письма Сенеки взят пример парадоксальной, заключающейся в различении того, что принято считать одинаковым: “*Non qui parum habet, sed qui plus cupit, pauper est*” («Не тот беден, кто мало имеет, но тот, кто хочет большего») [Наставления 1764: 38 (об)]. Примером антитезы является фрагмент из трактата Сенеки «О гневе» (1, 5). Применение этой фигуры проиллюстрировано также примером из Юстина (5,1): “*quo se fortuna eodem enim favor hominum inclinat*”

(«Куда склоняет судьба, туда же ведёт и одобрение людей») [Наставления 1764: 40 (об)]. Юстин является источником примеров и в разделе, посвящённом топике [Наставления 1764: 62 (об)]. Примеры топосов приводятся и из писем Сенеки (два примера топоса сравнения) [Наставления 1764: 58]. Пример притчи приводится из «Истории Александра Македонского» Курция (VII, 8) [Наставления 1764: 59 (об)].

Некоторые примеры фигур относятся к часто повторяемым выражениям. Такова фраза Лукиана “*simia est simia, etiamsi aurea gestet insignia*” («обезьяна останется обезьяной и в золотых знаках отличия») [Наставления 1764: 35 (об)], иллюстрирующая применение фигуры *плекэ*, построенной на различных оттенках значения слова. Эта фраза встречается во многих риториках как хрестоматийный пример. Сентенциям и поговоркам посвящён отдельный параграф руководства, в котором приводится ряд примеров из античных источников. Среди авторов сентенций – Сенека (“*De ira*”, “*De beneficiis*”), Цицерон (“*Pro Milone*”), Биант. Источники поговорок – Теренций (“*Eunuchus*”): “*At enim ist haec in me cudetur faba?*” («Эту бобовую похлёбку придётся расхлёбывать мне?»), Цицерон (“*De legibus*”, 3, 16): “*fluctus in simpulo movet*” («поднимает бурю в ложке») [Наставления 1764: 42]. Автор руководства приводит лишь несколько примеров сентенций и поговорок, отсылая учащихся к собранному им сборнику изречений.

Из сочинения Иоганна Готлиба Гейнекция (Johannes Gottlieb Heineccius (1681–1741)) «Основы утончённого стиля» (*Fundamenta stili cultioris* (1719)), построенного на античных источниках, вологодский ритор заимствует объяснение различия между высоким, средним и низким стилями. Называются античные авторы, произведения которых можно отнести к каждому из стилей. Так, примерами высокого стиля, для которого характерны изысканные слова и серьёзные изречения, являются «Панегирик Траяну» Плиния и многие речи Цицерона (первая и четвёртая Катилинарии, почти все филиппики, речи “*Pro Caecina*”, “*Pro Rabirio*”, “*Pro lege Manilia*”, “*Post reditum ad quirites*”, “*Pro Marcello*”). Подчёркивается, что лучшие примеры высокого стиля можно найти в Священном Писании, однако и среди античных текстов имеются его образцы.

К представителям среднего стиля отнесены Плиний, Непот, Светоний, Курций, Юстин. К среднему стилю принадлежат также письма Цицерона и большинство его речей (в частности, вторая и третья Катилинарии, “Pro Archia poeta”). В низком, или скудном, стиле написаны сочинения Колумеллы, Варрона, Плавта и Теренция. К низкому стилю, хотя и с оговорками, отнесены сочинения Цезаря, что обусловлено их кажущейся безыскусностью: “immo Julius Caesar enim stilo humiliori, etsi non plebejo aut ineleganti bellum Gallicum ac civile descripsit” («даже Юлий Цезарь в низком, однако не плебейском и лишённом изящества, стиле описал Галльскую и гражданскую войны») [Наставления 1764: 44].

Косвенная характеристика стиля разных авторов даётся в рекомендациях, кому из них следует подражать: “Iis Ciceronem imitandum commendaverim, qui naturae impetus ad ubertatem et copiam feruntur. Iis, quibus nihil, nisi quod ad strictum ac argutum est, placet: Plinius imitandus. Qui simplici quaedam ac casto orationis genere delectantur, iis Caesarem, Cornelium Nepotem, Curtium consuerim imitandos” («я бы посоветовал подражать Цицерону тем, кто по природным наклонностям тяготеет к многословию и пространности. Тем же, кому нравится сжатость и меткость, следует подражать Плинию. Тем, кто наслаждается простым и чистым видом речи, я посоветую подражать Цезарю, Корнелию Непоту, Курцию») [Наставления 1764: 10-10 (об)].

Смоленская риторика Мануила Базилевича в большей степени ориентирована на традиции ренессансных западноевропейских риторик, однако и в ней содержится значительное количество отсылок к античным источникам.

В разделе, посвящённом тропам и фигурам, большинство примеров взято из христианских текстов, но, как и в вологодской риторике, много примеров привлечено из речей Цицерона. Часть примеров в этих двух риториках совпадает.

Базилевич приводит определение амплификации из трактата Цицерона “De partitione oratoria”: “gravior quaedam affirmatio, quae motu animorum conciliat in dicendo fidem” («некое веское утверждение, которое, воздействуя на души, пробуждает доверие к сказанному») [Basilevicz 1756: 39 (об)]. Пример топоса

перечисления частей взят из «Панегирика» Плиния: “omnes te salutabant, sic distribuitur, non aetas quemquam non valetudo, non sexus retardavit, quo minus oculos insolito spectaculo implerent. Te parvuli noscere, ostentare juvenes, mirari senes, aegri quoque neglecto medentium imperio ad conspectum tui, quasi ad salutem sanitatemque properare. Inde alii se fati vixisse te viso te reperto alii nunc magis esse videndum praedicabant. Feminas etiam tunc fecunditatis suae maxima voluptas subiit, cum se cerneret cui principi cives, cui imperatori milites peperissent” [Basilevicz 1756: 47 (об)] («Все приветствовали тебя. Так устроилось, что никто, вне зависимости от возраста, здоровья, пола не замедлил насытить глаза невиданным зрелищем. Тебя узнавали дети, указывали на тебя юноши, тобой восхищались старцы, даже больные, пренебрегая запретами врачей, спешили увидеть тебя, словно к своему спасению и исцелению. Одни говорили, что, увидев и рассмотрев тебя, могут и умереть, другие считали, что предстоит увидеть ещё больше. Женщин же тогда охватила величайшая радость за свою плодовитость, когда они осознали, какому правителю граждан, какому полководцу воинов они рожали»).

В качестве примера сентенции выбрана фраза из «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки (LXX): “Non est res magna vivere, magnum est honeste mori” («Жить – не великая вещь, великой является почётная смерть») [Basilevicz 1756: 60]. Сравнение зависти с пламенем даётся со ссылкой на Плутарха: “sic Plutarchus a similitudine protasim in describenda invidia sumpsit. Flammam emicantem primum multus comitatu fumus, qui quidem evanescit, jam convalescente et explicante se flammam. Sic rem egregiam aggredientem initio multa permit invidia donec argumenta gloria invidiae fumum discutiet, nam fumus gloriae invidia est” [Basilevicz 1756: 67] («Так, Плутарх, описывая зависть, построил протасис на сравнении. Вспыхивающее пламя сначала сопровождается дымом, который рассеивается, когда пламя крепнет и разгорается. Так сталкивающегося с чем-либо выдающимся сначала охватывает сильная зависть, пока заслуженная слава не рассеет дым зависти, ведь зависть есть дым славы..»).

Разные виды аргументации демонстрируются на примерах из античных авторов. Источниками служат письма Сенеки, речи Цицерона. М. Базилевич редко приводит точные цитаты; по его признанию, он пересказывает ход рассуждения простыми словами (*simplicibus verbis*) [Basilevicz 1756: 97 (об)].

Рассматривая расположение ораторской речи, М. Базилевич выделяет несколько видов вступления и показывает их на примере речей Цицерона. У Квинтилиана он заимствует определение тезиса: “*Propositio... est confirmationis initium*” (IV, 4) («Тезис есть начало доказательства») [Basilevicz 1756: 94 (об)]. Положение Аристотеля о том, что повествование (*narratio*) встречается только в судебных речах, оспаривается смоленским ритором. Признавая, что мнение мудрейшего мужа необходимо поддержать (“*sustinenda est sapientissimi viri opinio*”) [Basilevicz 1756: 95 (об)], он тем не менее вынужден возразить, что в эпидейктическом красноречии повествование также находит применение.

В разделе смоленской риторики, посвящённом составлению речей по торжественным поводам, для каждого вида речей собраны подходящие сентенции античных авторов. Они приводятся без точной ссылки, просто с указанием имени автора. Например, в речь по случаю рождения ребёнка рекомендуется включать определённые изречения Квинтилиана, Цицерона, Ливия, Менандра. Фрагменты из античных авторов считаются уместными и в речах по случаю церковных праздников. Так, М. Базилевич считает, что для рождественской речи могут пригодиться строки из Овидия, Вергилия, Лукиана. Например, строка Овидия из «Фаст» о январских Календах: “*Prospera lux oritur linguis animisque favete*” (Fast. I, 71) («Рождается счастливый свет, приветствуйте его словами и душой») [Basilevicz 1756: 71] может украсить и рождественскую речь. Строка Овидия из «Метаморфоз» (VII, 518): “*Flebile principium melior fortuna secuta est*” («За горестным началом последовала лучшая судьба») [Basilevicz 1756: 73] признаётся подходящей как для рождественской, так и для пасхальной речи. Кроме сентенций, М. Базилевич для каждого вида речи приводит *eruditiones*, познавательные сведения (преимущественно из области античной культуры).

Теоретические принципы и положения науки о красноречии, изложенные в руководствах для семинарий, восходят как к античным источникам, так и к риторическим трудам Нового времени. Материал для примеров составители риторик черпали не только в текстах античных авторов, но и в Священном писании, сочинениях отцов церкви и других христианских ораторов.

Если в XVI веке область риторики оказалась ограниченной преимущественно вопросами стиля [см Encyclopedia... 2001], то благодаря неоклассическим трудам Киприано де Соареса, Герхарда Фосса, Николя Коссена, Иоганна Готлиба Гейнекия в XVII веке латинская риторика возвращает прежнюю масштабность и приобретает новую глубину.

Авторы российских учебных книг XVIII века во многом опираются на труды своих европейских предшественников. Рассмотрим новолатинские источники русской риторики этого времени преимущественно на материале вологодского риторического руководства.

Не вызывает сомнений знакомство вологодского автора с риторическим руководством испанского иезуита Киприано де Соареса (1524 –1593). Краткий (около 200 страниц) учебник «*De arte rhetorica libri tres ex Aristotele, Cicerone et Quintiliano praecipue deprompti*» был первым риторическим учебником иезуитов и одним из наиболее широко распространённых в школьной практике в Европе XVII века. По данным, приведённым Т. Конли, только в период с 1620 по 1635 гг. он выдержал 22 издания в 10 разных городах Франции [Conley 1990: 153]. Учебник Соареса был построен как конспект античных риторик с указанием названий текстов, откуда были сделаны извлечения. В вологодской риторике некоторые теоретические выкладки, заимствованные у античных авторов, приводятся по Соаресу, например, два цитцероновских определения аргумента [Наставления 1764: 51]. Следует отметить, что сочинение Соареса является источником и для других риторик. Например, оно упоминается в смоленской риторике в разделе, посвящённом расположению речи.

Среди источников вологодской риторики следует выделить также труды Герхарда Иоганна Фосса (Воссия) (1577–1649), голландского филолога, лейденского профессора риторики, который был автором четырёх книг, посвящённых искусству красноречия: «*Institutiones Rhetoricae*» (1606), «*De rhetoricae natura et constitutione*» (1621), «*Rhetorices contractae, sive partitionum oratoriarum libri quinque*» (1621), «*Elementa rhetoricae*» (1626). Риторические труды Фосса послужили образцом для многих школьных риторических руководств в Западной Европе. В частности, учебник «*Rhetorices contractae*» получил, как отмечают В.Б. Барнер [Barner 1970: 265–266] и Т. Конли [Conley 1990: 160], особенно широкое распространение в XVII веке, выдержав к концу века 33 издания. Составитель вологодской риторики заимствует у Фосса (Воссия) определение понятия *elocutio* (Voss. Lib. 4. Cap. 1): «*Elocutio oratoria est rerum inventarum et dispositarum per verba sententiasque expositio ad persuadendum idonea*» («Ораторское словесное выражение есть подходящее для убеждения изложение в словах и высказываниях изобретённого и расположенного материала») [Наставления 1764: 15]. На «*Rhetorices contractae*» Фосса (Voss. Lib. 2. Cap. 12) автор ссылается также в разделе об аффектах, приводя его дефиниции понятий *invidia* и *aemulatio*: «*Invidia est animi dolor ex alterius bono, quod vel pari vel simili obtigit, non quod eo ipsi careamus, sed quod id alius habeat*» («Зависть есть страдание души из-за блага другого, достигшего равного или подобного, не потому, что мы сами этого лишены, а потому что этим обладает кто-то другой») [Наставления 1764:75]; «*Aemulatio est perturbatio animi ob bona mentis praeclara, quae pares aut similes assecuti videantur, non quod ea aliis adsint, sed quia nos iis careamus: ut sunt virtus et eruditio*» («Соперничество (ревность) есть волнение души из-за прекрасных духовных благ, которых достигли равные или подобные нам, не потому, что они есть у других, а потому что мы их лишены, к ним относятся, например, добродетель и образованность») [Наставления 1764: 76]. Последнее определение уточняется утверждением Цицерона о двух видах соперничества – положительном (подражание лучшим) и отрицательном (зависть). К мнению

Фосса вологодский ритор апеллирует также, когда говорит о различии понятий «аргумент» и «аргументация»: «In confirmatione ergo haec duo potissimum observanda sunt, argumentum et argumentatio. Ex mente Voss. Part. 3, lib. Cap. 4, quae inter se differunt, ut pars et totum» («В доказательстве нужно прежде всего различать две вещи – аргумент и аргументацию. Согласно Фоссу, они различаются, как часть и целое») [Наставления 1764: 85].

Один из влиятельных теоретических источников – риторический трактат французского иезуита Николя Коссена (Causinus, «De eloquentia sacra et profana», 1619). Коссен считается основателем исторической риторики, связавшим понятия дискурса и культуры [Gross 2003: 89], однако заимствования из его риторики в учебных российских руководствах ограничиваются яркими сравнениями и примерами. Так, вологодский ритор, говоря о роли поговорок в речи, уподобляет их приправам, которые могут преобразить речь, если использовать их умеренно. Своё подтверждение он подкрепляет цитатой из Коссена (4,4): «Erit in his adagiis observandum, ne crebra et obscura admisceantur orationi: quid puerile est et vitiosum. Sed ubi res feret, commode quasi gemmulae purpurae inserantur: maxime vero in epistolari stilo, qui paroemiarum amoenitate cultius enitescit» («Необходимо следить за тем, чтобы не примешивать поговорки в речь часто и невнятно, ведь это наивно и ошибочно. Но, где этого требует предмет, они вставляются удобно, как пурпурные камни, особенно в эпистолярном стиле, который ярче сияет благодаря изяществу пословиц») [Наставления 1764: 42 (об)]. Автор московской риторики [Emporium 1744–1745] при перечислении топосов ссылается на Коссена. Смоленский ритор М. Базилевич в качестве примера построения речи по хрии приводит из трактата Коссена (не ссылаясь на источник) пространную декламацию о лилии, в которой использованы все топосы [Basilevicz 1756: 57–59]. Одним из источников руководства Базилевича является также «Священная риторика» Соломона Глассия (Glassius Solomon, *Rhetorica sacra* (1623)).

Ещё один важный источник: Johannes Gottlieb Heineccius, Иоганн Готтлиб Гейнекций (1681–1741), *Fundamenta stili cultioris* (1719) («Основы утончённого

стиля»). Раздел о стиле в вологодской и рязанской риториках почти весь переписан из Гейнекция (оттуда взяты дефиниции разных стилей). Вологодский ритор цитирует рассуждение Гейнекция о требованиях к словесному выражению, определённых Цицероном в трактате «Об ораторе»: «*Latinitas quippe orationi puritatem conciliat: planitas sive perspicuitas eam, ut ab omnibus intelligatur, reddit. Concinnitas in justos periodos ac decoram veluti mensuram compingit: ornatus, ut admirationi sit, et congruentia denique, ut ne a decoro aberret, efficit*» («Ведь правильная латынь придаёт речи чистоту, а ясность или прозрачность делает её понятной для всех. Соразмерность оформляет её правильными периодами и придаёт соответствующий размер; красота способствует восхищению, и, наконец, уместность не даёт отклониться от подходящего») [Наставления 1764: 15]. К Гейнекцию ритор обращается, когда хочет подчеркнуть важность утонченности речи: «*Majorem, inquit, mihi laudem videntur mereri, qui benevolentiam potius dicendi suavitate retinendam, quam multis verborum lenociniis captandam existimant*» («большой, мне кажется, достойны славы те, которые считают, что благосклонность лучше сохранить приятностью речи, чем завоевать множеством словесных заискиваний») [Наставления 1764: 80 (об)]. В разделе, посвящённом панегирикам, ритор подкрепляет именем Гейнекция мысль о различии аргументации в панегириках и других речах: «*Verum cave hic, inquit Heineccius, eodem modo, quo in ceteris orationibus procedas. Quum enim in his argumentum unumquodque, per syllogismum vel enthymema oratorium disponatur: in panegyricis singula argumenta loco communi et ipsa historia constant*» («Но здесь остерегайся, как говорит Гейнекций, того же способа, какой ты используешь в прочих речах. Ведь в них всякий аргумент располагается в форме силлогизма или ораторской энтимемы; в панегириках отдельные аргументы состоят из общего места и самой истории») [Наставления 1764: 93 (об)]. Гейнекция ритор упоминает и когда говорит об отличии дружеских писем, затрагивающих много разных тем, от писем, посвящённых какой-либо одной теме [Наставления 1764: 99 (об)].

Авторитетным оратором Нового времени для автора вологодского риторического руководства является Марк Антуан Мюре (Мурет; Muretus; Marc Antoine Muret), французский гуманист, один из лучших латинских стилистов Ренессанса. На 4-ю речь Мурета вологодский ритор ссылается, когда утверждает, что риторика – это искусство говорить разумно, а красноречие всегда было соединено с мудростью (*non nisi eloquentia conjuncta fuerit cum sapientia*) [Наставления 1764: 5]. Мурет называется, наряду с Мануцием, представителем азианского, или роскошного, стиля в красноречии [Наставления 1764: 45 (об)]. Он рассматривается как автор образцовых надгробных речей [Наставления 1764: 96 (об)]. О Мурете упоминается как о риторе, охотно использующем в речах нравоучения [Наставления 1764: 52 (об)]. Одна из речей Мурета («*De cognitione sui*») приводится в пример для демонстрации вступления, содержащего какую-либо историю [Наставления 1764: 81]. В разделе, посвящённом подражанию как необходимой части подготовки будущего оратора, в качестве материала для упражнения в подражании используется фрагмент из 22 речи Мурета. На примере анализа периода из этой речи ритор показывает, как следует разделить период на логические части, рассмотреть фразы и слова и обдумать, каким образом отдельные части связаны между собой (*logice in membra sua partimur, deinde phrasibus ac vocabulis judicamus, ac denique, qua arte singulae partes inter se connexae ac veluti coagmetatae sint, expendimus*) [Наставления 1764: 11]. Среди прекрасных и достойных восхищения особенностей стиля Мурета ритор упоминает, в частности, парные синонимы, которые только на первый взгляд имеют одинаковое значение. Например, он соединяет слова *propugnatio* и *defensio*. Оба слова означают «защита», но второе слово употребляется в значении «защита словами», а первое означает «защиту оружием». В выражениях «*retinere et amplificare dignitatem*» («сохранить и укрепить достоинство»), «*labores et discrimina*» («трудности и притеснения») смысловое различие проявляется ещё ярче [Наставления 1764: 11 (об)]. Этот приём можно успешно использовать,

полагает ритор, в подражаниях Мурету на другую тему (например, в речи о необходимости изучения общественных наук).

Из книги Эразма Роттердамского «*Enchiridion militis Christiani*» (1501) приводится пример градации. Градация (*climax*, лестница) понимается как соединение фрагментов речи посредством одинаковых слов: «*animalem sapientiam, semper assectatur pedissequa pestilens arrogantia, arrogantiam animi caecitas comitatur, caecitatem affectuum tyrannis excipit, affectuum tyrannidem universa vitiorum seges, et licentia quidvis peccandi licentiam istam sequitur consuetudo, consuetudinem infelicissimus animi stupor, quo fit, ut et mali sensu careant, stupentes mors occupant corporis, quam mors excipit secunda*» («за духовным разумом всегда следует по пятам пагубная надменность, надменность сопровождает слепота духа, слепоте сопутствует тирания страстей, тирания страстей – почва для всех пороков и разнузданность грехов, за этой разнузданностью следует привычка, за привычкой – злосчастнейшее оцепенение души, которое бывает, когда нет даже плохих чувств, и оцепеневших охватывает телесная смерть...») [Наставления 1764: 35]. Речь Эразма к бургундскому герцогу упоминается как образец панегирика наряду с речами немецких авторов Иоганна Генриха Беклера (1611–1692) и Христофора Целлария (1638–1707) [Наставления 1764: 91 (об)].

Кроме риторических трактатов и речей выдающихся ораторов, к числу источников вологодского руководства относятся тексты духовного содержания. Это прежде всего Священное Писание, а также сочинения отцов церкви. Из этих текстов берутся многочисленные примеры, иллюстрирующие виды аргументации, особенности стиля, образцы использования тропов и фигур.

Священное Писание рассматривается ритором как образец высокого стиля, превосходящий всё, что может быть высокого («*quidquid grande dici potest superans*») [Наставления 1764: 43 (об)]. Рассматривая свидетельства (*testimonia*) как вид аргументации, ритор признает наиболее вескими свидетельства, подтверждённые авторитетом Священного Писания («*auctoritate scripturae sacrae*

comprobatae»), и приводит в пример фразы из Евангелия от Марка (16, 16): «Qui crediderit, et baptisatus fuerit, salvabitur: qui vero non crediderit, condemnabitur» («кто уверовал и был крещён, спасётся, кто же не уверовал, будет осуждён») и из Послания к римлянам апостола Павла (13): «nulla potestas nisi a Deo est» («всякая власть от Бога») [Наставления 1764: 65]. Из Священного Писания извлекаются также примеры иллюстрирующих аргументов [Наставления 1764: 52 (об)]. Евангелия указываются как источник многочисленных притч (parabolaе) [Наставления 1764: 58 (об)]. Часто в качестве источника указывается просто «Вульгата» Иеронима, без уточнения конкретного текста. Особенно много примеров из Священного Писания иллюстрируют различные риторические фигуры. Со ссылкой на «Вульгату» Иеронима приведены примеры полиптотона, эмфазы, антиметаболы («Sabbatum propter hominum factum est, non homo propter sabbatum») («Суббота создана для человека, а не человек для субботы») [Наставления 1764: 38 (об)]. Из Послания к Римлянам апостола Павла взяты два примера фигуры *prose* (*copulatio*), обыгрывающей разные значения слова. Отмечается фигура парадокса в Послании к Коринфянам [Наставления 1764: 38], отсюда же приведены примеры оксюморона [Наставления 1764: 38 (об)].

Источниками примеров служат также сочинения христианских риторов. Так, Григорий Назианзин упоминается в ходе рассуждения о содержания вступления к речи. Во вступлении уместно, считает ритор, «*invocatio Dei*», как часто делает Григорий Назианзин [Наставления 1764: 81]. Пример предметной амплификации (*amplificatio rerum*) извлечён из проповеди Иоанна Златоуста (5, 81). Это ряд определений святого Креста. Из Иоанна Златоуста приводятся примеры отдельных фигур, например, плеоназма, полисиндетона.

Симплока показана во фрагменте из Арнобия («*Adversus gentes*»): «*Quando humanum genus diluviis interemptum? Non ante nos? Quando cum feris bella et proelia cum leonibus gesta sunt? Non ante nos? Quando perniciēs populis venenatis ab anguibus data est? Non ante nos?*» («когда человеческий род был уничтожен потопом? Разве не до нас? Когда велись битвы с дикими зверями и сражения с

львами? Разве не до нас? Когда людям была дана гибель от ядовитых змей? Разве не до нас?» [Наставления 1764: 34 (об)].

Принцип ясности стиля иллюстрируется фрагментом из Августина («*De doctrina Christiana*», 4, 9): «*Quid inquit, prodest locutionis integritas, quam non sequitur intellectus audientis? Cum loquendi omnino nulla sit necessitas, si, quid loquimur, non intelligunt propter quos loquimur, ut intelligant*» («К чему совершенство речи, если за ней не следует ум слушателя? Нет никакой необходимости говорить, если то, что мы говорим, не понимают те, кому мы говорим») [Наставления 1764: 17], а из «*Manuale*» Августина (32) приведён пример фигуры эпанодос, заключающейся в повторении слов в изменённом порядке: «*Melior est, qui bonis simul et malis bonus est, quam qui bonis tantum bonus est. Et melior est, qui malis et parcendo et puniendo bonus est, quam qui puniendo tantum bonus est*» («Лучше тот, кто добр и к добрым и к дурным, чем тот, кто добр только к добрым. И лучше тот, кто к дурным добр и в милости, и в наказании, чем тот, кто добр только в наказании») [Наставления 1764: 35 (об)]. Эта же фигура приведена из письма LXIX аббата св. Бернарда: «*Non irasci ubi irascendum est, et nolle emendare, peccatum est. Plus irasci, quam irascendum est, peccatum peccato addere est*» («Не гневаться, где следует гневаться, и не желать исправлять, есть грех. Сильнее гневаться, чем должно, есть добавлять грех к греху») [Наставления 1764: 35 (об)].

Из Тертуллиана приводится пример выдающегося, по мнению составителя риторики, рассуждения в форме индукции, доказывающего возможность воскресения после смерти: «*lux quotidie interfecta resplendet, et tenebrae pari vice decedendo succedunt: sidera defuncta vivescunt; tempora, ubi finiuntur, incipiunt: fructus consumuntur et redeunt: certe semina non nisi et dissoluta, foecundius surgunt; omnia pereundo servantur, omnia de interitu reformantur* (Tertull. Apol. XLVIII) («свет каждый день гаснет и вновь сияет, и мрак также исчезает и вновь появляется, померкнувшие звёзды оживают; времена заканчиваются и там же начинаются;

плоды съедаются и вновь рождаются; семена ещё больший дают урожай, всё от гибели спасается, всё после гибели возрождается») [Наставления 1764: 59].

Среди наиболее популярных латинских руководств XVIII века, оказавших заметное влияние на многих авторов, – фундаментальный риторический трактат Феофана Прокоповича «De arte rhetorica libri X» («Десять книг об искусстве риторики») (1706–1707) [Procorovič 1982]. Как отмечает С. А. Кибальник, энциклопедическая риторика Ф. Прокоповича «уникальна для всей русской культуры и может быть сопоставлена лишь с западноевропейскими ренессансными риториками, например, с сочинением Никола Коссена «XVI книг о духовном и светском красноречии»» [Кибальник 2012: 388]. Прокоповичу удалось создать универсальную риторику, предписания которой были применимы как к латинскому, так и к новым языкам. Согласно Р. Лахманн, он смог «придать своим поэтическим и риторическим сочинениям статус универсальности» [Лахманн 2001: 163]. Риторика Прокоповича проиллюстрирована многочисленными примерами из латинских авторов, что свидетельствует о выдающейся эрудиции просветителя. Известно, что личная библиотека Феофана к концу его жизни насчитывала более трёх тысяч томов, большинство из которых представляли собой сочинения на латинском языке, на других же языках было всего около 140 книг [см. Луппов 1976: 257].

Влияние сочинения Ф. Прокоповича на развитие риторики в России невозможно переоценить. По словам С. А. Кибальника, сочинение Прокоповича «является настоящим сводом всех риторических законов и правил, знакомит со многими другими риториками – как древними, так и новыми – и представляет собой настоящую энциклопедию риторических примеров» [Кибальник 2012: 388]. Списки риторики Феофана хранились во многих российских городах [Кибальник 2012: 388]. Копии риторики сохранились в студенческих списках из Славяно-греко-латинской академии (все они относятся к 1750–1753 гг.).

Многочисленные последователи Феофана Прокоповича создавали компилятивные руководства, выписывая из труда своего предшественника

обширные фрагменты и добавляя собственные методические замечания и примеры. Фрагменты из данного сочинения нередко переписывались дословно, без всяких ссылок (например, в руководствах из Нижнего Новгорода [Rhetorica 1766], Рязани [Praecepta 1759], Вологды [Наставления 1764], Коломны [Praecepta 1761]).

Так, Феофан Прокопович оказал влияние и как ритор, и как оратор на составителя вологодского руководства. В тексте учебной книги часто приводятся отдельные фразы и определения из риторики Феофана, но также он рассматривается как автор великолепных речей, которые могут считаться образцовыми. В разделе, посвящённом расположению, автор на примере Феофана Прокоповича показывает отличие композиции ораторских выступлений своих современников от классического античного канона: «Hodierno usu ad quattuor tantum partes saepius evenit oratio, quae sunt exordium, propositio, confirmatio et conclusio, ut videre licet persaepe in orationibus illustrissimi Theophanis» («В сегодняшней практике речь обычно состоит из четырёх частей, каковы вступление, тезис, доказательство и заключение, как очень часто можно увидеть в речах блистательнейшего Феофана») [Наставления 1764: 79 (об)]. Рассматривая задачи вступления к речи, вологодский ритор приводит в пример речь Феофана о Полтавской победе, во вступлении к которой подчёркивается величие предмета и необходимость о нём говорить: «Sic a dignitate exorsus Theophanes orationem 2 de victoria Poltaviensi, a necessitate orationis, de potestate, et majestate regia» («Феофан во вступлении ко 2 речи о Полтавской победе говорит о необходимости речи, о могуществе и величии царя») [Наставления 1764: 80 (об)]. Называя аффекты, которые уместно возбуждать во вступлении к речи, автор приводит в пример пять разных речей Феофана [Наставления 1764: 81]. «Illustrissimus Theophanes» отмечен и как автор изысканнейших панегириков [Наставления 1764: (91 (об))]. В главе, посвящённой этому риторическому жанру, имеется ряд отсылок к речам Феофана. Упомянуто прекрасное общее место о странствии («pulcherrimus locus communis de peregrinatione»), рассуждение о двух видах обязанностей монарха.

Достоинными внимания вологодский ритор считает также надгробные речи Феофана [Наставления 1764: 96 (об)].

Некоторые риторы, например, Мануил Базилевич из Смоленской коллегии [Basilevicz 1756], а также автор московской риторики 1744–1745 гг. [Emporium 1744–1745], учитывали в своих сочинениях не только риторику Прокоповича и трактат «De eloquentia sacra et humana» Н. Коссена, но также польскую барочную риторическую традицию. Польская риторика XVII–XVIII вв., по утверждению В. П. Вомперского, выступала посредником между испанской и восточнославянской риторикой [Вомперский 1988: 7]. Так, теория остроумия изложена в смоленском руководстве с опорой на «De acuto et arguto», сочинение польского ритора XVII в. Сарбевию (Мацея Казимира Сарбевского). Автор московской риторики [Emporium 1744–1745] цитирует оду «сарматского Горация» Сарбевию и стихи иезуита Михаила Красуцкого о Львове.

Несмотря на появление риторических трактатов на русском языке, традиция преподавания риторики на латинском языке сохранялась ещё несколько десятилетий. Вместе с тем в латинских руководствах, составленных для духовных семинарий, отразилось знакомство с риторикой М. В. Ломоносова.

Работая над русской риторикой, М. В. Ломоносов опирался на труды своих предшественников, в частности, на трактаты Николая Коссена и Помея. На это первым обратил внимание митрополит Евгений Болховитинов, указавший, что Ломоносов многое черпал из западных книг, «наипаче из латинской Кусиновой большой и Помеевой риторики» [Ломоносов 1895: IV]. М. И. Сухомлинов в академическом издании 1895 г. отнёс к теоретическим предшественникам Ломоносова также русские риторики Михаила Усачёва и Порфирия Крайского, составившего курс для Славяно-греко-латинской академии в 1733–1734 учебном году, а также немецкий трактат Иоганна Кристофа Готшеда [Ломоносов 1895: 33–40]. Представления об источниках Ломоносова были дополнены и расширены современными исследователями С. И. Николаевым, А. А. Костиным, К. Н. Лемешевым. Теперь известно, что в круг источников Ломоносова входили

также сочинения Герхарда Иоганна Фосса (Воссия) и Михаила Радау [Костин, Николаев 2013; Костин 2015; Лемешев 2016]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на традиционность содержания, риторические трактаты М. В. Ломоносова обладали значительной оригинальностью и в свою очередь становились источником для латиноязычных российских риторик.

«Краткое руководство к красноречию» М.В. Ломоносова, вышедшее в свет в 1748 г., отличалось лаконичным изложением риторической теории и изобилием примеров, в большинстве случаев специально сочинённых или переведённых Ломоносовым для этого издания. Разнообразные и яркие примеры во многом определяют своеобразие одной из ранних русских риторик. Некоторые фрагменты и примеры из ломоносовского трактата вошли и в латинские риторики.

Так, «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова стало одним из источников рязанской риторики 1859 года. В частности, рязанский ритор опирается на Ломоносова в главах, посвященных островам.

Из риторики Ломоносова взяты примеры образования острот из топоса «перечисление частей» («Благочестивый монарх единой рукою бога, а другою подданных объемлет», «Лице светлое щедротою, уста утешением сладкия, грудь, искренностию отверстая», «Великий Пётр хотя отнят от нашего зрения, однако в сердцах наших всегда пребывает») [Praecepta 1759: 96 (об)] и многие другие.

Сведения об островах, которые именуются «витиеватыми речами», «замысловатыми словами» или «острыми мыслями» [Ломоносов 1952: 204], приведены в главе седьмой «Краткого руководства...» Ломоносова, которая называется «О изобретении витиеватых речей». М. В. Ломоносов демонстрирует весьма сдержанное отношение к витиевату стилю и с иронией отзывается о современных итальянских авторах, которые, «силясь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко завираются» [Ломоносов 1952: 206]. Вместе с тем в своём риторическом руководстве учёный собрал настолько убедительные и разнообразные способы построения остроумных

высказываний на русском языке, что они с успехом послужили иллюстрацией теоретических предписаний в латинских риторических руководствах.

Заимствования из ломоносовской риторики встречаются и в нижегородской риторике. Примеры из руководства Ломоносова приводятся в разделе, посвящённом тропам, когда речь идёт о метафоре: «Небо плюёт худо сказать вместо дождь идет, или блистающая солома, громогласный комар». Примеры иллюстрируют положение: «*ad res sublimes et graves non transferantur vocabula a rebus vilibus et obscuris*» («возвышенным и серьёзным предметам не уподобляются вещи ничтожные и незаметные») [Rhetorica 1766: 13].

Тот факт, что в риторики, составленные на латинском языке, включались примеры на русском языке, взятые из трактата Ломоносова (хотя и без ссылок), свидетельствует об известности и влиятельности ломоносовской риторики в 50-60-е гг. XVIII века.

Таким образом, построение российских рукописных риторики на латинском языке ориентировано на иезуитскую модель учебного курса риторики, но авторы допускают отклонения от основной схемы в соответствии со своим видением предмета и его задач. Круг источников руководств достаточно широк. Основным античным источником являются теоретические сочинения и речи Цицерона, привлекаются также отдельные положения Аристотеля, Квинтилиана. Авторитетным источником выступает риторический трактат Феофана Прокоповича, широко используются новолатинские риторики Коссена, Помея, Гейнекция, Глассия, Сарбевию. Примеры, демонстрирующие разнообразные риторические приёмы, извлекаются из сочинений как античных, так и христианских авторов, встречаются примеры на русском (заимствованные у Ломоносова) и польском языках, что свидетельствует о стремлении адаптировать латинскую риторическую теорию к реальной языковой деятельности.

ГЛАВА 2

СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЛАТИНСКИХ РИТОРИЧЕСКИХ РУКОВОДСТВ

2.1. Общие дидактические основы составления учебных руководств по риторике

Изучение латинских рукописных руководств помогает дополнить представление о дидактических основах преподавания риторики в России XVIII века.

Не только в теоретическом содержании курсов, но и в методике преподавания риторики можно выделить две ведущих традиции – опыт западноевропейской риторики, воспринятый главным образом сквозь призму иезуитской школы, и риторическое учение Феофана Прокоповича. Авторы руководств опираются на обе традиции, несмотря на серьёзные различия между ними, контаминируют их принципы и заимствуют наиболее понравившиеся примеры и положения.

Рассмотрим общие методические подходы к преподаванию риторики, отраженные в различных руководствах, и конкретные рекомендации учащимся по изучению науки о красноречии.

В вологодской риторике 1764 года изложение теоретического материала основательно дополнено практическими советами, адресованными новичкам в красноречии (*tyrones eloquentiae*) [Наставления 1764: 3].

Ритор называет четыре этапа на пути к овладению красноречием: изучение и повторение правил, чтение, подражание и упражнение.

На необходимость постоянного повторения правил автор риторики обращает особое внимание: “*Non semel sibi discipulus praecepta per legenda putet, sed iterum atque iterum catenus percurrenda, donec memoriae bene mandentur et inhaereant*” («Не один раз ученику следует прочитать правила, но вновь и вновь их

просматривать, пока они не запомнятся хорошо и не закрепятся в памяти») [Наставления 1764: 7].

Одного усвоения правил недостаточно для овладения ораторским искусством, утверждается в риторике, но необходимо ежедневное чтение избранных авторов. К признанным авторам, эрудиция которых ни у кого не вызывает сомнений, ритор относит историков Корнелия Непота, Саллюстия, Теренция, Цезаря, Ливия, Курция, Юстина, а также ораторов (по его утверждению) Цицерона, Лактанция, Сенеку, Плиния.

Далее даются подробные советы, как следует читать книги. Ритор настаивает на том, чтобы учащиеся читали книгу не менее четырёх раз: первый раз – для понимания точного смысла текста (для этого необходим грамматический разбор предложений), второй раз – для восприятия его композиции. В третий раз важно обратить внимание на украшения речи, пословицы, сентенции: “quod si adagium, vel sententia, vel historia, vel similitudo non inepta, si quid acute, ingeniose dictum videbitur: haec omnia tanquam thesaurum quondam animo reponenda ducite ad usum et imitationem” («если пословица, либо сентенция, либо история, либо сравнение покажутся уместными, остроумными, талантливо сказанными, всё это, словно сокровище, сохраните в душе и извлекайте для использования и подражания») [Наставления 1764: 8 (об)]. Четвёртое чтение требуется для того, чтобы усвоить всё, что относится к достижению добродетели и избеганию пороков (“quae ad virtutem sectandam, vitiumve vitandum referri posse videantur”) [Наставления 1764: 8 (об)]. Хотя после многократного прочтения можно запомнить книгу почти наизусть, автор рекомендует отметить в тексте важные места либо сделать выписки: “omnia, quae scitu necessaria sunt, aut indice vel asterisco appposito ad notata, aut in collectaneis nostris tanquam in cella penaria recondita habeamus” («всё, что необходимо знать, следует помечать либо надписью, либо звёздочкой, либо, словно в кладовой, хранить в наших сборниках изречений») [Наставления 1764: 8 (об)].

Важным этапом освоения навыков красноречия считается подражание. Прежде чем самостоятельно писать речи, по утверждению автора вологодской риторики, необходимо научиться составлять речь в стиле какого-либо из признанных авторов. Ритор рекомендует выбрать античного автора, к которому ученик близок по своим природным склонностям, и подражать его стилю. Тем, кто тяготеет к пространности и многословности (“*qui naturae impetus ad ubertatem et copiam feruntur*”), следует подражать Цицерону, любящим сжатость и меткость (“*quibus nihil, nisi quod ad strictum ac argutum est, placet*”) – Плинию, а тем, кто наслаждается простой и чистой речью (“*qui simplici quaedam ac casto orationis genere delectantur*”) [Наставления 1764: 10] – Цезарю, Корнелию Непоту, Курцию. Подражание автору должно основываться на передаче особенностей изобретения, расположения и словесного выражения речи, а не на заимствовании отдельных слов и фраз: “*non eum imitari Ciceronem, qui phrasibus ex ejus libris excerptis utitur, sed qui totum orationis Ciceronianae characterem sollerter exprimit*” («не тот подражает Цицерону, кто пользуется фразами, взятыми из его книг, но тот, кто искусно передаёт весь характер Цицероновой речи») [Наставления 1764: 10].

В разделе о подражании вологодский ритор использует некоторые формулировки Феофана Прокоповича, который посвятил подражанию десятую главу первой книги своего трактата. Однако отношение этих двух авторов к подражанию и его роли в подготовке оратора различно. В вологодской риторике рекомендуется сначала подражать признанным авторам, а затем приступать к более сложному делу – самостоятельным упражнениям. Феофан Прокопович, напротив, отводит более важную роль подражанию. Говоря о средствах достижения красноречия, он отделяет подражание от других средств: “*Quaenam et quot sint adminicula et subsidia, quibus eloquentia facile comparari possit: Tria itaque sunt: natura, ars, exercitatio, et imitatio*” («Каковы же средства, благодаря которым с лёгкостью можно достичь красноречия, и сколько их? Три: природа, искусство, упражнение, и подражание») [Просоровић 1982: 61]. Три первых средства были выделены ещё Цицероном в трактате «Об ораторе» (I, 113-159), к ним

Прокопович добавил ещё одно – подражание, считая, что это более высокая степень овладения ораторским мастерством, чем упражнение.

Автор риторики из Нижнего Новгорода не выделяет подражание как отдельное средство достижения красноречия, хотя и упоминает о существовании такого подхода: “*Facultas autem orandi consumatur natura, arte, exercitatione cur quartam partem adjiciunt quidam imitationem, quam nos vel arti vel exercitationi assensemus*” («Способность к красноречию приобретается от природы, а также искусством и практикой, к чему некоторые добавляют ещё четвертую часть – подражание, которое мы причисляем либо к искусству, либо к практике») [Rhetorica 1766: 27 (об)].

Наилучшим автором для подражания Феофан Прокопович считает Цицерона, ведь “*omnium idem (verba sunt Iunii Melchioris) invenit acutissime, inventa disposuit prudentissime, disposita elocutus est ornatissime, copiosissime, gravissime*” («по словам Юния Мельхиора, он изобретал остроумнее всех, изобретённое располагал наиболее разумно, расположенное излагал наиболее красиво, пространно, веско») [Procopovič 1982: 69]. Но слепо подражать Цицерону, копируя даже недостатки его стиля, не следует. Со ссылкой на Квинтилиана Прокопович предостерегает от того, чтобы каждый период завершать словами “*inesse videatur*”, чтобы не уподобиться древним персам, которые каждого человека с кривым носом считали счастливым, потому что такой нос был у царя Кира (“*Ita nimirum antique Persae si quis apud eos incurvum nasum haberet, felicem appellabant quod Cyrus Rex eorum talem quoque habuerit*”) [Procopovič 1982: 67].

В вологодском руководстве выбор автора для подражания зависит от вкуса и наклонностей оратора. В качестве примера приводится подражание Мурету, который для авторов школьных риторик являлся образцом новолатинского красноречия. Имя Мурета часто упоминается в разных риториках, приводятся примеры из его сборника латинских речей для школьного использования “*Orationes, et epistolae...ad usum scholarum selectae...*”. Поэтому выбор Мурета для

подражания не случаен. Небольшой фрагмент его речи (22,1) тщательным образом разбирается в вологодской риторике: формулируется основная мысль (король Карл испытывает большую радость за человека, произведённого в епископы), выделяются средства украшения речи (парные синонимы, градация). Затем по данному образцу составляется рассуждение на другую тему – о том, что благородным юношам подобает изучать науку о государстве.

Следующим методическим приёмом изучения риторики является упражнение (*exercitatio*), подготавливающее к самостоятельному написанию речи с опорой на три этапа риторического канона – изобретение, расположение и словесное выражение.

Важным практическим упражнением для начинающих ораторов была амплификация. Амплификация, или распространение речи, в классических риториках понимается как система приёмов, позволяющая более полно представить какую-либо мысль. Развитие умения распространять речь, выражать свои мысли обстоятельно, в развёрнутой форме, занимало одно из центральных мест в подготовке будущего оратора уже в античную эпоху. В трактате «Об ораторе» (III, 104) Цицерон утверждал: “*Summa autem laus eloquentiae est amplificare rem ornando*” («Высшее достоинство красноречия – в том, чтобы распространить и украсить свой предмет») [Цицерон 1972: 225].

Авторы российских риторик XVIII века также уделяют особое внимание технике амплификации, опираясь главным образом на риторическую теорию Феофана Прокоповича и адаптируя её для школьной практики.

Автор вологодского риторического руководства видит в амплификации одно из лучших упражнений, оттачивающих слог ратора, и определяет её как “*unius dictionis vel sensus in plures dilatatio*” («расширение одного высказывания или смысла до многих») [Наставления 1764: 23].

Как важнейшее и едва ли не единственное упражнение в подготовке оратора рассматривает амплификацию Мануил Базилевич, составитель риторики из Смоленской коллегии: “*Non aliud quid est exercitium, quam sola amplificatio*”

(«Упражнение есть не что иное, как одна лишь амплификация») [Basilevicz 1756: 39 (об)]. Он определяет амплификацию так: “*unius verbi vel sensus uberior quaedam explanatio*” («пространное объяснение одного слова или смысла») [Basilevicz 1756: 40]. Сопоставляя амплификацию и аргументацию, ритор обращает внимание на различие между этими средствами убеждения: “*argumentatio potest adhiberi ad omnes res quaecunque possunt venire in quaestionem oratori. Jam vero amplificatio non nisi ad res magnas et graviores instituitur. Proponit rem presse et argute, secus amplificatio fuse et graviter exponit*” («Аргументация применяется ко всем предметам, которые могут быть затронуты оратором. Амплификация относится только к большим и серьёзным вещам. Аргументация излагает дело сжато и остроумно, амплификация же – пространно и серьёзно») [Basilevicz 1756: 39 (об)].

Авторы риторик различают словесную и смысловую амплификацию. Словесная амплификация представляет собой перифразу. Хорошей иллюстрацией является пример амплификации слова *пax* (мир) в риторике Базилевича: “*dulces quietis deliciae, summa regnorum felicitas, populi prima salus et integritas*” («сладостная отрада покоя, высшее счастье царств, главное спасение и безопасность народа») [Basilevicz 1756: 40].

Смысловая амплификация предполагает умение распространять смысл речи подходящими сентенциями, сравнениями, примерами: “*debet enim sensus vel sententia, quae latebat, vel non plane videbatur, exporrigi: et velut thesaurus sub sigillo latens telaque convoluta exprimi in plausum*” («необходимо развернуть скрытые или не вполне видные чувства и мысли, и, словно запечатанное сокровище или скрытые стрелы, показать для одобрения») [Basilevicz 1756: 40]. Особое внимание в риторике Базилевича уделено распространению речи с помощью познавательных сведений (*eruditiones*) и сентенций.

В риторике из нижегородской семинарии об амплификации говорится в самом начале первой (вводной) части руководства, сразу после разъяснения таких начальных понятий, как «риторика», «ритор», «оратор», «период». Умение распространять речь трактуется как одно из начал (*tirocinia*) красноречия.

Составитель руководства рассматривает несколько способов амплификации, а именно, распространение с помощью синонимов, эпитетов, противопоставлений и обстоятельств (отвечающих на вопросы «кто?», «что?», «где?», «с помощью чего?», «почему?», «как?», «когда?»). Примером служит амплификация известного афоризма “Honores mutant mores” [Rhetorica 1766: 6 (об) – 8 (об)].

1) С помощью синонимов: “Dignitas et cum eam plerumque conjunctus honor mutant mores. Honores mutant atque corrumpunt mores. Honores animum ac mores mutant”. («Достоинство и чаще всего связанные с ним почести меняют нравы. Почести меняют и развращают нравы. Почести дух и нравы меняют»).

2) С помощью эпитетов. “Honores magni mutant mores. Honores mutant mores bonos. Honores plerumque mutant mores” («Большие почести меняют нравы. Почести меняют добрые нравы. Почести чаще всего меняют нравы») (последний пример демонстрирует своеобразное смешение понятий эпитета и обстоятельства).

3) С помощью противопоставления. “Honores plurimorum hominum non meliores reddunt, sed corrumpunt mores”. («Почести от множества людей не делают лучше, а развращают нравы»).

4) С помощью обстоятельств. Данный вид амплификации предполагает определённую последовательность развёртывания мысли. А) К субъекту. Кто? “Honores” («Почести»). Что? “Qui homini conferuntur vel habentur” («Которые оказываются человеку или проявляются по отношению к нему»). Где? “In republica civili vel sacra” («В гражданском или священном государстве»). С помощью чего, кого? “A principe aut alio magistrato” («Государственного деятеля или какого-нибудь должностного лица»). Почему? “Ex favore aut merito” («Из милости или по заслугам»). Как? “Cunctis applaudentibus” («При всеобщем одобрении»). Когда? “Postquam se ad communem utilitatem digne praeparavit” («После того, как он достойно подготовился к всеобщей пользе»). Б) К предикату. Кто? “Illi” («Они»). Что? “Mutari possunt ac solent mores” («Нравы могут меняться и обычно меняются»). Где? “In optimis animis etiam” («Даже в лучших душах»). С

помощью чего? “Si praesertim divitias aut prosperos rerum successus habeant comites” («Если особенно сопутствуют богатство или благоприятный ход дел»). Почему? “Quia difficillimum semper fuit res secundas aequo animo ferre” («Потому что всегда было тяжелее всего равнодушно переносить счастье»). Амплификация с помощью обстоятельств позволяет построить развёрнутый период на заданную тему. В результате амплификации с помощью разного рода обстоятельств из тезиса получается распространённый период: “Honores qui homini ad communem utilitatem digne praeparato a principe aut alio magistrato in rep. civili aut sacra cunctis applaudentibus deferuntur, saepe optimarum quoque mentium indolem ac mores atque eo quidem facilius possunt corrumpere: quo difficilius miseris mortalibus est, fortunam secundam aequo animo ferre; praesertim si divitias et prosperos rerum omnium successus habeant comites” («Почести, которые оказываются человеку, достойно подготовленному для всеобщей пользы, правителем или другим должностным лицом в гражданском или духовном обществе при всеобщем одобрении, часто даже в лучших душах характер и нравы могут тем легче развратить, чем труднее несчастным смертным равнодушно переносить счастье, особенно если им сопутствуют богатство и благоприятный ход всех дел») [Rhetorica 1766: 7–7(об)].

Амплификация простого предложения допускает также грамматическое варьирование частей речи, падежей, родов, наклонений, времён и лиц. Например, предлагается вместо имени в исходном предложении употребить глагол (“Qui a multis honorantur, eorum mores facile mutantur” – «Те, кого почитают многие, легко меняют нравы») и, наоборот, вместо глагола – имя (“Ita comparati sunt mortales, ut honores magnos mores commutatio facile sequatur” – «Так устроены смертные, что за большими почестями легко следует изменение нравов») [Rhetorica 1766: 7(об)].

Схема амплификации с помощью падежей иллюстрирована двумя примерами. В первом из них слово “honores” последовательно употреблено во всех латинских падежах:

N. Honores mutant mores (Почести меняют нравы).

G. *Honorum splendor mutare hominum mores solet* (Блеск почестей обычно меняет нравы людей).

D. *Honoribus inbuendum puto, quod multos tam corruptos mores habent* (Я считаю, что следует ставить в вину почестям то, что многие имеют столь испорченные нравы).

Acc. *Qui ad honores adscendunt, raro mores integros conservant* (Кто получает почести, редко сохраняет неиспорченные нравы).

V. *O honores! Quam facile mores hominum corrumpitis* (О почести! Как легко вы портите нравы людей!)

Abl. *Qui honoribus cumulantur, facile mores suos mutant* (Те, кто накапливает почести (прирастает почестями), легко меняют свои нравы).

Другой пример представляет собой более сложный вид амплификации, основанный на комбинации падежей. Например, комбинация родительного и звательного: “*O indigni christiano nomine mores! Quos in multis videmus, qui aliquem honoris gradum adsecutiunt*” («О нравы, недостойные имени христианина! Мы видим их во многих, кто достигает какой-либо степени почестей»).

Аналогичные примеры иллюстрируют амплификацию с помощью родов, наклонений, времён и лиц.

Высказывание “*Honores mutant mores*” выбирают для иллюстрации приёмов амплификации также авторы некоторых других руководств 40-60-х годов XIX века [Basilevich 1756], что свидетельствует о хрестоматийности данного упражнения и активном его применении в школьной практике.

В результате амплификации, как отмечено в нижегородской риторике, могут быть образованы разные виды сложного периода. Очевидно, имеется в виду смысловая амплификация. Ритор называет одиннадцать видов сложного периода: причинный, сравнительный, уступительный, условный, следственный, относительный, противопоставительный, объяснительный, соединительный, разделительный и порядковый. Затем, кратко упомянув о знаках препинания, автор приводит пример разбора периода.

В некоторых риторических руководствах амплификация трактуется более обстоятельно. Так, в риторике 1761 года из Коломенской семинарии [Praecepta 1761: 95 (об)-97] виды амплификации простого предложения просто упоминаются и не иллюстрируются примерами, но затем автор переходит к более сложной амплификации периодов и выделяет следующие её приёмы: *definitio* (определение), *enumeratio partium* (перечисление частей), *interpretatio seu congeries* (интерпретация или нагромождение), *adjuncta* (признаки). На каждом из них ритор останавливается подробно. В качестве примера амплификации с помощью определения он приводит цитату из речи Цицерона “Pro Milone”, в которой даются разные перифрастические определения слова «дорога».

Автор рязанской риторики рассматривает амплификацию как составную часть простейшей хрии. Всего, по утверждению ритора, существует четыре части простейшей хрии: протасис (формулировка тезиса), этиология (доказательство), амплификация (распространение), заключение [Praecepta 1759: 60 (об)]. Задачи амплификации – иллюстрировать мысль, сформулированную и доказанную в двух первых частях хрии. Амплификация привлекается от противоположного или от подобного, а также может представлять собой пример или свидетельство [Praecepta 1759: 61 (об)-62]. В качестве примера избран тезис “*Filii debent obedire parentibus*” (Сыновья должны повиноваться родителям). Этот тезис подвергается развёрнутой амплификации. Амплификация от противоположного: “*qui moniti se parentum re fragari non dubitant, nihil miretur, si corporis adversa valetudo, conscientiae morsus, bonorum jactura, destinatorum infelix eventus serum ac longum paenifere ipsi deinde injungat*” («Кто не слушает увещаний родителей, пусть не удивляется, когда навлечёт на себя телесную слабость, угрызения совести, потерю имущества, несчастливый поворот судьбы»). Амплификация от подобного: “*Certe, quemadmodum ipsa bruta animalia ipsum aliquem beneficiorum filium non fatentur, dum ad obsequia eorum, a quibus nutriuntur, ex feritate mansuefiunt: ita multo magis hominem ratione gaudentem eo vinculo teneri, nemo ratione utens dubitaverit*” («Поистине, поскольку даже грубые животные приручаются из дикого состояния

и повинуются тем, кто их кормит, никто из разумных не усомнится, что гораздо больше пристало человеку, гордящемуся своим разумом, быть скованному этими узами»). Образцом амплификации с помощью примера служит рассказ об Иосифе, повиновавшемся отцу, а примером амплификации с помощью свидетельства служат слова Соломона о мудром сыне, принимающем учение отца.

Таким образом, авторы всех рассмотренных рукописных руководств уделяют большое внимание технике амплификации высказывания, хотя и по-разному представляют её способы. Амплификация лежала в основе практических упражнений, развивающих умение разнообразно и обстоятельно говорить.

К упражнениям можно отнести и составление речи по хрии в соответствии с топосами. Термин «хрия» в понимании греческого ритора IV века Автония получил широкое распространение в школьной риторике более позднего времени. Хрией называют своеобразную схему рассуждения, позволяющую распространить и более выпукло и ясно представить какой-либо тезис. По определению В. И. Аннушкина, «хрия – это краткое рассуждение, модель доказательства тезиса (афоризма), в котором развитие мысли происходит в определённом порядке. Хрия является как бы классическим методом рассуждения и построения ораторского монолога, призванным дисциплинировать ум через упорядочение речи» [Аннушкин 207: 119].

В учебной практике XVIII–XIX веков хрия играла роль риторического тренинга, позволяющего на практике применить навыки аргументации.

Рассмотрим методику обучения хрии на материале смоленского руководства М. Базилевича. В данной риторике используется как греческий термин *chria*, так и его латинский вариант *usus*. Вот как определяет хрию (узус) автор рукописного руководства: “...ad rem *chria* est commemoratio seu explicatio alicuius dicti vel facti vel simul utriusque communiter per octo sive pauciores partes” («По сути хрия является упоминанием (*commemoratio*) или объяснением (*explicatio*) какого-либо высказывания или деяния или и того и другого, обычно включает восемь или менее частей») [Basilevich 1756: 82 (об)]. Автор утверждает,

что хрия в переводе с греческого означает «использование» или «необходимость». Данная этимология слова прямо указывает на практический характер хрии, на то, что она по своей сути является упражнением. Отметим, что эта этимология отнюдь не бесспорна. Греческое слово «хрия» имеет также значения: «предмет обсуждения», «вопрос», «тема», «изречение». По мнению большинства исследователей, именно эти значения легли в основу риторического термина³.

Автор рассматриваемой риторики различает три вида хрии: действенную, словесную и смешанную. В действенной излагается деяние, в словесной – высказывание, в смешанной – и то и другое.

Части хрии выделяются следующие: вступление, экспозиция, причина, противопоставление, уподобление, пример, свидетельство и заключение. Это традиционная, классическая схема хрии.

Первая часть хрии – вступление (*exordium*), в этой части воздаётся хвала автору сказанного или сделанного, или и того и другого, либо выражается порицание, если сказанное или сделанное его достойно. Ритор рекомендует несколько возможных способов составления вступления: 1) предпочтение. Напр.: “*Evehat ad suprema laudum culmina robustos Graecia Achilles, depraedicet heroum fortissimum Alexandrum Macedonia, educat in theatrum orbis totius delectissimos patriae filios Roma suos Curtios; hos inter non imparem, ad parem vel multo magis robustiorem nostrum aevum te fortissime Roxolane Heros intuetur*” («Пусть Греция поднимает к высочайшим вершинам славы могучего Ахилла, пусть Македония называет храбрейшим героем Александра, пусть Рим выводит на всемирную сцену лучших своих сыновей Курциев, среди них выберу не просто равного, но даже более могучего, тебя, наш предок, русский герой») [Basilevicz 1756: 83]; 2) сравнение двух героев или авторов; 3) хвала. Здесь автор советует сказать, что герой не нуждается в похвале, ведь своими действиями и словами он заслужил у

---

³ О понимании хрии как дидактического жанра см. Москвин 2015. В рассмотренных рукописных риториках принято узко практическое, школьное понимание термина.

всех признание, но также можно выбрать и показать, что из многого, сказанного и сделанного им, особенно достойно похвалы.

Вторая часть – экспозиция (*expositio*) – является более понятным объяснением или пристальным рассмотрением сказанного или сделанного. Если же сказанное или сделанное достаточно ясно, экспозиция не нужна. М. Базилевич на примере изречения Менандра “*Juvenis existens multa bona discere*” («Будучи юношей, изучай много хорошего») показывает, как в экспозиции следует стремиться «попроще истолковать замысел автора»: “*non aliam propter hanc mentem boni authoris esse puto, ut teneritati juvenum esset consultum, qui pueriles annos non virtutis, sed vitiorum non artium sed depravatae libidinis metam esse putant, qui non jam unius boni capessere deberent fructus, ast omnium: nullius tamen capaces cunctorum vitiorum capacissimi demonstrantur*” («Я думаю, нельзя не согласиться с хорошим автором в том, что можно посоветовать юношам в нежном возрасте. Кто считает целью юношеских лет не доблесть, а пороки, не искусства, а извращённые страсти, те не должны получать плоды даже от одного блага, не только от всех. Те же, кто не обладает ни одним из всех пороков, окажется самым богатым») [Basilevicz 1756: 83 (об)] . Приведённый пример вряд ли является упрощением тезиса, он иллюстрирует распространение, амплификацию тезиса в экспозиции.

Причина (*causa*) толкуется как обоснование, подтверждающее изложенную сентенцию или факт. Эта часть, по мнению автора, «является фундаментом всей хрии: ведь сколько раз хрию можно варьировать, столько раз находится всё новая и новая причина, которая обнаружит другое сходство, другую противоположность, другое свидетельство» (“*Et haec est pars fundamentum fere totius chriae: nam toties potest variari chria, quoties alia et alia causa invenitur, cum qua aliud simile aliud contrarium aliud testimonium prodire solet*”) [Basilevicz 1756: 83]. Причины ритор советует искать среди внутренних топосов.

Противопоставление (*contrarium*) есть подтверждение изложенного изречения или действия, выведенное от вещи, противоположной той, которую мы хвалим или порицаем. Способ его составления таков: сделав переход, взять порок,

противоположный высказыванию или факту (если они похвальны) или добродетель, противоположную высказыванию или факту (если они предосудительны), и распространить с помощью второстепенных обстоятельств.

Уподобление (*simile*) трактуется как подтверждение изречения или действия, выведенное от подобного. Ритор сравнивает юношу с растением, указывая на разные возможности расположения сравнения и самого предмета: “*pro certo dissolutus literarum cultu ac virtutibus juvenis, quod aliud dici potest, quam arbor nulla vestita flore? Haec enim secuturae fecunditatis spem praecludit, ille a beata vita, honoris et gloriae ac simul passione coarctatur etc.*” («Конечно, лишённый образования и добродетелей юноша с чем ещё может сравниться, если не с деревом, лишённым цветов? Ведь оно не даёт надежды на плодородие, а от него закрыты блаженная жизнь, почести, слава, страсти») [Basilevicz 1756: 84].

Пример (*exemplum*) определяется как подтверждение изречения или действия примером. В риторике Базилевича эта часть хрии проиллюстрирована так: “*Vera iudicii maturi ponderavit, ...Alexander Macedo, plus valere studium bonarum atrium, quam divitias, qui insomnes juvenili in flore peragens noctes, mallet potius dignitate opibusque non gaudere, quam insipientem se populo ostentare; nihil enim mens scientiis per polito ac vexata nisi tutissimum vitae conservandae asylum etc.*» («Александр Македонский правильно рассудил, что важнее изучение искусств, чем богатства, в расцвете юности проводя бессонные ночи, скорее предпочитал не радоваться богатству и почестям, чем показаться народу невежественным. Ведь разум, отполированный и измученный знаниями, есть не что иное, как безопаснейшее укрытие, сохраняющее жизнь») [Basilevicz 1756: 84].

Свидетельство (*testimonium*) определяется как подтверждение изложенного изречения или действия с помощью сентенции какого-либо автора. В качестве примера приводится ссылка на Аристотеля.

Заключение (*epilogus*) должно представлять собой уместную и краткую концовку. По утверждению М. Базилевича, заключение есть повторение высказывания или факта, помещённого во вступлении и амплифицированного.

Вместе с тем оратор побуждает слушателей подражать тому, в чём он их убеждает, или избегать того, чего он не советует. Эта часть должна быть краткой. Например: “*Quam igitur optime sapientissimus vir vestrae adolescentis consuluit prosperitati, intueamini dum juvenili in aetate multa bona condiscenda aureo commendavit effato; cui et vos obedientes puto album adjicietis calculum, si dictum hoc opera ipso explebitis etc.*” («Какой, о юноши, замечательный совет дал для вашего процветания мудрейший муж, когда в своём золотом изречении сказал, что в юном возрасте нужно изучать много хорошего. Я думаю, и вы, послушавшись его, бросите за него белый камушек, если сказанное осуществите на деле») [Basilevich 1756: 84 (об)].

Чтобы ещё больше упростить задачу начинающих ораторов, М. Базилевич приводит образцы так называемых «переходов» (*transitiones*) от одной части хрии к другой, предлагая готовые формулы для осуществления связи между частями. После теоретического изложения сути хрии на материале античного афоризма М. Базилевич помещает пример действенной хрии на тему одного библейского сюжета (Иосиф целует умершего отца).

Важно отметить, что в руководстве М. Базилевича, освещающем все части риторического канона, а также искусство составления проповеди (ему отведён особый раздел), хрия рассматривается в разделе, посвящённом изобретению речи (*inventio*), после изложения основ топики. Хрия понимается им не как готовая речь, а как отдельный её фрагмент, развёрнутый аргумент. После риторического тренинга с помощью хрии автор счёл целесообразным перейти к рассмотрению отдельных жанров речи, обзор которых он поместил также в разделе «*Inventio*».

Умелое составление хрии являлось необходимой частью риторической подготовки. Факт преподавания риторики на латинском языке обусловил такие особенности обучения хрии, как ориентация на классические античные и христианские тексты, использование готовых словесных конструкций.

Данное упражнение рассматривается, хотя и не столь подробно, и в других риториках. Так, автор вологодского руководства призывает к умеренности, не

советуя во что бы то ни стало использовать все топосы: “*Quemadmodum enim non omnis fert omnia tellus, teste poeta: sic et quilibet locus non semper argumentum suppeditat, aut si facit, non satis habet roboris ad probandum*” («Ведь не всякая почва рождает всё, как свидетельствует поэт, так же и всякий топос не всегда предоставляет аргумент или предоставляет не имеющий достаточной силы для доказательства») [Наставления 1764: 67 (об)].

Автор вологодской риторики, говоря о необходимости упражнения, подробно останавливается на ошибках, которые часто допускают новички в работе над речью. Из риторики Феофана Прокоповича он заимствует следующий совет: “*Compositurus ergo aliquid, cave imiteris eos, qui nihil ad componendum aliud requiri censent, nunc pennam, chartam, saepiam, quae ut datae sunt, extemplo totum negotium peragunt*” («Итак, намереваясь что-либо сочинить, остерегайся подражать тем, кто считает, что для сочинения не понадобится ничего иного, кроме перьев, бумаги и чернил, которые тотчас же выполняют всё дело») [Прокоповић 1982: 65-66; Наставления 1764: 13 (об)].

Ритор предостерегает учащихся и от беспорядочного употребления в речи иностранных слов, а также от замены латинских конструкций греческими. Правда, в качестве примера приводится употребление дательного падежа вместо винительного: “*quibus jusserat*” вместо “*quos jusserat*”, хотя данный пример иллюстрирует не смешение греческого и латыни (в обоих языках был бы винительный), а кальку с русского – приказал кому.

К подражанию и упражнению призывают учащихся и авторы других риторик. Так, важность упражнения подчёркивает составитель коломенской риторики: “*Tam est oratori exercitatio necessaria, ut etiam praeepta sint frustranea, si non habeatur haec. Imo facilius est sine praeeptis comparare eloquentiam si accedat exercitatio, quam sine illa cum praeeptis*” («Настолько необходимы оратору упражнения, что, если их нет, даже наставления напрасны, ведь легче достичь красноречия без наставлений, если есть упражнения, чем без них, но с наставлениями») [Praeepta 1761: 91].

Во многих руководствах даются методические советы для учащихся, рекомендуются упражнения для наиболее успешного овладения ораторскими навыками. Так, следующее упражнение, по мнению нижегородского ритора, более всего способствует приобретению юношами способности к ораторскому изобретению: “in lectione praestantissimorum oratorum commendandum imprimis juvenibus exertitium, ex toto sermonis corpore argumenta, quibus isti auctores sunt usi, investigandi, extrahendi, ac vult ornamentis ac indumentis suis denudata existendi” («во время чтения самых выдающихся ораторов найти во всём тексте речи аргументы, которыми пользовались эти ораторы, и извлечь их, словно лишая речь украшений и одеяний») [Rhetorica 1766: 40]. Также даётся совет пересказывать простейшими словами (*simplicissimis verbis*) речи известных авторов, стараясь красноречиво передать смысл и сделать его ещё более ясным.

Практически ориентированные руководства имели целью развить в учащихся навыки владения риторической техникой. Для развития способности к ораторскому изобретению, в частности, рекомендовалось анализировать речи известных авторов с точки зрения применённых в них аргументов и топосов, а также пересказывать эти речи своими словами [Rhetorica 1766: 40]. Большое внимание уделялось технике амплификации речи, позволяющей создавать многочисленные вариации одного и того же высказывания.

В вологодской риторике даны конкретные рекомендации в разделе, посвящённом аргументации. Автор даёт ряд практических советов по подбору аргументов, в частности, рекомендует проработать все топосы, записать все приходящие в голову аргументы и отобрать сильнейшие: “*levia et aliena qualia sunt, quae ad propositam quaestionem parum, aut nihil faciunt, sunt resecanda et rejicienda; cum ad persuadendum, qui finis est oratoris, non inserviunt*” («легковесные и чужеродные, которые для поставленного вопроса делают мало или ничего, следует удалять и отвергать, ведь они не служат убеждению, которое есть целью оратора») [Наставления 1764: 67 (об)]. Рассуждая о возможности извлечения аргументов из сведений (*eruditiones*), автор вологодской риторики напоминает о

пользе чтения: “Unde orator si non jejunus, non siccus, sed facundus esse vult, morem sibi censeat satis esse, quotquot auctores legerit, sed perpetuo lectioni deditus esse debet” («Если оратор не хочет быть скудным и сухим, а хочет быть умелым, он не должен считать достаточным для себя прочесть какое-то количество авторов, но должен постоянно предаваться чтению») [Наставления 1764: 66].

Таким образом, в основе методики преподавания риторики в России XVIII века оставалась классическая теория красноречия. Составлению самостоятельных речей предшествовали формальные упражнения и подражание лучшим образцам.

2.2 Риторический канон в трактовке авторов рукописных руководств

Рукописные риторики, как правило, следуют античному риторическому канону и рассматривают такие его стороны, как изобретение (*inventio*), расположение (*dispositio*), словесное выражение (*elocutio*), память (*memoria*) и произнесение (*actio*). В соответствии с каноном должна была строиться подготовка ораторского выступления – от изобретения до произнесения. Впрочем, в отдельных руководствах классическая последовательность частей риторического канона нарушалась. Так, в риторике из Вологодской семинарии [Наставления 1764], словесное выражение (*elocutio*) рассматривается первым и трактуется как важнейшая часть риторической теории. Автор вологодской риторики не посвящает отдельных глав таким частям канона, как запоминание и произнесение, бегло рассматривая их в главе «О расположении». В конце своего руководства он с уверенностью утверждает: “Ergo amplius, mihi credite, in arte rhetorica nihil est” («Итак, больше, поверьте мне, в риторическом искусстве нет ничего») [Наставления 1764: 121]. Однако этот пример является лишь исключением, подтверждающим правило.

Форма изложения материала, выбор частных вопросов, подлежащих осмыслению, своеобразны у каждого автора.

2.2.1. Inventio

Традиционно первой частью риторического канона, первым этапом подготовки речи являлось изобретение (*inventio*). Так, Николя Коссен, французский иезуит, автор одной из влиятельных европейских риторик XVII века («О духовном и светском красноречии», 1626), подчёркивает, что понимание того, о чём предстоит говорить, является первой задачей оратора: “*In oratione scribenda, primum accuratam habere oportet quaestionis tractandae cognitionem; ex eo enim derivari omnem vim et efficacitatem sermonis oportet*” («При написании речи вначале следует добиться чёткого понимания трактуемого предмета, из этого должна проистекать вся сила и действенность речи») [Caussinus 1637: 181].

В большинстве рассмотренных риторических курсов раздел, посвящённый теории и практике риторического изобретения, является наиболее развёрнутым и обстоятельным. Он включает предписания, относящиеся к выбору темы, видам и способам аргументации, риторическим топосам.

Согласно определению, приведённому составителем нижегородского руководства, изобретение является измышлением тем и аргументов, пригодных для цели речи (“*excogitatio thematum et argumentorum quae ad scopum orationis idonea sunt*”) [Rhetorica 1766: 27]. Поэтому в разделах, посвящённых изобретению, сначала уделяется внимание правилам формулировки темы и тезиса речи, а затем приводятся классификации аргументов.

В риторике Мануила Базилевича, составленной в Смоленской коллегии [Basilevicz 1756], раздел, посвящённый изобретению, отличается большей обстоятельностью. Сначала подробно рассматривается *propositio* (тезис), отмечается, что тезис может быть трёх родов – *generis exornativi, deliberativi, judicialis* (рода эпидейктического, совещательного, судебного). Выделены три способа постановки тезисов – абсолютный, условный и проблемный. Также тезисы подразделяются на простые и аллегорические, а простые, в зависимости от того, выражают они безоговорочно истинное суждение или только предположение – на категорические и вероятные.

Пример изобретения возможных тезисов эпидейктической речи о мудрости построен на использовании общих мест – топосов, которые у М. Базилевича называются *loci rhetorici*. Ритор убедительно показывает, как из любого топоса можно извлечь тезис. Так, например, топос *definitio* (определение) помогает сформулировать тезис *anima regnorum sapientia est* (мудрость есть душа царской власти), топос *genus* (род) – *omni bono melior est sapientia* (мудрость лучше всех благ), а топос *effectus* (следствие) – *homines nobilitati subjicit sapientia* (мудрость делает людей знаменитыми) и т. д. [Basilevicz 1756: 45-45(об)].

Теория аргументации, сложившаяся в античной риторике и дополненная и развёрнутая в последующие века, в российских школьных риториках подверглась своеобразной методической адаптации.

Нижегородская и вологодская риторики представляют похожие концепции аргументации.

В нижегородской рукописи аргументация рассматривается как один из этапов риторического изобретения, следующий непосредственно после изобретения темы: “*Invento themate argumenta thematis invenienda sunt... argumentis ipsis quibus velut nervis causa continetur ...*” («после изобретения темы нужно найти аргументы к теме... ведь на аргументах, словно на нервах, держится дело...») [Rhetorica 1766: 35 (об)].

В риторике из вологодской семинарии виды аргументов также рассматриваются в разделе “*Inventio*”, который в данном руководстве следует за разделом “*Elocutio*”. По логике составителя, к постижению внутренней структуры речи следует переходить, изучив её внешнюю оболочку [Наставления 1764: 47 (об)]. Учение об аргументации находится в центре внимания ритора, ведь “*quod ossa in corpore et fundamentum in aedibus est, id sunt argumenta in dicendo, quibus numerosa orationis structura innititur*” («тем же, чем являются кости в теле и фундамент в зданиях, тем же являются аргументы в речи, на них опирается разветвлённая структура речи») [Наставления 1764: 47 (об)]. Призывая в судьи Цицерона (*judice Cicerone*), вологодский ритор утверждает, что речь без

аргументов пуста и наивна (*inanis etiam et paene puerilis*) [Наставления 1764: 47 (об)].

Аргументы в нижегородской риторике делятся на поучающие (*docentia*), убеждающие (*persuadentia*, λόγοι), привлекающие (*conciiantia*, ήθη) и побуждающие (*commoventia*, πάθη) [Rhetorica 1766: 30]. Виды аргументов соотнесены с понятиями логоса, этоса и пафоса. Как утверждает ритор, «убеждающие аргументы у древних риториков назывались λόγοι или доводы, привлекающие – ήθη или нравы, побуждающие – πάθη или аффекты» [Rhetorica 1766: 30 (об)].

Почающие аргументы относятся главным образом к эпидейктическому красноречию (*ad genus demonstrativum*), побуждающие уместны в совещательном (*in genere deliberativo*), в судебном же красноречии (*in forensi*) находят место все типы аргументов. Ритор подчёркивает, что так было у древних (*apud veteres*), ведь в современной ему риторике сохранилось главным образом эпидейктическое красноречие, остальные же виды остались лишь в школьном употреблении [Rhetorica 1766: 58 (об)]

Известно, что Квинтилиан распределил разные разделы искусства красноречия в соответствии с задачами оратора: “*Oratoris officium docendi movendi delectandi partibus contineri, ex quibus ad docendum expositio et argumentatio, ad movendum adfectus pertinerent, quos per omnem quidem causam sed maxime tamen in ingressu ac fine dominari. Nam delectationem, quamvis in utroque sit eorum, magis tamen proprias in elocutione partes habere*” («Задача оратора включает следующие части: поучать, трогать, услаждать. Поучению служат экспозиция и аргументация, трогают аффекты, которые, хотя и присутствуют во всей речи, господствуют главным образом в её начале и конце. Услаждение более всего проявляется в словесном выражении, хотя присуще и другим частям») (M. Fabii Quintiliani *Institutio Oratoria*, VIII, 7). Таким образом, аргументация, согласно Квинтилиану, служит главным образом *ad docendum*.

Вполне закономерно нижегородский ритор относит *docentia argumenta* (поучающие аргументы) к основному типу. С их помощью оратор информирует слушателя (“*auditorem informat orator*”) [Rhetorica 1766: 30]. *Docentia argumenta* бывают четырёх видов: объясняющие (*explicantia*), доказывающие (*probantia*), иллюстрирующие (*illustrantia*), применяющие (*applicantia*).

Объясняющие аргументы (*explicantia argumenta*) подразумевают объяснение значения слова, для чего следует прибегнуть к помощи этимологии или синонимии. Объяснение опытный оратор должен черпать из глубокого знания предмета, новички могут научиться извлекать аргументы из топосов.

Нижегородский ритор приводит схему извлечения объясняющих аргументов из топосов на примере темы “*studiosus*» (учащийся): 1) топос определения: это человек, предающийся учению (*persona in litteris incumbens*); 2) топос рода: занимается богословием, юриспруденцией, медициной или философией; 3) топос целого: учится в академии или гимназии; 4) топос части: использует для работы ум, рассудительность, память, руки; 5) топос производящей причины: был зачислен в число учащихся ректором; 6) топос материальной причины: стоимость обучения, книги, кабинет; 7) топос формальной причины: право посещать лекции; 8) топос цели: благополучие государства; 9) топос следствия: диссертация, речь; 10) топос признаков: прилежание, лень, богатство, бедность; 10) топос противоположности: воспитанники низших школ, ремесленники [Rhetorica 1766: 36–36 (об)].

Доказывающие аргументы (*probantia argumenta*) имеют большее отношение к логике, чем к риторике. Начинаящих риторов автор руководства вновь отсылает к топосам, показывая несколько видов аргументов, доказывающих тезис «праздности следует избегать». Так, из топоса рода извлекается аргумент “*otium est vitium turpissimum*” («праздность есть позорнейший порок»), из топоса причины – “*otium est fructus corruptae naturae*” («праздность есть плод порочной природы»), из топоса следствия – “*otium multorum vitiorum origo est*” («праздность

есть начало многих пороков»), из топоса противоположности – “*diligentia est res pulcherrima*” («прилежание – прекраснейшая вещь») и т. д. [Rhetorica 1766: 37].

Иллюстрирующие аргументы (*illustrantia argumenta*), по мнению ритора, извлекаются только из четырёх топосов – подобного, противоположного, примера и свидетельства. Так, тема «праздности следует избегать» может быть проиллюстрирована следующими аргументами – от подобного: “*Aqua facile putrescit, nisi moveatur*” («Стоячая вода легко портится»); от противоположного: “*Molestum est laboribus fastigari, tandem assuescimus*” («Тяжело трудиться, но мы привыкли»); от примера: “*Formicas tibi ad oculos pone*” («Представь себе муравьёв»); от свидетельства: “*Viri cuiusdam pii qui dixit laboriosum hominem vix semel tentari interea, quum otiosus tentetur centies*” («Некий благочестивый муж сказал, что трудолюбивый человек подвергнется искушению самое большее однажды, за это же время праздный – сотни раз») [Rhetorica 1766: 37 (об)].

Наконец, последний вид наставляющих аргументов – применяющие аргументы (*applicantia argumenta*), которые извлекаются из следствий. Об этом виде аргументов ритор упоминает вскользь, объясняя это тем, что выведение следствий из тезиса уже рекомендовалось ранее в качестве способа формулировки темы речи и нужные примеры можно найти в соответствующем разделе.

Убеждающие аргументы (*persuadentia*, λόγοι) демонстрируют хорошие или плохие качества предмета, отталкиваясь от понятий почётно́го или позорного, полезного или губительного, приятного или тягостного, лёгкого или трудного, необходимого или абсурдного [Rhetorica 1766: 30 (об)]. Так, например, предлагается аргументировать от позорного (a turpi) тезис “*noli sectare militiam*» («не стремись к военной службе»): “*Multiplicem peccandi occasionem habet miles*” («У воина есть много поводов согрешить»), “*Parentibus maerorem contrahes: et quum panis aliquando ostiatim quaerendus erit, omnibus agnatis tuis eris dedecori*” («Принесёшь печаль родителям, а так как когда-нибудь тебе придётся добывать пропитание, прося милостыню, принесёшь позор всем своим родным»), “*De vitae aut sanitatis jactura singulis momentis timere debent, qui proelium ineunt*”

(«Вступающие в сражение каждую минуту должны бояться потери жизни или здоровья») [Rhetorica 1766: 38]. Последний пример неточен, так как аргумент имеет отношение к понятиям полезного или губительного, а не почётно́го или позорного.

Интересен пример аргументации противоположных тезисов. Положение “Prosequere studia litterarum” («Продолжай заниматься науками») подкреплено аргументами a facili: “Difficiliora jam superasti” («Самое трудное ты уже преодолел»), “Post biennium inter cives academicos referri poteris” («Через два года будешь считаться членом академии»), “Non deerunt qui egestati tuae possint succurrere” («Не будет недостатка в тех, кто сможет помочь тебе в твоей бедности»). Тезис “Noli litteris operam dare” («Не занимайся науками») аргументируется ab absurdo: “Neque subsidiis instructus es, nec felix ingenium nactus” («Ты не обладаешь средствами, и не наделён талантом»), “Hinc satis habebis si in pago scholam tibi aliquando moderari licuerit” («Достаточно, если тебе когда-нибудь позволят преподавать в сельской школе») [Rhetorica 1766: 38 (об)].

Привлекающие аргументы (conciiantia, ἡθη), по мнению нижегородского ритора, служат тому, чтобы оратор завоевал у слушателей репутацию честного, образованного и рассудительного человека, а также, чтобы должным образом добился их внимания и расположения. Для этого необходимо придерживаться ряда правил. Среди них: “Nihil proferre, quod verbo divino ac virtuti sit contrarium” («Не говорить ничего противоречащего божественному слову и добродетели»), “De rebus gratis et utilibus dicere” («Говорить о вещах приятных и полезных»), “Si quae utilia et necessaria dicenda sunt, etsi ingrata ea, praefatione aut significatione amoris et benevolentiae emollire” («Если должно быть сказано нечто неприятное, хотя полезное и необходимое, смягчить предисловием и уверениями в любви и благосклонности»), “De se ipso modeste ac de aliis honorifice sentire” («О себе самом думать скромно, а о других – с уважением»), “Brevitati studere atque hoc modo auditorum tempori ac patientiae ut decet parcere” («Стремиться к краткости и

этим самым беречь, как подобает, время и терпение слушателей») [Rhetorica 1766: 39]. Примеры привлекающих аргументов не приводятся.

Побуждающие аргументы (*commoventia*, *πάθη*) ритор советует применять для возбуждения в слушателях добрых и полезных чувств или для подавления дурных и неполезных. С помощью этих аргументов можно не только склонённого поднять и стоящего склонить, но и противника и спорщика схватить и повергнуть (“*ut non modo inclinantem erigere aut stantem inclinare, sed enim adversantem et repugnantem capere ac prosternere valeat*”), в чём ритор видит подлинный триумф красноречия [Rhetorica 1766: 30 (об)]. Указывая Аристотеля в качестве наиболее авторитетного источника представлений об аффектах, автор руководства приводит несколько простых примеров апелляции к аффектам в побуждающих аргументах. Говоря о том, что следует избегать лени, можно возбудить в слушателе чувства сострадания: “*Misericordice aerumnosa est illa studiosorum juvenum anceps cogitatio qui transactis per otium annis nec fodere nec mendicare sustinent, interea dignitatibus admoveri vident alios, aetate quidem multo inferiores*” («Достойны жалости нерешительная медлительность учащихся, которые, проведя годы в праздности, будут рыть землю или просить милостыню, наблюдая между тем, как те, кто гораздо младше по возрасту, достигают почестей»), ненависти: “*Sed ita merserunt homines, quos nec parentum lacrimae nec praceptorum adhortationes movere potuerunt*” («Но так опустились люди, что ни слёзы родителей, ни увещевания наставников не могут их тронуть»), надежды: “*Quod in scholis est aut academia juvenis potest neglecta, si quidem debita laboribus adhibere diligentiam inciperit recuperare*” («Всё, чем молодёжь смогла пренебречь в школе или академии, если это необходимо, она начнёт восстанавливать, если приложит труды и усердие»), страха: “*Venient dies, quum dicetur: o mihi praeteritos referat si Juppiter annos*” (Наступит день, когда будет сказано: о, если бы Юпитер вернул мне ушедшие годы!)» [Rhetorica 1766: 39 (об)–40].

В риторическом руководстве, составленном в Вологодской семинарии, как уже было отмечено выше, изобретение рассматривается после словесного

выражения. Автор поясняет своё композиционное решение необходимостью рассмотреть внутреннюю конструкцию речи после того, как изучена её внешняя поверхность. В центре внимания в разделе «Изобретение» – аргументы, которые, по мнению ритора, являются в речи тем же, чем являются «кости в теле и фундамент в зданиях» (“*ossa in corpore et fundamentum in aedibus*”) [Наставления 1764: 47 (об)]. В самом определении изобретения речь идёт только об аргументах: “*Inventio est ingenua argumentorum ad faciendam fidem excogitatio*” («Изобретение есть изначальное обдумывание аргументов в целях убеждения») [Наставление 1764: 51].

Классификация аргументов в вологодской риторике почти совпадает с приведённой в нижегородской рукописи, совпадают даже многие примеры [Наставления 1764: 51 (об)–52 (об)]. Однако есть и отличия. Если в нижегородской риторике отдельную группу составляют *docentia argumenta*, а затем рассматриваются *persuadentia*, *conciliantia et commoventia argumenta*, соотнесённые с понятиями логоса, этоса и пафоса, в вологодской рукописи вначале выстроена эта же классификация, но далее в тексте анализируются только логические и патетические аргументы. Наставляющие и убеждающие аргументы объединяются одним понятием *docentia* (λόγοι) и противопоставляются патетическим (*loci pathetica* (πάθη)). Иную трактовку получают применяющие аргументы. Нижегородский ритор выводил их из следствий к тезису, в вологодском руководстве они отождествляются с общими местами (*loci communes*). Общее место понимается как нравственное или политическое рассуждение, этот термин ритор предлагает переводить на русский язык как «нравоучение» (“*locus autem communis est tractatio moralis vel politica, diciturque ruthenice нравоучение*” [Наставления 1764: 52 (об)].

В риторике из Рязанской семинарии аргументация трактуется лаконично. Автор различает только два вида аргументов – объясняющие (*explicantia*) и иллюстрирующие (*illustrantia*) [Praecepta 1759: 78-78 (об)], соотнося их с топосами. По мнению ритора, иллюстрирующие аргументы следует черпать из

топосов подобного, противоположного, примера и свидетельства (это совпадает с утверждением нижегородского автора), объясняющие же аргументы можно изобрести с помощью всех остальных топосов.

Автор смоленской риторики М. Базилевич, говоря об изобретении аргументов, также опирается на топику. Вслед за Н. Коссеном, которого он считает первым из риториков своего времени (“*rhetorum huius aevi princeps*”) [Basilevicz 1756: 126], он насчитывает 16 топосов и делит их на внутренние и внешние. Однако, если французский ритор относит к внутренним такие топосы, как определение, род, виды, перечисление частей, различие, смежность, а к внешним – причину, следствие, значение имени, признаки, противоположность, противоречия, сходство, подобие, сближение, сравнение, М. Базилевич все указанные топосы считает внутренними, а внешними топосами называет прецеденты, молву, клятвы, показания, документы, свидетельства, а также истории, басни, притчи, символы, пословицы и т. д. Противоречивость и недостаточная ясность классификации, закреплённой в риторике Коссена, не случайно побудила авторов российских руководств её пересмотреть. В нижегородском руководстве обнаруживается тенденция к упрощению риторической теории, в смоленской риторике можно отметить как зависимость М. Базилевича от риторики Коссена, так и стремление к большей логичности.

В смоленском руководстве, опирающемся на традиции барочной риторики, примеры отличаются изощрённостью и энигматичностью. Так, ритор приводит разнообразные примеры аргументов, выведенных из топоса определения: 1) с помощью синонимии: «честолюбие – губитель дворцов, гибель состояний, Сцилла мужей, Харибда граждан, факел, зажигающий души, огромное бедствие для государственных деятелей и знати, омут для соперничающих» (“*ambitio aularum scopolus, fortunarum exitium, virorum Scylla, civium Charybdis, taeda animorum contagio, principum et optimatum pestis immensa, aemulantium vorago*”); 2) с помощью отрицания: «Не тот воин, кто снимает шкуры с быков и баранов, кто на коне разъезжает вокруг домов, а когда они задымятся, торжественно

выступает, как на Олимпийских играх, не тот, кто хоть и носит на поясе меч и колчан, чаще видит поместья, чем сражения» (“Non ille miles, qui spolia bobus detrahit et arietibus, qui equo insidiens circa villas et fumantes cominos Olympia decurrit, non ille qui framea et pharetra cinctus perdia crebrius quam proelia vidit”); 3) по следствиям: «бедность – мать унижения, сестра голода и недоедания, источник бед» (“paupertas humilitatis mater, famis et inediae soror, calamitatis origo”); 4) по подобию: «человеческая жизнь есть сад, открытый для разграбления, цветов, который быстро сорвет несправедливый ветер, колесо, подверженное переменам судьбы, соломинка, которая лёгкими дуновениями ломается словно в шутку, голубка, беззащитная перед острыми когтями ястреба, лодка, уносимая течением то туда, то сюда» (“vita humana est hortus rapinae patens, flos ventorum injuriis in diem demetendus, rota ad diversam vicissitudinem fatorum volubilis, stipula, levibus quantum vis flatibus in ludibrium censura, columba ad uncis accipitrum unguibus exposita, cymba huc et illuc defluentibus meandris deferenda”) [Basilevich 1756: 46 (об)] и т. д. Всего приведено десять способов аргументации из топоса определения, так же пространно трактуются и другие топосы. В качестве примера речи с использованием всех топосов Базилевич приводит описание лилии, заимствованное из риторики Н. Коссена [Basilevich 1756: 57–59; Caussin 1637: 199–201].

Своеобразие толкования смоленским автором риторического изобретения проявляется прежде всего в том, что в данном руководстве к изобретению отнесены также виды аргументации – силлогизм, энтимема, пример, эпихирема, сорит, индукция, дилемма, украшение, протасис и аподосис, аллегория. Традиционно они трактовались как способы расположения аргументов и рассматривались в разделе «Dispositio». Область риторического изобретения М. Базилевич трактует широко, относя к ней также сведения о речевых жанрах.

Автор московской риторики [Emporium 1744–1745] также при перечислении топосов ссылается на Коссена, но примеры приводит другие. Многие из них свидетельствуют о преимущественном влиянии польской

латиноязычной риторики XVII века. Например, аргументация из топоса определения проиллюстрирована одой «сарматского Горация» Мацея Казимира Сарбевского (Сарбевия):

Armata regem non faciet cohors,
Non tincta vulgi purpura sanguine
Aut nobili stellatus auro
Frontis apex teritique gemma.
Rex est profanos qui domuit motus
Qui cum stat unus castra sibi facit
Casumque fortunamque pulchro
Provocat assiduus duello...

Королём не сделает ни вооружённая когорта,
Ни порфира, обаянная народной кровью,
Ни голова, увенчанная благородным золотом
И драгоценными камнями.

Король – тот, кто усмирил порывы толпы,
Кто, стоя один, расположился лагерем,
Кто непрестанно бросает вызов несчастью и счастьем
На славной войне...

[Emporium 1744–1745: 30]

Цитируются также стихи иезуита Михаила Красуцкого, посвящённые Львову:

Urbs quae Rossiadum mater es urbium
Sedes ingenii magnanimi, labor
Fortunata leonis
Doctorum domus artium...
О город, ты мать городов российских,
Обитель благородного ума,
Счастлирое творенье льва,

Дом учёных искусств... [Emporium 1744–1745: 30-30 (об)]

Множество примеров речей и элогиев, приведённых без указания авторства, по всей видимости, также являются образцами польского красноречия.

Обращаясь к античным источникам, ритор нередко допускает ошибки и неточности. Риторика к Гереннию упоминается как сочинение Цицерона “Ad Naerentium” [Emporium 1744–1745: 50 (об)], строки Катутла “soles occidere et redire possunt...” приписываются Лукуллу [Emporium 1744–1745: 51] и т.д.

При всём различии ориентиров и подходов российские риторические руководства XVIII века подчёркивают важнейшую роль мастерства аргументации в создании убедительной речи, уделяя серьёзное внимание подробному изложению техники изобретения аргументов.

Отдельно следует остановиться на интерпретации авторами российских рукописных руководств по риторике использования патетических аргументов (аффектов).

Роль аффектов в искусстве красноречия подчёркивалась многими теоретиками риторики уже в античную эпоху. Аффектам (страстям) посвящена вторая книга «Риторики» Аристотеля. Цицерон в трактате «Об ораторе» (II, 205) рассуждает о различных способах возбуждения страстей, но подчёркивает, что прежде всего нужно решить, требует ли этого дело: “nam neque parvis in rebus adhibendae sunt hae dicendi faces neque ita animatis hominibus, ut nihil ad eorum mentis oratione flectendas proficere possimus, ne aut inrisione aut odio digni putemur, si aut tragoedias agamus in nugis aut convellere adoriamur ea, quae non possint commoveri” («Ибо ни по маловажному поводу, ни перед такими слушателями, которых не проймёт никакая речь, не следует применять пламенного красноречия, чтобы не вызвать либо смеха, либо отвращения к себе, если мы станем разыгрывать трагедии по пустякам или вздумаем искоренять то, чего и поколебать невозможно») [Цицерон 1972: 171]. Античные теории легли в основу понимания роли аффектов в риторическом искусстве в последующие века.

В вологодской риторике отмечается, что «в аффектах прежде всего заключается царство красноречия, и с помощью этой науки оратор придаёт силы душам» (“in hoc enim ut plurimum consistit eloquentiae regnum, ut orator doctrina hac vim animis adferat”) [Наставления 1764: 70 (об)]. Вологодский ритор приводит следующее определение аффекта: “Affectus est animae ex opinione boni vel mali orta perturbatio” («Аффект есть волнение души, рождённое представлениями о добре и зле») [Наставления 1764: 71]. Другое определение аффектов, акцентирующее их роль в искусстве красноречия, предлагает автор риторики, составленной в Смоленской коллегии в 1756 году, Мануил Базилевич: “Affectus dicuntur motiones et impetus quibus impellimur ad aliquid persequendum vel fugiendum, quae motiones et impetus proveniunt ab appetitu” («Аффектами называются движения и побуждения, которые мы используем для того, чтобы чего-либо достичь или избежать; эти движения и побуждения происходят от влечений») [Basilevicz 1756: 93 (об)].

Вологодский ритор подчёркивает, что особенно важно возбуждать аффекты при обращении к малообразованным и неопытным слушателям, а на образованную аудиторию более сильное воздействие произведут логические аргументы [Наставления 1764: 77]. Таким образом, при использовании аффектов в риторике важно было учитывать фактор адресата речи. По мнению составителя вологодской риторики, оратор чаще всего использует для возбуждения духа слушателей такие аффекты, как страх, надежда, стыд, бесстыдство, радость, гнев, нежность, любовь, ненависть, зависть, сострадание и соперничество.

Каждому аффекту в руководстве отводится подобающий ему род речи. Так, автор риторики утверждает, что для составления речей совещательного рода более всего подходят страх, надежда, стыд и бесстыдство. Аффекты, свойственные эпидейктическому роду, – радость и печаль. В речах судебного рода рекомендуется апеллировать к таким аффектам, как гнев, кротость, любовь, ненависть, зависть, сострадание и соперничество.

Составитель вологодской риторики даёт многочисленные практические рекомендации, как следует пробуждать в душах слушателей тот или иной аффект.

Например, чтобы возбудить гнев, нужно наглядно и детально изобразить чудовищный и недостойный поступок. Также ритор советует рассказать о невинности, добродетели или ином достоинстве того, кто был обижен. Стоит также показать, что зло от причинённой несправедливости распространяется не только на настоящее, но и на будущее время.

В руководстве приведены подробные рассуждения о том, чем отличаются похожие аффекты. В частности, гнев (*ira*) от ненависти (*odium*) отличается рядом достаточно субъективно и не всегда убедительно выделенных признаков: “1) *quod ira illis rebus concitatur, quas unusquisque ad se et suos pertinere censet: odium vero iis, quas ad se non iudicat pertinere: quomodo et eum odimus, qui nobis nunquam nocuit.* 2) *ira est semper adversus singularia, ut Alexandrum et Terentium, etc. odium autem adversus genus; ut contra furem, haereticum, aut calumniatorem.* 3) *Ira tempore est sanabilis: odium vix sanabile.* 4) *Iratus ob inimici calamitatem tandem miseretur: atqui odit, eum, quem odit, extinctum cupit. Odium inter Christianos in personas concitari non debet, nisi fuerit persona, quam omnes cane et angue pejus aversari debeant, idque raro*” («1) гнев возбуждается теми вещами, который каждый считает относящимися к себе и своим близким, ненависть же возбуждается теми вещами, которые считают не имеющими к себе отношения; мы ненавидим и того, кто нам никогда не вредил; 2) гнев всегда направлен на отдельных лиц, на Александра или Терентия, ненависть же направлена на род – воров, еретиков, клеветников; 3) гнев лечит время, ненависть – едва ли; 4) разгневанный в конце концов сжалится из-за бедствия недруга, тот же, кто ненавидит, желает гибели тому, кого ненавидит») [Наставления 1764: 74 (об)].

Только один аффект, по мнению вологодского ритора, следует никогда не возбуждать, но только подавлять. Это зависть (*invidia*). Автор риторики называет зависть «едва ли не самым сильным из всех чувств» и определяет её, со ссылкой на «Тускуланские беседы» Цицерона, как «*aegritudinem susceptam propter alterius res secundas, quae nihil noceant invidenti*» («болезнь, возникшую из-за благополучия другого, ничем не вредящего завидующему») [Наставления 1764:

75]. Чтобы подавить зависть, оратору нужно показать, что это чувство «истязает душу не того, кому завидуют, а того, кто завидует» (“*cruciat animum non ejus, cui invidetur, sed qui invidet*”), а также, что завистник не попадёт в царство небесное (“*hic affectus e regno coelorum excludit*”) [Наставления 1764: 75 (об)].

Цитата из риторического трактата Цицерона «Об ораторе» (II, 189-190) приводится в подтверждение близкой составителю вологодской риторики мысли о том, что оратор сам должен испытывать эмоции, которые он хочет вызвать в душах слушателей: “*Neque fieri potest ut doleat is, qui audit, ut oderit, ut invideat, ut pertimescat aliquid, ut ad fletum misericordiamque deducatur, nisi omnes illi motus, quos orator adhibere volet iudici, in ipso oratore impressi esse atque inusti videbuntur... neque est enim facile perficere ut irascatur ei, cui tu velis, iudex, si tu ipse id lente ferre videare; neque ut oderit eum, quem tu velis, nisi te ipsum flagrantem odio ante viderit; neque ad misericordiam adducatur, nisi tu ei signa doloris tui verbis, sentiis, voce, vultu, conlacrimatione denique ostenderis; ut enim nulla materies tam facilis ad exardescendum est, quae nisi admoto igni ignem concipere possit, sic nulla mens est tam ad comprehendendam vim oratoris parata, quae possit incendi, nisi ipse inflammatus ad eam et ardens accesserit*” («Невозможно вызвать у слушающего ни скорби, ни ненависти, ни неприязни, ни страха, ни слёз сострадания, если все эти чувства, какие оратор стремится вызвать у судьи, не будут выражены или, лучше сказать, выжжены в его собственном лице... Да и, право, нелегко заставить судью разгневаться на того, на кого тебе нужно, если покажется, что ты сам к нему равнодушен; нелегко заставить судью ненавидеть того, кого тебе нужно, если судья не увидит, что ты сам пылаешь ненавистью; нельзя будет довести судью и до сострадания, если ты не явишь ему признаков твоей скорби словами, мыслями, голосом, выражением лица и, наконец, рыданием. Нет такого горючего вещества, чтобы загореться без огня; нет и такого ума, чтобы он загорался от силы твоей речи, если ты сам не предстанешь перед ним, горя и пылая») [Цицерон 1972: 167].

В риторике 1766 года из Нижегородской семинарии аффекты кратко рассматриваются в разделе, посвящённом аргументации. Их использование

связывается с изобретением побуждающих аргументов (*commoventia argumenta*). Составитель риторики выделяет три аспекта, которые оратору следует учитывать при возбуждении аффектов: субъект, в котором вызывается аффект, объект, по отношению к которому вызывается, и причину [Rhetorica 1766: 39 (об)].

Ритор приводит практические примеры апелляции к разным чувствам в процессе доказательства разных тезисов. Например, в речи о борьбе с ленью ритор советует возбуждать в душах слушателей чувства сострадания: “*Misericordice aerumnosa est illa studiosorum juvenum anceps cogitatio: qui transactis per otium annis nec fodere nec mendicare sustinent, interea dignitatibus admoveri vident alios, aetate quidem multo inferiores*” («достойны жалости нерешительные раздумья учащейся молодёжи, которые, проведя годы в праздности, будут рыть землю или просить милостыню, наблюдая между тем, как те, кто гораздо младше по возрасту, достигают почестей»), негодования: “*Sed ita meruerunt homines, quos nec parentum lacrimae, nec praeceptorum adhortationes movere potuerunt*” («так опустили люди, что ни слёзы родителей, ни увещевания наставников не могут их тронуть»), надежды: “*Quod in scholis est aut academia juvenis potest neglecta, si quidem debita laboribus adhibere diligentiam inceperit recuperare*” («Всё, чем молодёжь пренебрегла в школе или академии, если это необходимо, она сможет восстановить, если приложит труды и усердие»), страха: “*Venient dies, quum dicetur: o mihi praeteritos referat si Juppiter annos*” «Наступит день, когда ты скажешь: О, если бы Юпитер возвратил мне ушедшие годы!» (приведена цитата из Вергилия) [Rhetorica 1766: 39 (об)-40]. Какие аффекты следует возбудить, обычно, как считает ритор, подсказывает тема речи. Так, “*quum homines publice excitantur, ut ad alendos pauperes loci sui stipem singulis mensibus conferant, adfectus misericordiae prae ceteris movendus est*” («когда людей публично призывают делать ежемесячные пожертвования на нужды бедняков своей местности, прежде всего нужно возбудить аффект сострадания») [Rhetorica 1766: 40].

После изучения теории аргументации авторы риторических руководств переходят к проблеме источников изобретения. Теория риторического изобретения включает учение о топики как системе источников аргументации.

Понятие «топос» восходит к античной риторике и логике. Аристотель относил к топосам общие места и элементы энтимемы как логического умозаключения. Цицерон конкретизировал теорию Аристотеля и построил классификацию риторических топосов, разделив их на внутренние и внешние. Квинтилиан расширил данную классификацию, выделив двадцать топосов вместо двенадцати, обозначенных Цицероном. В риторике нового времени концепции Цицерона и Квинтилиана легли в основу теории топики, хотя и подверглись многочисленным дополнениям и уточнениям.

Феофан Прокопович рассматривает топосы как места, в которых изыскиваются аргументы. Ссылаясь на Аристотеля, он даёт им следующее определение: “*sunt loci quidam, in quibus veluti defossus est thesaurus argumenta ad causam confirmandam inveniri possunt*” («это места, в которых, словно выкопанные из земли сокровища, могут обнаруживаться аргументы для обоснования дела» [Procopovič 1982: 86]. Сравнение топосов с зарытым в земле золотом встречается также у французского иезуита XVII в. Николя Коссена, чьё сочинение «О духовном и светском красноречии» (1626) является одним из источников риторики Ф. Прокоповича.

В трактате Ф. Прокоповича выделено шестнадцать внутренних топосов (*loci insiti*): *definitio* (определение), *partium enumeratio* (перечисление частей), *notatio nominis* (значение имени), *conjugata* (однокоренные слова), *genus* (род), *forma* (вид), *similitudo* (сходство), *dissimilitudo* (различие), *contraria* (противоположность), *adjuncta* (второстепенные обстоятельства), *antecedentia* (предшествующее), *consequentia* (последующее), *repugnantia* (противоречие), *causae* (причины), *effecta* (следствия), *comparatio* (сравнение) [Procopovič 1982: 87].

Данная классификация используется в большинстве рукописных латинских руководств этого времени, в частности, в московской [Diademma 1745–1746], смоленской [Basilevicz 1756], вологодской [Наставления 1764] риториках.

Так, автор вологодской риторики 1764 г. включает в своё руководство обширные выдержки из трактата Феофана, не указывая источник. Описание топосов в вологодской риторике отличается обстоятельностью. Топосы делятся на внутренние (*loca insita*) и внешние (*loca remota*). К последним относятся законы, свидетельства, молва, примеры, сведения и т. д. Особое внимание в вологодском руководстве уделено способам извлечения аргументов из топосов. Опираясь на Прокоповича, ритор комментирует и дополняет его текст, приводит собственные примеры. Например, характеризуя топос «определение», вологодский ритор пересказывает соответствующий фрагмент из риторики своего предшественника, в котором дан совет при определении какого-либо предмета сначала найти родовое понятие, а затем установить, чем данный предмет отличается от всех других. Человека, следуя данному правилу, можно определить, как животное, обладающее разумом. Автор вологодской риторики предостерегает от использования таких определений в ораторской речи. На его вкус, они слишком сухи и подходят только для научного стиля: “*Neque enim oratores eam sectantur rigiditatem, quae a philosophis exigitur*” («Ведь ораторы не стремятся к той точности, которая требуется философами») [Наставления 1764: 53 (об)].

Топос определения ритор рекомендует распространять с помощью всех других топосов и приводит пример риторического определения понятия «человек»: “*homo est animal a deo summo rerum opifico conditum, ratione conditum, factum ad aeternam felicitatem Deumque aliquando videndum, ex mortali corpore conflatum ad supremae naturae similitudinem, animoque vi rationis praeterita cum futuris connectentem, et coelorum adita penetrantem*” («человек есть животное, созданное Богом, верховным создателем вещей, созданное разумом, созданное для вечного счастья, когда он в будущем увидит Бога, из смертного тела

вознесётся к подобию высшей природы, и душой и силой разума соединит прошлое с будущим и вознесётся на небеса») [Наставления 1764: 53 (об)].

Нижегородский ритор относит к источникам изобретения учение и опыт (“*doctrinam et experientiam*”), извлечения или общие места (“*excerpta sive locos communes*”) и в определённой мере топосы (“*certo modo locos topicos*”) [Rhetorica 1766: 31].

Первое место среди источников изобретения нижегородский ритор отводит учению и опыту, которые определяются как «все искусства и науки, в которые чем больше погружён оратор, тем легче найдёт материал и аргументы для речи» (“*omnes artes atque disciplinas... in quibus quo magis versatus orator est, eo facilius materiam atque argumenta dicendi inveniet*”) [Rhetorica 1766: 31]. Это убеждение соответствует известному высказыванию Цицерона о совершенном ораторе, который должен иметь разносторонние дарования и обширные знания (I, 128): “*in oratore autem acumen dialecticorum, sententiae philosophorum, verba prope poetarum, memoria iuris consultorum, vox tragoedorum, gestus paene summorum actorum est requirendum*” («...оратор должен обладать остроумием диалектика, мыслями философа, словами чуть ли не поэта, памятью законоведа, голосом трагика, игрой такой, как у лучших лицедеёв») [Цицерон 1972: 100].

Примечательно, что автор разграничивает понятия “*loci communes*” и “*loci topicis*”, в классической риторике употреблявшиеся синонимически. К первым он относит разного рода извлечения – выдержки из сочинений, афоризмы, пословицы, иллюстрации, которые когда-либо могут пригодиться оратору. В вологодской риторике также мы обнаруживаем похожую трактовку общих мест: “*Locus autem communis est tractatio moralis vel politica, diciturque ruthenice нравоучение*” («общее место есть моральное или политическое рассуждение, по-русски – нравоучение») [Наставления 1764: 52 (об)]. Таким образом, общее место (*locus communis*) понимается как некая прописная истина, которую уместно процитировать во многих ораторских текстах.

Общие места также рассматривались как ценный источник риторического изобретения. Во многих риторических руководствах имелись специальные приложения с подходящими для различных случаев выдержками. Тем не менее, автор нижегородского руководства настаивает на осторожном и сдержанном использовании извлечений, ведь «употреблённые экономно и на своём месте они приятны, скопление же их больше оскорбит разумных, чем усладит» (“*parce et suo loco adhibita gratiam habent cumulata vero prudentiores magis offendunt, quam delectant*”) [Rhetorica 1766: 31].

Loci topici (топосы) воспринимаются как элементы смысловой организации речи. Этот источник признаётся важным прежде всего для начинающих ораторов: по мнению ритора, топосы “*exercitatis non sunt necessarii, tironi tamen haud raro inserviunt*” («не являются необходимыми для опытных ораторов, но новичку нередко служат») [Rhetorica 1766: 31]. Такая оценка находится в противоречии с классическим отношением к топике как чрезвычайно важной части риторической техники, выраженным, в частности, Коссеном: “*Quod literae sunt apud grammaticos, hoc apud rhetores loci... nihil est omnino ad inventionis foecunditatem uberius, ad dispositionis rationem concinnius, ad memoriae subsidium efficacius*” («То же, что буквы у грамматиков, у риторов – топосы... Ничто не даёт такого изобилия изобретению, такой слаженности – расположению, такой действенной помощи – памяти») [Causinus 1637: 198].

Несмотря на несколько пренебрежительное отношение к топосам, знакомству с ними нижегородский ритор посвящает большую часть раздела об изобретении. Он признаёт их широкое распространение, заявляя со ссылкой на Цицерона: «Нет ни одного сочинения, в котором бы не встретилось ни одного топоса, хотя не все топосы уместны для каждого вопроса» (“*nec ullam esse disputationem, in quam non aliquis locus incurrat; nec ferre omnes locos incidere in omnem quaestionem*”) [Rhetorica 1766: 31]. Действительно, Цицерон в трактате «Оратор» (48-49) призывал к разумному отбору топосов: “*Sed ut segetes fecundae et uberes non solum fruges verum herbas etiam effundunt inimicissimas frugibus, sic*

interdum ex illis locis aut levia quaedam aut causis aliena aut non utilia gignuntur. Quorum ab oratoris iudicio dilectus nisi magnus adhibebitur, quonam modo ille in bonis haerebit et habitabit suis aut molliet dura aut occultabit quae dilui non poterunt atque omnino opprimet, si licebit, aut abducet animos aut aliud adferet, quod oppositum probabilius sit quam illud quod obstabit?» («...как богатый и обильный урожай приносит не только колосья, но и опаснейшие для них сорные травы, так иногда и из таких «мест» выводятся доводы легковесные, неуместные или бесполезные. И если бы настоящий оратор не делал здесь разумного отбора, разве бы он сумел остаться и держаться в кругу выгодных ему данных, смягчить невыгодные, скрыть или по возможности совсем обойти те, которые он не может опровергнуть, отвлечь от них внимание или выдвинуть такое предположение, которое покажется правдоподобнее, чем враждебная точка зрения?») [Цицерон 1972: 340].

В нижегородском руководстве рассмотрены двенадцать топосов: *notatio* (значение), *definitio* (определение), *genus et species* (род и виды), *totum et partes* (целое и части), *causa* (причина), *effectus* (следствие), *adjuncta* (признаки), *circumstantiae* (обстоятельства), *opposita* (противоположное), *comparata* (сравнения), *exempla* (примеры), *testimonia* (свидетельства).

Notatio понимается прежде всего как этимология слова, что подкрепляется примерами (“*Athanasius significat immortalem, chrisanthus aureum florem*” (Афанасий значит «бессмертный», хризантема – «золотой цветок»)), но этот топос допускает также использование деривации (“*discipulus a discendo dicitur*”), синонимии (“*schola enim vocatur ludus*”), многозначности (“*aries significat ducem gregis, machinam bellicam et signum zodiaci*”) и даже анаграммы (“*laudatores adulatores*”) [Rhetorica 1766: 31 (об)]. Важность этого топоса подчёркивается наличием специального приложения, включающего сведения об этимологии распространённых русских имён. Использование «имени как аллегории», «этимологического истолкования как источника похвалы или поношения» отмечено Л. И. Сазоновой в барочной восточнославянской риторике XVII века и стало традиционным [Сазонова 2002: 11].

Топос *definitio* имеет разнообразное применение. В основе определения может лежать понятие рода (“*Homo est animal rationale*”), целого и частей (“*Homo est compositus ex corpore organico et anima rationali*”), причины и цели (“*Homo est animal factum a Deo ad ejusdem Dei imaginem et similitudinem, ut ipsum laudet*”). С помощью уподобления Бог определяется как *ignis edax* (разрушительный огонь), а апостолы – как *sol terrae et lux mundi* (солнце земли и свет мира); следствие лежит в основе таких «чрезвычайно распространённых у ораторов» (по мнению нижегородского ритора) определений греха, как *pestis animae, laser conscientiae, vitae pernicies* (чума души, смола совести, пагуба жизни) [Rhetorica 1766: 31 (об)].

Топосы *genus et species, totum et partes* не требуют пространных комментариев и поясняются на простых примерах: “*Virtus est genus. Species virtutis sunt temperantia, castitas, liberalitas, patientia*” («Добродетель есть род. Виды добродетели – умеренность, чистота, щедрость, терпение»); “*Homo est totum, partes hominis essentialia anima et corpus integrales, caput, manus, pes*” etc. («Человек есть целое, существенные части человека – неразрывные душа и тело, голова, рука, нога» и т.д.) [Rhetorica 1766: 32].

Рассуждая о топосе *causa*, составитель руководства предлагает следующую классификацию причин: *efficiens* (производящая): “*Causa principalis peccati est diabolus*” («Главная причина греха – дьявол»); *materialis* (материальная): “*Materia, ex qua panis, est farina et aqua*” («Хлеб изготовлен из муки и воды»); *formalis* (формальная, понимаемая как нечто формообразующее, отличающее данный предмет от других): “*Causa formalis hominis est anima rationalis*” («Разумная душа есть формальная причина человека») и *finalis* (целевая): “*Finis primarius mercatoris Mosquam euntis est pecunia ibi accipienda, secundarius – motus corporis*” («Главная цель торговца, идущего в Москву – получить там деньги, второстепенная – перемещение тела») [Rhetorica 1766: 32].

Effectus поясняется как нечто, порождаемое причиной, как “*gladius respectu fem*”, “*carmen respectu poeta*” («меч по отношению к кузнецу», «стихотворение по отношению к поэту») [Rhetorica 1766 : 32 (об)].

Adjuncta (признаки), по мнению ратора, могут относиться и к лицам и к вещам и обозначать разные свойства. Говоря о человеке, можно рассмотреть такие adjuncta, как эрудиция, невежество, красота, болезнь, богатство, бедность.

Обстоятельства (circumstantia) нижегородский ритор делит на исторические и моральные, имея в виду, что в первом случае речь идёт о событии из прошлого, а во втором – о ситуации, которая могла сложиться в любое время. Примеры хорошо иллюстрируют суть этой классификации. Для пояснений исторических обстоятельств ритор выбирает битву Давида с Голиафом, приводя много предшествующих, сопутствующих и последующих событию обстоятельств, которые можно использовать в речи. Моральные обстоятельства рассматриваются на примере ситуации из школьной жизни – некий Филипп громко разговаривал с Иоанном в храме во время проповеди: “Quis? Philippus. Jam nuper aliquoties monitus. Quid? Garrivit. Ubi? In templo. Quibus auxiliis? Cum Johanne invito. Cur? Ut hunc impediret. Quomodo? Clara voce. Quando? Cum contione” («Кто? Филипп. Уже несколько раз предупреждённый. Что делал? Болтал. Где? В храме. С кем? С Иоанном против его воли. Зачем? Чтобы ему мешать. Как? Громким голосом. Когда? Во время проповеди») [Rhetorica 1766: 32 (об)].

Топос opposita может проявляться как в отдельных словах, так и в выражениях («in terminis vel in enuntiationibus»): “doctus – rudis”, “pax – bellum” («учёный – невежественный», «мир – война»); “juvenes incogitantia vitio laborant – senes rem accurate perpendunt” («юноши страдают недостатком рассудительности – старики тщательно обдумывают дело») [Rhetorica 1766: 32 (об)].

К топосу comparata ритор относит: similia (подобное), например: “Aurum igne fides calamitate probatur” («Золото проверяется огнём, а верность – бедой»); dissimilia (различное), например: “Equi juniores praestant senioribus, non autem amici novi tum veteribus praeferuntur” («Молодые кони предпочтительнее старых, но новых друзей не предпочитают старым»); emblemata (эмблемы), например: “candela accensa cum epigrapho: Aliis inserviando consumo” («зажжённая свеча с надписью: Служа другим, я сгораю») [Rhetorica 1766: 32 (об)].

Exempla в нижегородской риторике делятся на примеры, указывающие на людей (Иов – пример терпения), предметы (Москва – пример хорошо устроенного государства) или действия (египетские казни – пример наказанной гордыни) [Rhetorica 1766: 33].

К топосу testimonia относятся разнообразные свидетельства – библейские изречения, сентенции, пословицы, апофтегмы, законы и т.д.

После описания каждого топоса приводится пример последовательного использования сразу всех топосов в развитии темы: “Scholae publicae sunt conservandae” («публичные школы должны быть сохранены»).

Таким образом, в нижегородской риторике наглядно, хотя и в сжатой форме, продемонстрировано использование богатых возможностей топики для создания распространённой речи.

Краткость изложения этой важной риторической темы обосновывается составителем с помощью развёрнутого сравнения: “Наес ut brevissime potuerunt, dicta sunt, ut enim, si aurum cui quod esset defossum, commonstrare vellem satis esse deberet si signa notasque ostendere locorum, quibus cognitis, ille sibi ipse foderet, et id quod vellet, inveniret” (Об этом необходимо сказать как можно короче, как будто бы я хотел показать, где зарыто золото, и достаточно знаками показать место, чтобы желающий сам раскопал и нашёл, что захочет) [Rhetorica 1766: 33 (об)].

Во многих риторических руководствах приводится большее количество топосов. Например, в смоленской риторике М. Базилевича рассматриваются шестнадцать внутренних и шесть внешних топосов: определение (definitio), перечисление частей (partium enumeratio), значение имени (notatio nominis), однокоренные слова (conjugata), род (genus), вид (species), сходство (similitudo), различие (dissimilitudo), признаки (adjuncta), противоположное (contraria), противоречивое (repugnantia), причина (causa), следствия (effecta), предшествующее (antecedentia), последующее (consequentia) и сравнение (comparatio) [Basilevicz 1756: 46]. К внешним топосам Базилевич относит прецеденты (praejudicia), молву (fama), клятвы (jusjurandum), показания, данные

под пыткой (*tormenta*), документы (*tabulas*) и свидетельства (*testes*) [Basilevicz 1756: 59]. Отметим, что Феофан Прокопович полагал, что все внешние топосы сводятся к двум основным. Это “*testimonia et exempla*” («свидетельства и примеры») [Procorovič 1982: 97]. К свидетельствам ритор относил и показания, данные в суде, и выдержки из Священного писания, и изречения историков, ораторов, философов. Примеры представляли собой изложение каких-либо событий и могли быть взяты из жизни или из книг. Согласно Ф. Прокоповичу, внутренние топосы требуют от ратора мастерства, а внешние – эрудиции.

М. Базилевич приводит следующее определение топоса: “*Locum vulgo cum dicimus in quo aliquid positum vel locatum sit: quare apud rhetores locus dictus est argumenti sedes, in quo illa lateri videntur, qui alio nomine fons appellatur*” («Топосом (местом) обыкновенно мы называем то, где что-то помещено или расположено; потому у раторов топосом называют расположение аргумента, где он скрывается, а иначе он называется источником») [Basilevicz 1756: 45 (об)].

Смоленский ритор рассматривает топику не только как источник аргументации, но и как совокупность способов формулировки тезисов. Базилевич показывает, в частности, как при подготовке эпидейктической речи о мудрости можно извлечь тезис из всех риторических топосов. Приведём несколько примеров: «*Определение*: мудрость есть душа царской власти. *Перечисление частей*: Царства теряют состояния, удачу, замыслы, если теряют мудрость. Или: тот, кто враг мудрости, враг знати, сенату, государственным деятелям. Или: к почестям, успеху, славе стремится тот, кто стремится к мудрости... *Род*: мудрость лучше всех благ. Или: мудрость – золотое благо. *Подобное*: Как глаза голове, так миру помогает мудрость. *Различное*: Потому мы должны беречь мудрость, что варвары отстаивают глупость. *Противоположное*: любовь к мудрости доказывается ненавистью к невежеству. Или: глупость не красит ни одного человека. *Второстепенные обстоятельства*: Среди красот мира первой следует назвать мудрость. Или: Правильные решения царей говорят о совершенной мудрости. *Предшествующее*: началом глупости является пренебрежение заботой

о мудрости. *Последующее*: Правильные решения царей говорят о совершенной мудрости» [Basilevicz 1756: 45]. По сути дела М. Базилевич даёт образец амплификации, распространения мысли с опорой на различные логические категории, определяемые топосами.

В «Венке из неувядаемых цветов Туллианы...», риторическом руководстве, составленном в Московской Славяно-греко-латинской академии в 1745–1746 гг., также очень подробно рассмотрены шестнадцать внутренних и шесть внешних топосов [Diademma 1745–1746: 9 (об)–19 (об)]. Один только топос определения насчитывает шесть разновидностей. Так, определяя старость как зиму человеческой жизни, оратор прибегает к сравнению, а в определении «грех есть гибель души» использует следствие.

Система риторических топосов, представленная в латинских риториках XVIII века, служила схемой ораторского выступления, предлагала возможности для развития мысли и распространения речи. Составление речи по хрии, то есть в соответствии с определённой последовательностью топосов, было важным этапом подготовки будущего оратора.

Таким образом, российские рукописные руководства по риторике, составленные в XVIII веке на латинском языке, опирались на традиции классической риторики (античной и в большей степени – европейской), но также представляли собой попытку новой методической интерпретации риторического искусства. Разделы, посвящённые изобретению как важной части риторического канона, в каждой из рукописных риторик содержат помимо своеобразной адаптации классической теории интересные примеры и практические советы.

2.2.2. Dispositio

Расположение (*dispositio*) является одной из важнейших частей риторического канона. В рукописных риториках эта часть канона традиционно следует за изобретением и трактуется весьма обстоятельно. Необходимость внимательного отношения к расположению речи обосновывается во всех руководствах.

В трактате Феофана Прокоповича, послужившем образцом для многих авторов российских руководств, проводится сравнение композиции речи со строительством здания и строением человеческого тела: “*Oportet enim, ut in aedificio omnia conclavia, et in corpore humano membra omnia, ita in Oratione singulas partes apte, venuste, concinne, eleganter dispositas atque collocatas esse: nam forma monstrosa erit, nisi suo quodque loco commode disponatur*” («Следует, чтобы, как в здании все комнаты, как в человеческом теле все члены, так и в речи отдельные части были уместно, приятно, подобающе, изящно расположены и размещены: ведь форма будет ужасной, если каждая часть не окажется на своём месте») [Procopovič 1982: 143]. Мысль о том, что даже самые весомые аргументы не помогут при неудачном расположении, Феофан Прокопович подкрепляет сравнением с военным строем: “*Nam acies tametsi optimis fortissimisque militibus constet, nisi tamen bene et ordinate instruat, parum valebit*” («Ведь войско, даже если состоит из лучших и храбрейших воинов, если не построено хорошо и в должном порядке, мало что будет значить») [Procopovič 1982: 143].

В риторике из Рязанской семинарии с небольшими изменениями цитируется этот фрагмент из трактата Ф. Прокоповича: “*oportet enim ut in edifitio omnia conclavia et in corpore humano membra omnia ita in oratione singulas partes apte, venuste, concinne, eleganter dispositas atque collocatas esse; nam forma monstrosa erit, nisi suo quodque loco commode disponatur, ac pro inde minus efficax sine dispositione erit oratio, quanquam solidissima argumenta conquirantur*” («следует, чтобы, как в здании все комнаты и в человеческом теле все члены, так и в речи все отдельные части были расположены и размещены уместно, приятно, гармонично, изящно (*apte, venuste, concinne, eleganter*). Ведь внешность будет чудовищной, если что-либо будет находиться не на своём месте, также и речь без правильного расположения будет менее эффективной, даже если в ней будут приведены весомейшие аргументы») [Praecepta 1759: 60].

Составитель риторического руководства 1766 г. из Нижегородской семинарии, как и Феофан Прокопович, проводит параллель со строительством. Он

объясняет роль расположения в риторике с помощью параллелизма, сопоставляя задачи оратора и строителя: “*quomodo opera exstruentibus satis non est saxa atque materiam et cetera aedificanti utilia congerere, nisi disponendis iis collocandisque artificum manus adhibeatur, sic in dicendo quamlibet abundans rerum copia, cumulum tantum habet atque congestum, nisi illas easdem dispositio in ordinem digestas, atque inter se commissas devinxerit, ut sine ea nihil valeat, inventio*” («так же, как недостаточно строителям собрать камни, материал и прочее полезное для строительства, если не приложить руки мастеров к их расположению и размещению, так и в речи какое угодно изобилие материала будет только нагромождением и скоплением, если расположение не разместит их по порядку и не свяжет между собой, и без него ничего не будет значить изобретение» [Rhetorica 1766: 40 (об)]. Неупорядоченная речь сравнивается с путником, блуждающим во тьме: “*velut nocte in ignotis locis errans: nec initio, nec fine proposito, casum potius, quam consilium sequatur*” («словно блуждая ночью в незнакомых местах; без определённого начала и конца, скорее будет следовать случаю, чем замыслу») [Rhetorica 1766: 40 (об)].

В разделе, посвящённом расположению, изучалась прежде всего композиция речи, но затрагивались и принципы расположения аргументов.

В риторике Феофана Прокоповича выделены три основные части ораторской речи: вступление (*exordium*), изложение дела (*causae expeditio*) и заключение (*peroratio*) [Procopovič 1982: 144]. *Causae expeditio* в свою очередь делится на повествование (*narratio*), доказательство (*confirmatio*) и опровержение (*confutatio*) [Procopovič 1982: 150]. Эти части, по утверждению ритора, не обязательно все сразу должны присутствовать в речи.

Нижегородский ритор, рассматривая части, на которые делится ораторская речь, отталкивается от античной классификации, согласно которой речь должна была включать следующие части: вступление (*exordium*), повествование (*narratio*), положение или тезис (*propositio*), доказательство (*confirmatio*), опровержение (*confutatio*), заключение (*peroratio sive conclusio*) [Rhetorica 1766: 41 (об)]. В новое

время (*moderno usu*), считает ритор, стали выделять только четыре части: вступление, тезис, трактовка (*tractatio*) и заключение [*Rhetorica* 1766: 41 (об)]. Трактовка может включать в себя и повествование, и доказательство, и опровержение в зависимости от конкретной ситуации.

Таким образом, автор нижегородской риторики, кроме упомянутых в трактате Ф. Прокоповича частей ораторского выступления, выделяет ещё одну – положение или тезис (*propositio*). Основную часть речи (*causae expositio* у Ф. Прокоповича), которая может включать в себя и повествование, и доказательство, и опровержение, в зависимости от конкретной ситуации, нижегородский ритор называет трактовкой (*tractatio*) [*Rhetorica* 1766: 41 (об)].

Рассмотрим последовательно назначение и особенности отдельных структурных элементов выступления в освещении авторов различных риторик.

Вступление в трактате Феофана Прокоповича уподобляется входу в речь (“*orationis vestibulum*”) или дороге к речи (“*accessus et veluti via ad orationem*”) [*Procorovič* 1982: 144]. Вступления не должны быть, по мнению ритора, резкими и воинственными (“*vehementia et pugnancia*”), ведь здесь требуется не сила, а приятность (“*non vis ibi, sed delectatio postulatur*”) [*Procorovič* 1982: 146-147].

Во всех рукописных руководствах обозначены три цели вступления. Так, в нижегородском руководстве говорится, что «вступление есть подготовка слушателя к тому, что должно быть произнесено, и цель его – понимание, внимание и благосклонность слушателей» (“*Exordium est praeparatio auditoris ad rem dicendam, finis ejusdem est docilitas, attentio ac benevolentia auditorium*”) [*Rhetorica* 1766: 42)]. В московской риторике 1744-1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии отмечена тройная задача вступления – “*ut facias tibi auditorem benevolum, attentem, docilem*” [*Emporium* 1744-1745: 89 (об)].

Добродетелями оратора во вступлении, согласно нижегородскому ритору, являются умеренность (*modestia*) и сдержанность (*verecundia*), а к достоинствам вступления отнесены краткость (*brevitas*), ясность (*perspicuitas*), достоверность (*probabilitas*) [*Rhetorica* 1766: 43]. Советы ученикам включают рекомендацию

составлять вступление (как и заключение) в последнюю очередь: “*Postremo intuendum quemadmodum auditor sit conciliandus, hoc est de exordio et conclusione despiciendum*” («В последнюю очередь следует задуматься, как склонить к себе слушателя, то есть, подумать о вступлении и заключении») [Rhetorica 1766: 41 (об)]. Это предписание согласуется с правилом, приведённым в риторике Прокоповича: “*Exordia postremo sunt, non primo loco invenienda, et pertenta iam atque perspecta tota causa, quia alias frustra labor omnis instituitur*” («Вступления следует составлять в последнюю, а не в первую очередь, держа в памяти и охватывая взглядом всю речь, иначе весь труд напрасен» [Procopovič 1982: 145].

Обстоятельностью и детальностью отличается трактовка расположения ораторской речи в московском руководстве 1744–1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии. Рассмотрев двадцать два способа составления вступления, ритор выделяет три главных достоинства и недостатка этой части. К достоинствам отнесены соответствие содержанию речи (*aptitudo ad materiam dicendam*), отделка (*cultura*), которая заключается в остротах и сентенциях, и краткость (*brevitas*), “*ne oratio monstrosa fuit cum capite aequali sibi toti vel majori*” («чтобы речь не была чудовищной, с головой, равной всему остальному или даже большей по размеру») [Emporium 1744–1745: 89 (об)]. Этот же образ использует Феофан Прокопович, отмечая, что, как в человеческом теле чудовищной является голова, величиной превосходящая тело (“*quemadmodum etiam humano in corpore monstrosum est caput magnitudine corpus superans*”) [Procopovič 1982: 149], так и чересчур длинное вступление кажется уродливым. Три порока вступления представляют собой качества, противоположные достоинствам, указывая на то, каким вступление быть не должно: “*ne sit prolixum, hoc enim fastidium saepe parit; ne sit ineptum, hoc est ne sit commune omni dicendi generi aut etiam contrariae parti et inconueniens ad materiam, quam dicis, ne sit absque omni ornatu et cultura orationis*” («оно не должно быть пространным, ведь это часто рождает скуку; оно не должно быть неуместным, то есть подходящим к любому виду речи, даже выражающему

противоположную позицию, и не соответствующим содержанию речи; оно не должно быть лишено украшений и отделки») [Emporium 1744–1745: 89 (об)].

В смоленской риторике М. Базилевича выделены шесть классических частей ораторской речи, но их описание отличается большей обстоятельностью. Под главной задачей вступления понимается завоевание душ слушателей, в связи с этим хорошим вступлением признается точное и меткое (*accuratum, acutum*), а плохим – неясное и грубое (*obscurum, vulgare*) [Basilevicz 1756: 94]. К основным источникам вступлений ритор относит внутренние топосы и аффекты. Автор руководства различает правильные и неправильные, или внезапные, вступления (*ex abrupto*), когда слушателям приходится приступать к восприятию речи без подготовки, на примерах из речей Цицерона анализирует разные способы составления вступлений. Вступление *ex abrupto* ритор считает холодным (*frigidum*) и уместным лишь в редких случаях [Basilevicz 1756: 92].

Аналогичное деление вступлений на правильные (*legitima*) и внезапные (*ex abrupto*) осуществляет и московский ритор.

Положение, или тезис (*propositio*), не всеми авторами риторик обозначается как особая структурная часть. М. Базилевич рассматривает тезис как часть вступления, однако приводит и мнение Цицерона, согласно которому тезис является частью повествования, и слова Квинтилиана о том, что тезис есть начало доказательства. Ритор различает простые тезисы, заключающие в себе одну мысль, и сложные, состоящие из двух или трёх частей, чётко сформулированные и рассеянные по всему вступлению (“*non raro ejus sensus per totum fere exordium spargi solet*”) [Basilevicz 1756: 94 (об)]. Базилевич требует, с одной стороны, краткой и чёткой формулировки тезиса, а с другой стороны – повторения в разной словесной форме [Basilevicz 1756: 94 (об)].

В московской риторике *propositio* также связывается с доказательством и определяется как “*sensus aliquis perfectus cuius veritatem vel falsitatem probare intendit orator*” («некая законченная мысль, истинность или ложность которой

стремится доказать оратор») [Emporium 1744-1745: 89 (об)]. Ритор обращает внимание на то, что в панегириках тезис часто бывает скрыт.

В нижегородской риторике положение, или тезис, определяется как “*summa orationis breviter et perspicue tradita*” («кратко и ясно выраженная суть речи») [Rhetorica 1766: 43]. Различаются эксплицитный (*explicita*) и имплицитный (*implicita*), простой (*simplex*) и сложный (*composita*) тезисы.

Основная часть ораторского выступления в нижегородской риторике именуется трактовкой (*tractatio*) и рассматривается прежде всего как аргументация тезиса. В применении аргументов ритор советует избегать крайностей: не утомлять слушателей многочисленными аргументами, чтобы не вызвать скуку, но также помнить, что слабые аргументы, собранные вместе, усиливаются: “*Singula leviora sunt et communia: universa autem nocent, si non ut fulmine, tamen ut grandine adversus ea, quae nostrae orationi contrariari videntur*” («По отдельности они лёгкие и общеизвестные; вместе же они наносят вред возражениям против нашей речи если не молнией, так градом») [Rhetorica 1766: 45]. С другой стороны, оратор не советует обременять слушателей слишком большим количеством аргументов, ведь тогда они “*et taedium adferunt, et fidem detrahunt*” («и навеют скуку, и подорвут доверие») [Rhetorica 1766: 45].

В смоленской риторике повествование, доказательство и опровержение рассматриваются как отдельные части ораторского выступления.

Повествование, по мнению ритора, должно быть ясным, психологически достоверным и правдоподобным. Повествование, согласно Аристотелю, уместно только в судебных речах. Базилевич приводит это свидетельство, но осторожно оспаривает его: “*videtur non recte docere... sed tamen sustinenda est sapientissimi viri opinio, itaque interpreto Aristotelem*” («кажется, Аристотель неправ... однако следует поддержать мнение мудрейшего мужа, поэтому я так интерпретирую Аристотеля...») [Basilevicz 1756: 95 (об)]. Ритор утверждает, что, кроме судебных речей, в которых, бесспорно, повествование необходимо, оно уместно также в эпидейктическом красноречии, «ведь, когда кого-нибудь хвалят, необходимо

продолжительное повествование о похвальных вещах, а без этого похвала будет холодной» (“*imo dum laudatur quis debet continua rerum laudabilium narratio fieri alias frigida sine hac esset laudatio*”) [Basilevicz 1756: 95 (об)].

Доказательство, по М. Базилевичу, – “*rectus et robur orationis*” («сердце и ядро речи») [Basilevicz 1756: 96]. Оно содержит аргументы, доказывающие тезис, а также амплификацию (распространение) речи. Ритор советует использовать принцип нарастания в построении этой части выступления: “*Providendum est, ut crescat oratio, quod fiet, si verbis minus efficacibus efficaciora succedant, ut vincere, verberare, necare, in crucem tollere, vel si affectus circa finem sit major, quam a principio, vel si extrema oratio argumentum solidius et amplificationem illustriorem efferat*” («Следует позаботиться о нарастании речи, что происходит, когда за менее действенными словами следуют более действенные, например, надеть оковы, бичевать, казнить, распять на кресте; либо когда аффекты в конце более сильные, чем в начале, либо когда в конце речи приводится более веский аргумент или более яркая амплификация» [Basilevicz 1756: 96]. Также приводится рекомендация разнообразить аргументацию с помощью фигур. Важные предметы М. Базилевич советует трактовать с помощью амплификации.

Опровержение аргументов противника – задача следующей части ораторской речи, получившей название *confutatio*. В опровержении действительных или вероятных аргументов противника продолжается аргументативная часть ораторского выступления. Эта часть речи, по мнению М. Базилевича, “*est plena caloris et saepe furoris*” («полна горячности и часто ярости»), поэтому в ней уместны “*figurae et affectus graviores, ut ironia, interrogationes, execrationes*” («более сильные фигуры и аффекты, такие, как ирония, вопросы, клятвы») [Basilevicz 1756: 97]. Ритор советует не оставлять без опровержения ни одного веского аргумента противника, но в то же время не излагать добровольно противоречащие своим взглядам мысли, которые могут и не прийти в голову оппоненту и слушателям.

В московском руководстве повествование определяется как “*apta factorum vel dictorum alicuius personae relatio*” («связное изложение деяний и высказываний какого-либо лица») [Emporium 1744–1745: 90 (об)]. Повествование, как и в риторике М. Базилевича, трактуется в соотнесении с постулатом Аристотеля. Московский ритор согласен с тем, что повествование не встречается в совещательном красноречии, имеющем отношение к будущему, а не к прошлому, и по этой же причине находит применение в судебных речах. В эпидейктическом красноречии можно не выделять повествование в особую часть, так как доказательство здесь почти полностью совпадает с повествованием. К достоинствам повествования отнесены достоверность (*probabilitas*), краткость (*brevitas*), ясность (*claritas*), приятность (*suavitas*). Отметим, что эти же качества выделены в трактате Прокоповича [Procopovič 1982: 151–154]. Восемь недостатков повествования приведены со ссылкой на Коссена – пространность (*prolixitas*), частые и длинные отступления (*parentheses longae et crebrae*), двусмысленность (*ambiguitas verborum et sententiarum*), чрезмерное смешение лиц и предметов (*nimia personarum rerumque confusio*), неправдоподобие (*incredibilitas*), сниженные, непонятные и неуместные выражения (*dictio humilis, obscura et impropria*), рассеянность, лишённая украшений, единства и связующих частиц (*dissolutio sine ullo decore, nexu et articulis*), повторение одного слова (*crebra ejusdem dictionis repetitio*) [Emporium 1744–1745: 91 (об)].

Доказательство и опровержение московский ритор объединяет в одну часть ораторского выступления, приводя многочисленные способы построения аргументации в разных видах речей. В основе опровержения, по мнению ритора, может лежать презрение к доводам противника, негодование, компенсация, которая понимается как приведение равного по значимости довода, отклонение от темы, отрицание, искажение аргументов противника, объяснение, осмеяние.

Завершающая часть выступления, заключение (*peroratio*) в риторике Феофана Прокоповича определяется как “*artificiosus orationis exitus*” («искусное завершение речи») [Procopovič 1982: 197]. Ритор советует не пренебрегать

заклЮчением, чтобы не принизить достоинств всей предшествующей речи. В заклЮчении Прокопович выделяет две части: перечисление сказанного (*enumeratio dictorum*) и возбуждение аффектов (*motus affectuum*).

Почти дословно повторяет эти положения М. Базилевич [Basilevicz 1756: 98 (об)]. В главе, посвящённой заклЮчению, особенно ярко выражена зависимость от текста риторики Феофана Прокоповича. Текст главы представляет собой пересказ соответствующего раздела риторики Прокоповича, в котором можно обнаружить многочисленные буквальные совпадения, начиная с самого определения заклЮчения – “*artifitiosus orationis exitus*” («искусное завершение речи») [Basilevicz 1756: 98 (об); Procopovič 1982: 197].

Отдельные совпадения в трактовке заклЮчения (в частности, обозначение его главных задач) можно отметить и в нижегородской риторике. ЗаклЮчение определяется здесь как “*consumatio orationis, vel repetitione thematis vel consecratio vel voto constans*” («окончание речи, состоящее из повторения темы, выводов или пожеланий») [Rhetorica 1766: 45 (об)]. Главными задачами заклЮчения ритор признаёт, как и другие авторы, перечисление сказанного и возбуждение аффектов.

Автор московского руководства трактует заклЮчение как “*propositionis ex omnibus argumentis illatio*” («выведение тезиса из всех аргументов») [Emporium 1744–1745: 95]. Над этой частью речи ритор советует работать не менее усердно, чем над остальными: “*non debet esse longa, debet tamen esse elaborata, verborum elegantia, figurarum varietate instructa, sententiis ponderosa*” («заклЮчение не должно быть длинным, но должно быть разработанным, оснащённым изяществом слов и разнообразием фигур, веским в суждениях») [Emporium 1744–1745: 95]. Несколько иначе, чем в других риториках, здесь обозначены части заклЮчения: *enumeratio* (перечисление), *amplificatio* (распространение), *adhortatio* (побуждение) *sive dehortatio* (разубеждение) [Emporium 1744–1745: 95].

Принципы расположения ораторской речи, сложившиеся в античной риторике, не претерпели серьёзных изменений и в риторике XVIII века. В российских рукописных риториках XVIII века прослеживается общая схема

композиции ораторской речи, небольшие отступления от которой вызваны индивидуальными вкусами составителей руководств. Следует отметить традиционность трактовок риторической теории диспозиции российскими риториками. Все рассмотренные риторика в большей или меньшей степени зависят от трактата Прокоповича. В риторике М. Базилевича в качестве одного из источников упомянуто сочинение иезуита Соария. Среди других теоретических источников необходимо назвать Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, Коссена, ссылки на сочинения которых присутствуют во многих руководствах.

В рассмотренных российских рукописных риториках XVIII века обнаруживается единое понимание композиционной схемы ораторской речи, обусловленное общими теоретическими источниками. Однако заметно и своеобразие трактовки построения речи в каждом из руководств. Так, для нижегородского ритора основными достоинствами речи являются ясность, краткость, простота. Склонность к методически оправданному упрощению характерна и для других разделов этой лаконичной риторики. Риторика из Смоленской коллегии и Славяно-греко-латинской академии отличаются обстоятельностью и детальностью, в них большее внимание уделено эмоциональности и тщательной риторической отделке речи.

Определяя расположение как размещение изобретённого в определённом порядке (*“rerum inventarum in ordinem collocatio”*) [Praecepta 1759: 60], авторы руководств относили к данному этапу подготовки ораторского выступления не только расположение частей большой речи, но и расположение аргументов.

Согласно рязанскому ритору, существует шесть видов аргументации или расположения аргументов: простейшая хрия, силлогизм, энтимема, тезис и подтезис, индукция, сорит, дилемма, афтонианская хрия.

Простейшая хрия, или иначе – ораторская экспозиция (*expositio oratoria*), понимается как соединение многих высказываний или периодов (*“connexio plurium enunciationum sive periodorum”*) [Praecepta 1759: 60 (об)]. Слишком общее определение далее конкретизировано: простейшая хрия должна включать четыре

основные части. Это положение (*protasis*), объяснение (*aetiologia*), амплификация (*amplificatio*), заключение (*conclusio*). А именно: “*prima quae ponit, secunda, quae probat, tertia, quae illustrat, quarta, quae concludit*” («первый период в хрии выдвигает, второй доказывает, третий иллюстрирует, четвёртый заключает») [Praecepta 1759: 60 (об)].

Силлогизм определяется как трёхчастная аргументация, в которой из двух положений следует третье. Трём частям силлогизма даются различные названия – диалектические и риторические. У диалектиков «первое положение называется большой посылкой, так как рассуждает о многом, говорит вообще обо всём и ни о чём, второе называется малой посылкой, так как рассуждает об отдельном предмете, например, о добродетели, наслаждении, третье же называется заключением, так как заключает обе части.... Риторы же первую часть называют положением, ведь оно излучает весь смысл рассуждения. Вторую называют допущением, так как в ней допускается то, что явствует из положения. Третья называется заключением, так как в ней кратко показано то, что вытекает из всей аргументации» (“*et vocantur prima major ex eo, quod de pluribus tractat, dicit enim universaliter omnis et nullus, secunda vocatur minor ex eo, quod in particulari re describit, virtus, voluptas, tertia conclusio, quia ambas illas concludit... Rhetores vero primam vocant propositionem, quod ex hac tota vis ratiocinationis emanat. Secundam assumptionem vocant, quia per illam, quod ex propositione ad ostendendum pertinet assumitur. Tertia complexio vocatur, quia per istam, quod conficitur, ex omni argumentatione breviter exponitur*”) [Praecepta 1759: 63]. Силлогизм, состоящий из трёх положений, называется трёхчастным, если же добавить одно обоснование к большой посылке и другое – к малой, получится пятичастный силлогизм.

Заслуживают внимания советы по построению силлогизма, которые даёт автор рязанской риторики своим ученикам. Он предлагает формальную схему построения силлогизма из любой идеи на примере тезиса: “*Peccatum est fugiendum*” («Следует избегать греха»). Согласно его наставлениям, сначала нужно найти обоснование взятому тезису, например: “*quia removet a Deo*

hominem” («Ведь грех удаляет человека от Бога»). Затем, соединив предикат обоснования с предикатом тезиса, нужно получить общее суждение, или большую посылку: “Omne quod removet hominem a Deo est fugiendum” («Следует избегать всего, что удаляет человека от Бога»). Следующее действие состоит в том, что берётся субъект тезиса и соединяется с предикатом обоснования: «Но грех удаляет человека от Бога» (“Sed peccatum removet hominem a Deo”). Сформулирована малая посылка. Из этих двух посылок следует заключение, представляющее собой первоначально взятый тезис: “Ergo peccatum est fugiendum” («Итак, следует избегать греха») [Praecepta 1759: 63 (об)].

Всё же автор рязанской риторики советует избегать слишком явных силлогизмов, например, таких, в которых большая посылка начинается со слова “omnis” («всякий»), а малая – с “nullus” («никакой»). Подобные силлогизмы противоречат ораторскому искусству, ведь “Nam praecipua est ars oratorum, formam illam et sillogismum et ordinem ita occultare, ut nullomodo cerni possit” («особое мастерство ораторов состоит в том, чтобы так скрыть форму и порядок силлогизма, чтобы их никак нельзя было обнаружить») [Praecepta 1759: 64]. С этой же целью используется *syllogismus perturbatus* (перепутанный силлогизм), части которого расположены в необычном порядке. Чтобы положения силлогизма не были слишком явными, ритор рекомендует также распространить их с помощью риторических амплификаций, подходящих тропов и фигур, проиллюстрировать разными сравнениями, примерами, свидетельствами.

Энтимема вслед за Аристотелем трактуется как двухчастная аргументация, незаконченный силлогизм, в котором опущена большая посылка. Рассуждая о прямой и обратной энтимеме, ритор указывает, что иные авторы говорят в данном случае о прямой и обратной хрии. Действительно, понятие хрии трактуется в риториках этого времени очень широко.

Интересно, что пример построения распространённой речи на основе энтимемы даётся в рязанской риторике на русском языке. Сама энтимема приведена на латинском языке: “Diva Martyr Barbara pro Christo passa et mortua est

laudanda” («Святая мученица Варвара, пострадавшая и принявшая смерть ради Христа, достойна восхваления») [Praecepta 1759: 66]. Следующее за ней упражнение (praxis), заключающееся в амплификации энтимемы, выполнено по-русски. Это один из примеров билингвизма (иногда – полилингвизма) российских риторик XVIII века.

Следующий вид аргументации, рекомендуемый в руководстве – тезис (thesis) и подтезис (hypothesis), или иначе – протасис (prothasis) и аподосис (apodosis). Тезис определяется как “discursus generalis, seu quaevis propositio universalis” («общее рассуждение или какое-либо универсальное положение») [Praecepta 1759: 67], а подтезис как “discursus particularis caertae rei vel personae applicatus” («частное рассуждение, применённое к конкретному предмету или лицу») [Praecepta 1759: 67]. Такое же значение имеют, по мнению ритора, протасис и аподосис: “quanquam alii distinguunt, sed differentia fere nulla est” («хотя некоторые и различают (эти понятия), разницы нет почти никакой») [Praecepta 1759: 67]. Иногда, если это уместно, автор рекомендует в качестве тезиса использовать изречения, сентенции и даже символы, монеты, эмблемы.

Индукция в рязанской риторике определяется как вид аргументации, в котором «из многих перечисленных отдельных высказываний выводится нечто общее» (“ex multis singularibus enumeratis aliquid universale infertur”) [Praecepta 1759: 68]. Она бывает двойкой: индукция сравнений и индукция примеров, в зависимости от того, сравнения или примеры служат для доказательства определённого тезиса.

Сорит, то есть «аргументация, разворачивающаяся, постепенно нанизывая, многие тезисы, и приходящая по ним, словно по ступеням, к какому-то выводу» (“argumentatio multas gradatim et coacervatim involvens propositiones, per quas veluti per gradus quosdam ad conclusionem pervenit”) [Praecepta 1759: 70 (об)], как и индукция, от частного переходит к общему. Примером сорита служит знаменитое высказывание древнегреческого полководца: “Sic etiam Themistocles facile probavit filium suum Graetiae imperare: filius meus, inquit, matri imperat, illa mihi, ego

Atheniensibus, Athenienses toti Graeciae, ergo filius meus toti Graetiae imperat” («Так Фемистокл легко доказал, что его сын правит Грецией: мой сын, говорит, командует матерью, она мной, я афинянами, афиняне всей Грецией, следовательно, мой сын командует всей Грецией») [Praecepta 1759: 70 (об)].

Дилемма, или рогатый силлогизм (*sylogismus cornutus*), определяется как “*argumentatio directa ex duabus propositionibus contrariis, quarum propositionum, quamcumque concesserit adversarius irretietur et in saccum incidet*” («прямая аргументация из двух противоположных тезисов, с каким бы из которых ни согласился оппонент, он запутается и попадёт в ловушку») [Praecepta 1759: 71].

Наконец, последний и самый развёрнутый вид расположения аргументов – афтонианская хрия. Автор рязанского руководства приводит два общепринятых определения афтонианской хрии: “*est commemoratio vel explicatio facti alicuius vel dicti vel utriusque simul certis capitibus compraehaensae, vel sic clarius: chria est oratio quae explicat et probat brevem aliquam moralem sententiam aut factum alicuius magni hominis*” («хрия есть упоминание либо изложение какого-либо факта или изречения или и того и другого в определённом порядке, или яснее: хрия есть речь, которая объясняет и доказывает какое-нибудь краткое моралистическое изречение или деяние какого-либо великого человека») [Praecepta 1759: 71(об)]. Хрия должна состоять из восьми частей. В рязанской риторике эти части таковы: вступление, парафраз, причина, противопоставление, сравнение, пример, свидетельство древних, заключение.

В других латинских риториках этого времени мы встречаем, с немногими исключениями, те же определения хрии и такие же названия её частей. В смоленской риторике М. Базилевича [Basilevicz 1756], например, по-другому называется вторая часть хрии – экспозиция, являясь по сути, как и парафраз, амплификацией тезиса.

Главное различие подходов рязанской и смоленской риторики заключается в том, что в рязанской риторике афтонианская хрия рассматривается как вид расположения аргументов и включена в раздел “*Dispositio*”, а в

руководстве М. Базилевича хрия наряду с другими способами аргументации рассматривается в разделе, посвящённом изобретению речи (“*Inventio*”), после изложения основ топики.

Описание способов аргументации в риторике М. Базилевича, в основном, совпадает с трактовкой рязанского ритора, что объясняется опорой на одни те же латинские источники, но является более подробным. Кроме того, он называет несколько других видов аргументации – в частности, пример (*exemplum*), трактуемый как “*argumentatio, in qua ab uno particulari ad aliud scilicet particulare fit progressus*” («аргументация, в которой происходит переход от одного частного случая к другому») [Basilevicz 1756: 64], эпихерему или свёрнутый силлогизм, риторическую отделку (*expolitio*) и даже аллегория. Сам автор, впрочем, замечает, что эпихерема по своей сути совпадает с энтимемой, а риторическая отделка – с хрией.

Обнаруживая в целом одинаковое понимание конкретных понятий, авторы двух рассмотренных рукописных риторик приводят различные примеры, дают собственные рекомендации и советы по практическому применению видов аргументации и даже относят тему о способах аргументации к разным разделам риторического канона.

В вологодской риторике раздел «Расположение» построен своеобразно и несколько хаотично. Он содержит сведения о расположении частей большой (цицеронианской) речи, но не включает материал о видах расположения аргументов, относя его в раздел «Изобретение». В этом же разделе есть главы, посвящённые отдельным видам красноречия, среди которых ритор выделяет панегирик, хрию, любезную речь (*orationem officiosam*), письмо и историю. Завершает раздел глава о запоминании и произнесении.

Таким образом, авторы различных риторик расходятся в представлениях о содержании и задачах риторической диспозиции как этапа создания речи, демонстрируя разнообразие интерпретаций данного раздела риторической теории.

2.2.3 Elocutio

В разделах, посвящённых словесному выражению, изложены положения риторики, связанные с языковыми аспектами порождения речи.

Прежде всего авторы руководств рассматривают такую тему, как качества (*requisita*) или достоинства (*virtutes*) красноречия.

Трактовка этой темы в разных руководствах имеет свои особенности.

Составитель риторики из Рязанской семинарии [*Praecepta 1759*] посвятил теме качеств красноречия отдельную главу, включающую несколько параграфов. В этой главе названы четыре основных достоинства красноречия: чистота (*puritas*), ясность (*perspicuitas*), изящество (*elegantia*), уместность (*dignitas*). Эти качества соответствуют требованиям к красноречию, сформулированным Цицероном в трактате “*De oratore*”: “*Quinam igitur dicendi est modus melior... quam Latine, ut plane, ut ornate, ut ad id, quodcumque agetur, apte congruenterque dicamus?*” (III, 37) («...что же касается слов, то что может быть лучше, чем слова чисто латинские, слова ясные, слова красивые, слова уместные и соответствующие предмету?») [*Цицерон 1972: 212*]. Рязанский ритор точно передаёт мысль Цицерона, однако для качеств красноречия находит другие обозначения. Интересно, что в риторическом трактате Феофана Прокоповича, одном из основных источников рязанской риторики, находим буквальное следование Цицерону: “*quattuor haec praestare orator debet: nimirum ut dicat latine, plane, ornate, et apte*” (четыре качества оратор должен сохранять, а именно говорить на чистой латыни, ясно, красиво и уместно) [*Просоровић 1982: 204*].

Чистота определяется в рязанской риторике как употребление общепринятых слов и выражений: “*Puritas in eo consistit, ut adhibeantur vocabula probata, et phrases probatae*” [*Praecepta 1759: 100*]. Для достижения чистоты латинской речи «нужно всеми силами стремиться, чтобы не употреблять иные слова, кроме латинских, за исключением только тех, преимущественно греческих, которые использовались древними авторами и стали латинскими благодаря долгому употреблению или с разрешения государства» (“*summo studio enitendum*

est, ne alia, quam Latina verba ponantur, exceptis iis tantum praesertim Graecis, quae ab antiquis auctoribus usurpata sunt, et per longum usum et vel ubi civitate donata ad Latinos invaluerunt”) [Praecepta 1759: 100]. Последняя фраза дословно заимствована из сочинения Феофана Прокоповича [Procopovič 1982: 204]. Рекомендация избегать варваризмов, т.е. непривычных, иноязычных слов (*mapra* вместо *stragula*, *votum* вместо *suffragio*) и солецизмов, т.е. неудачных сочетаний слов (*amittere proelium*, *provinci in proelio*, *fidem dare*), также соотносится с риторикой Прокоповича, однако примеры приведены другие.

Ясность как качество речи, согласно рязанскому ритору, требует, чтобы «слова были употребительными и подходящими, а периоды – не слишком краткими и не длиннее обычных, а также чтобы сам порядок и сочетание слов и расположение аргументов не были перепутанными» (“*ut sint vocabula usitata et propria; et periodi nec breves nimis, nec justo longiores, ipse quoque ordo et constructio verborum, argumentorumque dispositio non sit turbata*”) [Praecepta 1759: 100 (об)]. Ясность способна сделать речь приемлемой для учёных и понятной для неучёных (“*ita et sermo doctis probabilis et planus imperitis erit*”) [Praecepta 1759: 100 (об)]. Ясностью, по мнению ритора, отличается слог Цицерона, Цезаря, Овидия.

Противоположным ясности качеством речи, её величайшим пороком (*maximum sermonis vitium*) называется темнота или туманность (*obscuritas*). Ясности препятствуют употребление устаревших или, наоборот, новых и непривычных слов, слишком длинные периоды, превышающие предел, который способно выдержать дыхание или, напротив, чересчур краткая речь, лишённая даже необходимых слов. Ритор с сожалением отмечает, что часто внимание слушателей бывает ослаблено, и поэтому «следует заботиться не только о том, чтобы было понятно, но чтобы было невозможно не понять» (“*non ut intelligere possit tantum, sed ne omnino possit non intelligere curandum*”), слова оратора должны проникнуть в душу слушателя, как солнце в глаза (“*ut in animum ejus oratio, ut sol in oculos occurrat*”) [Praecepta 1759: 101 (об)].

Изящество заключается, согласно рязанскому ритору, в таких свойствах, как «точный выбор слов и фраз, слаженный порядок слов и ритм, умеренное употребление избранных тропов и фигур, подходящая связь периодов и аргументов» (“*accuratus vocum et phrasium delectus, concinnus verborum ordo et numerus, moderatus troporum ac figurarum selectiorum usus, apta periodorum et argumentorum connexio*”) [Praecepta 1759: 101 (об)].

Понятие изящества включало много частных требований и поэтому в большей степени, чем остальные качества, нуждается в пояснении.

По определению Феофана Прокоповича, риторика которого являлась одним из важнейшим источников для учебных руководств XVIII века, словесное выражение должно было быть изящным и утончённым: “*Elocutio culta et elegans oratori ita necessaria est, ut nemo sine ea, tametsi omnigena eruditione instructus sit, orator audire mereatur. Haec sola si abest, frustra est inventio et dispositio: languent affectus, frigent argumenta, sicca est amplificatio, hebescunt acumina...*” («Утончённое и изящное словесное выражение настолько необходимо оратору, что без него никто недостоин считаться оратором, даже если он обучен всяческим знаниям. Если нет его одного, бесполезны изобретение и расположение: цепенеют аффекты, остывают аргументы, суха амплификация, притупляются остроты») [Просоровић 1982: 204]. Слова Феофана Прокоповича цитируют с небольшими изменениями многие составители российских риторик [Наставления 1764: 14 (об); Praecepta 1761: 92 (об)], подробно разъясняя смысл понятия изящества речи.

Составитель риторики 1759 г. из Рязанской семинарии к изяществу речи относит аккуратный выбор слов и выражений, украшенность мыслей, умеренное применение тропов и фигур, должную связь периодов и аргументов [Praecepta oratoria 1759: 101 (об)].

Мануил Базилевич, автор смоленского руководства 1756 г. понятие изящества (*elegantia*) толкует более широко, включая в него такие качества речи, как чистота (*latinitas*) и ясность (*explanatio*) [Basilevich 1756: 107 (об)].

Правильное использование тропов и фигур относилось к важнейшим проявлениям изящества речи. Составитель рязанской риторики приводит несколько рекомендаций по их умелому применению. Так, согласно его советам не без изящества (“non invenuste”) метафора и аллегория могут использоваться в речах, цель которых – поучать (*docere*) и, в ещё большей мере, услаждать (*delectare*) [Praecepta 1759: 102]. Гиперболу и катахрезу допустимо применять только в возвышенной, страстной и поэтической речи (“in sublimi aut vehemente aut poetica dictione”) [Praecepta 1759: 102]. Из фигур более всего способствуют прелести и блеску речи антитеза, парадокс, антиметабола, оксюморон, перифраза, сермоциация [Praecepta 1759: 102 (об)].

Необходимым признаком изящной речи считалась её слаженность, плавное соединение периодов (“*connexio periodorum*»). В слаженности речи большая роль отводилась частицам. Для изучения латинских частиц составитель риторики из Рязанской семинарии советует обратиться к итальянскому грамматiku XVI в. Орацио Турселлино (*Horatius Tursellinus*): “*Legatur Tursellini libellus de particulis linguae Latinae*” [Praecepta 1759: 103]. Частицы, по мнению ритора, особенно важны для связи периодов. Они уподобляются извести, сдерживающей сыпучий песок (“*instar calcis sunt arenas passim fluentes continentis*”) [Praecepta 1759: 103].

Упомянуты и формулы переходов между периодами, что свидетельствует об определённой стандартизации словесного выражения, но формулы ритор советует употреблять “*cum grano tamen salis maximeque varietate usurpanda*” (с изюминкой, с наибольшим разнообразием) [Praecepta 1759: 103]. Формульные схемы предлагается варьировать, добиваясь разнообразия.

Соединение отдельных слов (“*junctura verborum*”) также требовало внимания. Чтобы достичь звучности речи, необходимо было на стыке слов избегать зияния гласных и излишней шероховатости из-за нагромождения согласных. Не только звучание, но и значение слов следовало учитывать при их расположении. Так, ритор советует заботиться о том, чтобы «то, что первое по природе, не располагалось после того, что менее достойно или более позднее по

своей природе» (“*nec vel natura prius postponatur illi, quod indignius vel natura posterius est*”) [Praecepta 1759: 101 (об)].

Elegantia, по утверждению автора рязанской риторики, образует тот род речи, который называют цветистым (“*floridum genus dicendi*”). Изобилуя украшениями и блёстками (“*floribus ac luminibus*”), он демонстрирует больше изящества, чем достоинства (“*dignitas*”) [Praecepta 1759: 103]. Вместе с тем следует остерегаться чрезмерного изящества, порождающего софистический или кудрявый род речи (“*sophisticum sive calamistratum dicendi genus*”) [Praecepta 1759: 103]. Помпезность этого стиля проявляется в многочисленных эпитетах, тропах, описаниях, звучных фигурах. Так допустимо иногда говорить юношам, считает ритор, а мужам подобает более серьёзное и мужественное красноречие (“*gravior et virilis eloquentia*”) [Praecepta 1759: 103]. Различие между цветистым и софистическим стилями автор иллюстрирует сравнением: “*Facillime autem differentiam horum dicendi generum intelliges, si dixeris, sophisticum, illud fucio meretricio, floridum venustati femineae, pulchritudini virili masculaeque id genus dicendi simile esse quod cum elegantia conjunctam habet dignitatem*” («Легче всего ты поймёшь разницу между этими видами речи, если скажешь, что софистический подобен румянам блудниц, а цветистый – женской прелести и мужественной красоте, так как с изяществом в нём соединяется достоинство») [Praecepta 1759: 103 (об)].

Некоторые авторы риторик считают проявлением изящества речи умеренное использование шуток и острот. Так, шутки и остроты, по мнению составителя нижегородской риторики 1766 г., уместны в диалогическом стиле, который автор характеризует как *jocosum et urbanum* («шутливый и изящный»), напоминая о том, что остроты не случайно называются *sales* (от слова *sal* – соль), ведь они так же улучшают вкус речи, как соль – вкус блюд [Rhetorica 1766: 48 (об)]. Автор риторики 1744-1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии утверждает, что остроты (*acumina*) и изящные суждения (*propositiones elegantes*) происходят из одних и тех же источников [Emporium 1744–1745: 16].

В вопросах стиля наиболее авторитетным для авторов учебных риторик оказался трактат немецкого философа и богослова Иоганна Готлиба Гейнекция (Heinecke) “Fundamenta stili cultioris” («Основы изящного стиля», 1719). Так, разделы о стиле в вологодской и рязанской риториках почти полностью заимствованы из трактата Гейнекция. В частности, из его сочинения взяты дефиниции разных стилей, а также представление об орнаментальном стиле как об идеале красноречия. Забота Гейнекция об изысканности стиля была чрезмерной, доходящей до гротеска, тем не менее именно его стилистика долгое время считалась образцовой [Солопов 2008: 49]. Как отмечает А. И. Солопов, «Гейнецкий проповедовал изящество слога, которое он понимал как красоту, поэтому его руководство построено на таких темах, как *uoces et phrases elegantiores* (“изысканные слова и выражения”), *constructiones rariores* (“редкие конструкции”), *phrases selectiores* (“утончённые выражения”) и *ingeniosa iudicia et acumina*» [Солопов 2008: 49–50]. Именно требования Гейнекция к стилю легли в основу стилистических теорий в российских риториках XVIII века.

Таким образом, изящество стиля (*elegantia, venustas, urbanitas*) в рассмотренных учебных латинских риториках воспринималось как неременная черта истинного красноречия. Под изяществом понималось умелое использование стилистических украшений, утончённое остроумие, слаженность и соразмерность словесного выражения. Составители российских учебных риторик на латинском языке в своих предписаниях отразили стилистические вкусы своего времени, далёкие от строгой чистоты классической латыни.

Важным требованием к красноречию являлась и уместность, или достоинство (*dignitas*). *Dignitas*, по утверждению составителя рязанской риторики, заключается в том, чтобы употреблять слова, соответствующие лицу, предмету, времени и месту (“*ut adhibeatur vocabula personae, rei, tempori et loco convenientia*”) [Praescepta 1759: 103 (об)]. В риторике Феофана Прокоповича содержится похожее определение: “*ut sit talis oratio, quae et dicenti et audientibus et loco et tempori et aliis omnibus circumstantiis conveniat*” («речь должна быть такой, чтобы

соответствовать и говорящему, и слушающим, и месту, и времени, и всем другим обстоятельствам») [Procorovič 1982: 280].

В вологодской риторике 1764 года, также содержащей много положений, заимствованных из трактата Феофана Прокоповича, учение о качествах красноречия излагается схожим образом, со ссылкой на Цицерона: “Totum elocutionis negotium ad haec quinque potissimum capita referri posse videtur, ut si quid modo oratorio dicere velimus, latine aut ruthene, plane, concinne, ornate, apte, congruenterque dicamus. Ita fere Cic.” («Всё дело словесного выражения, как представляется, может быть сведено к пяти важнейшим вещам. Если мы хотим изъясняться, как оратор, мы должны говорить на чистой латыни или на чистом русском, ясно, соразмерно, красиво, уместно и подобающе. Примерно так у Цицерона») [Наставления 1764: 15]. К четырём качествам, сформулированным Цицероном, вологодский ритор добавляет ещё одно – *concinnitas* (соразмерность), т.е. правильное построение периода.

Эти же пять качеств хорошей речи называет и автор нижегородского риторического руководства: “Omnis oratio habet quinque virtutes: scilicet, ut bene vel emendate ut dilucide ut copiose ut ornate ut apte vel sapienter dicatur. Totidem ejusdem sunt vitia supradictis contraria nimirum, si impure, si obscura, si macilenta, si ornatu carens, si denique inepta ac imprudens fit dictio” («Всякая речь имеет пять достоинств: а именно, она должна быть хорошей или правильной, понятной, развёрнутой, украшенной, уместной или разумной. Столько же у неё недостатков, противоположным вышеназванным качествам, когда речь бывает нечистой, непонятной, слишком краткой, лишённой украшений и, наконец, неуместной или неумной») [Rhetorica 1766: 27 (об)].

В риторике М. Базилевича указаны только три достоинства речи: *elegantia* (изящество), *dignitas* (уместность), *compositio* (слаженность) [Basilevicz 1756: 107 (об)]. Однако в понятие *elegantia* включены также представления о чистоте (*latinitas*) и ясности (*explanatio*) речи: “Est igitur elegantia elocutionis, quae facit, ut unum quodque pure et aperte dici videatur. Dividitur vero in latinitatem et

explanationem” («Изящество речи заключается также в том, что речь кажется ещё и чистой и понятной. Ведь изящество составляют чистота и ясность» [Basilevicz 1756: 107 (об)].

Также М. Базилевич предостерегает от употребления варваризмов и солецизмов, приводя яркие примеры этих стилистических ошибок (варваризмы – aeternaliter вместо aeterne, cordalite вместо ex animo, liga вместо foedere, septimana вместо hebdomade; солецизмы – facere epistolam вместо componere, monitorem nos non necesse habemus вместо monitor nobis non est necessarius) [Basilevicz 1756: 107 (об)-108]. Он подчёркивает, что варваризмами следует считать не всякие иноязычные слова, но только пришедшие в латинский язык из новых языков. Что касается греческих слов, ритор допускает их появление в речи только в трёх случаях: “1) si sit singularis emphasis vel allusio pulchra ad dictum aliquod vel factum graeci auctoris; 2) si velimus aliquid secreti scribere; 3) si is ad quem scribimus, sit graecae linguae peritus et ea delectetur” («1) если есть особенный акцент или красивая аллюзия на что-либо сказанное или сделанное греческим автором; 2) если мы хотим сообщить что-то тайное; 3) если тот, кому мы пишем, является знатоком греческого языка и испытывает от него наслаждение») [Basilevicz 1756: 108].

Ясность (explanatio), согласно М. Базилевичу, заключается в употреблении слов употребительных и подобающих (“consistit in verbis usitatis et propriis”) [Basilevicz 1756: 108].

Слаженность речи (compositio elocutionis) трактуется как “apta verborum collocatio, et inter se connexio” (подходящее расположение слов и их между собой сочетание) [Basilevicz 1756: 108 (об)]. Слаженность речи составляют четыре качества: delectus (отбор), ordo (порядок), junctura (соединение), numerus oratorius (ораторский ритм) [Basilevicz 1756: 108 (об)].

Отметим, что другими авторами не выделяется compositio как одно из достоинств речи. Трактовка М. Базилевичем слаженности речи соответствует стилистическим принципам барочных риторик.

Delectus (отбор) определяется как “*verborum sonantiorum, graviorum, et quandam majestatem per se ferentium ad orationem applicatio*” («применение в речи слов звучных, веских и содержащих в себе некое величие») [Basilevicz 1756: 109]. К ним М. Базилевич относит, в частности, слова в превосходной степени (лучше сказать *optatissimus tuus adventus*, чем *optatus*), отглагольные существительные (*imperatrix* звучит величественней, чем *regina*), многосложные слова (*sceleratus* вместо *malus*, *verecundia* вместо *pudor*) [Basilevicz 1756: 109].

Ordo (порядок) предписывает необходимую последовательность в расположении слов. Со ссылкой на Квинтилиана М. Базилевич советует на первое место ставить слова, первые по значению или по природе (“*vel dignitate, vel natura priora*”) [Basilevicz 1756: 109], т. е. говорить *dies et nox*, а не наоборот.

Junctura определяется ритором как “*litterarum et syllabarum suavis, plena et sonora connexio*” (сладостное, полное и звучное соединение букв и слогов) [Basilevicz 1756: 109 (об)]. Нарушениями этого качества речи признаются скопления согласных или гласных звуков, скопления односложных слов, совпадение соседних слогов (например: “*o fortunatam natam me consule Romam* (Cicero); *Caesaris decreto Creta liberata est*”) [Basilevicz 1756: 109 (об)].

Numerus oratorius (ораторский ритм) понимается как сладостная модуляция речи (*suavis quaedam orationis modulatio*), истекающая из определённого расположения стоп. М. Базилевич призывает к разнообразию ритмического рисунка речи: “*pedes qui ex longis syllabis constant, brevium antecedentium celeritate, et pedes qui ex brevibus syllabis constant longarum antecedentium tarditate corrigendi sunt*” («стопы, состоящие из долгих слогов, следует корректировать стремительностью предшествующих кратких стоп, а стопы, состоящие из кратких слогов, замедленностью долгих предшествующих») [Basilevicz 1756: 110].

Совершенно иначе, чем в рязанском руководстве, М. Базилевич трактует понятие *dignitas*, приводя следующую дефиницию: “*Dignitas elocutionis est exornatio orationis et sensuum per eruditiones, sententias, acumina, tropos et figuras*” («Достоинство словесного выражения есть украшение речи и чувств с помощью

эрудиции, сентенций, острот, тропов и фигур») [Basilevicz 1756: 110]. В рязанской риторике понятие *dignitas* содержит значение уместности. Этому качеству речи Базилевич посвящает целый раздел, в котором детально рассматривает способы использования в речи любопытных сведений (*eruditiones*), сентенций и острот и лишь кратко останавливается на функциях фигур в речи, т. к. о тропах и фигурах подробно говорилось в другом разделе руководства.

Eruditiones ритор советует включать в текст не только в виде историй или развёрнутых примеров, но и в более сжатой форме, используя сравнительные обороты: “*nodo Gordii intricatior est*” (запутаннее, чем Гордиев узел); сопоставления: “*jactet antiquitas Herculem, Achillem, Magnum illum Macedonem aliosque strenuissimos sui temporis heroes, nostra saecula te unico gloriantur, qui omnium horum virtutes satis complexus es*” (античность хвалит Геркулеса, Ахилла, того великого македонянина и других сильнейших для своего времени героев, наш век прославляет только тебя одного, соединившего в себе все их доблести); антономасию: “*Aristides pro justo*” [Basilevicz 1756: 110 (об)].

Ещё одним способом украшения речи признаётся сентенция – “*dictum aliquod grave et succinctum ad quidpiam cohortans vel dehortans*” («какое-либо значительное и сжатое высказывание, убеждающее или разубеждающее в чём-либо») [Basilevicz 1756: 110 (об)]. Базилевич особенно подчёркивает необходимость не простого и безыскусного, а разнообразного и изысканного введения сентенций в текст: “*Vitandae sunt hae simplices locutiones: ut inquit vel docet vel pronunciat author NN. Sed potius his cultoribus utendum est: assentiri tibi cogor regie vates etc. Vel te cum sentio Romane sapiens etc. Vel habe plausum et panaegyres pro digno perennitate effato pater eloquentiae vel veritatis illa vox est non Horatii*” («Следует избегать простых выражений, таких, как: говорит, учит, восклицает автор NN, но лучше пользоваться такими изысканными выражениями: я вынужден согласиться с тобой, царственный поэт. Либо: когда я слышу тебя, мудрый римлянин... Либо: ты достоин рукоплесканий и панегириков за

достойное вечности изречение, о отец красноречия. Либо: эти истинные слова принадлежат не Горацию») [Basilevicz 1756: 111 (об)].

Острота (*acumen oratorium, conceptus*) в смоленской риторике определяется как “*dictum ingeniosum et inexpectatum*” («остроумное и неожиданное высказывание») [Basilevicz 1756: 111 (об)]. Этот способ украшения речи, согласно М. Базилевичу, в наибольшей степени зависит от счастливого, острого и утончённого ума, однако и здесь искусство предоставляет некоторые источники, о которых в руководстве обстоятельно рассказывается с опорой на “*De acuto et arguto*”, сочинение польского ритора XVII в. Сарбевица (Мацея Казимира Сарбевского).

В разделах латинских рукописных риторик, посвящённых словесному выражению, рассматривается, как правило, и учение о стиле, которое является одним из центральных разделов риторической теории. Стилю, как известно, была посвящена первая половина третьей книги «Риторики» Аристотеля. Развёрнутое изложение представлений о стиле содержалось в трактатах эллинистических и римских риторов – Феофраста, Дионисия Галикарнасского, Деметрия, Цицерона и Квинтилиана. Античные риторические теории стиля послужили основой для развития искусства красноречия в последующие эпохи.

Чёткая и разветвлённая классификация стилей содержится в ряде российских риторических руководств, главными источниками для которых послужили трактат Гейнекия “*Fundamenta stili cultioris*” («Основы изящного стиля», 1719) и лекционный курс Феофана Прокоповича. К ним можно, в частности, отнести риторики, составленные в Нижегородской, Рязанской, Коломенской и Вологодской семинариях.

Автор риторики из Вологодской семинарии приводит следующее определение стиля: “*Stilus sive character dicendi est figura dictionis conveniens causae propositae*” («Стиль или характер речи есть образ высказывания, соответствующий теме») [Наставления 1764: 43]. Стиль уподоблен одежде: “*Et est ergo stilus in oratione id, quod vestis conveniens dignitati personae, simmetria in*

corpore, et proportio in imagine. Quemadmodum enim non omni personae easdem vestes aptamus; neque congruum corpus neque concinna imago esse potest neque partes partibus et figura subjecta rei legitime respondeat; ita oratio, si non congruat rebus, quas tractat, inepta et monstrosa necesse est” («Таким образом, стиль в речи есть то же самое, что одежда, соответствующая достоинству лица, симметрия тела, пропорция образа. Ведь не всякому человеку подобает одинаковая одежда; и тело не может быть соразмерным и образ гармоничным, если части не соответствуют друг другу; так и речь, если не соответствует предметам, которые трактует, обязательно будет неуместной и безобразной») [Наставления 1764: 43]. Проблема стиля связывается с ответом на вопрос, как научиться говорить уместно (*aptum*) и подобающе (*congruenter*).

Стиль рассматривается в отношении лица, качества, количества, предмета (“*vel respectu personae, vel qualitatis, vel quantitatis, vel rei sive materiae*”) [Наставления 1764: 43]. Так, в отношении лица следует учитывать, является ли говорящий зрелым и образованным человеком либо молодым и неопытным: “*Quum enim vir doctus et senex pleno ore plenaque potestate utatur, juvenis longe submissius, et continendo sese intra limites adolescentiae agere debet*” («Ибо учёный старец говорит в полный голос и веско, молодой же должен говорить гораздо сдержаннее, оставаясь в границах своего возраста») [Наставления 1764: 43]. С другой стороны, необходимо обратить внимание и на слушающих: “*Multa enim prudentia multaque modestia opus est, si audiri velis a viris doctis, claris, et in semet omnia expertis: sed fortius et simplicius procedes cum simplicioribus*” («Необходимо много благоразумия и скромности, если хочешь, чтобы тебя слушали мужи учёные, знаменитые и во всём сведущие, но с более простыми слушателями ты добьёшься успеха, если будешь более решительным и простым») [Наставления 1764: 43].

В отношении качества стиль рассматривается как высокий (*sublimis*), средний (*mediocris*) или низкий (*humilis*). Для высокого стиля вологодский ритор считает характерным использование изысканных слов, серьёзных и метких

изречений, а также фигур, соответствующих аффектам. Уместен такой стиль, когда говорят о серьёзных вещах. Примером высокого стиля, по мнению ратора, служат первая и четвёртая Катилинарии Цицерона, почти все его филиппики и отдельные речи, а также «Панегирик Траяну» Плиния. Впрочем, все античные примеры, как указывает ритор, превосходит величие Священного Писания (“*Omnia autem longissime post se relinquit summa ac vere divina sublimitas scripturae sacrae*”) [Наставления 1764: 43 (об)].

Средний (*mediocris*), или ровный (*aequabilis*), стиль объявляется наиболее употребительным. Вологодский ритор относит к этому стилю письма Цицерона и большинство его речей, в частности, вторую и третью Катилинарии, а также сочинения Плиния, Непота, Светония, Юстина, Курция [Наставления 1764: 44].

Низкий (*humilis sive tenuis sive submissus*) стиль повествует о низких предметах. Однако автор риторики относит к этому стилю не только комедии Плавта и Теренция, но и «Буколики» и «Георгики» Вергилия, «Записки о Галльской войне» Цезаря. В частности, по поводу сочинения Цезаря ритор замечает: “*Julius Caesar enim stilo humiliori, et si non plebejo aut ineleganti bellum Gallicum ac civile descripsit*” («Юлий Цезарь в низком, если не плебейском и лишённом изящества, стиле описал Галльскую и гражданскую войны») [Наставления 1764: 44].

Для каждого стиля приводятся его противоположности или искажения. Так, высокому стилю противостоят холодный (*frigidus*) и напыщенный (*tumidus*) [Наставления 1764: 43 (об)]. Холодным стиль считается, когда о серьёзном и великом (“*de rebus arduis et grandibus*”) говорится речью «вялой, вульгарной, шутиливой и несвязной» (“*exili, vulgari, jocosu et omnibus commationibus destituto sermone*”), напыщенным стиль становится, когда, напротив, «по отношению к ничтожным предметам используется речь высокая и звучная, с нелепыми гиперболами, неоправданными остротами и абсурдными эпитетами» (“*de rebus exilibus grandi ac phalerato <sermone>, cum ineptis hyperbolis, parum argutis acuminibus epithetisque absurdis utens*”) [Наставления 1764: 43 (об)].

Среднему стилю противостоит «стиль непостоянный и неровный, в котором смешивается чистое с нечистым, гармоничное с рассеянным, украшенное с неприглаженным» (“*stilus inconstans vel inaequalis, in quo puris impura, concinnis dissoluta, ornatioribus incompta miscentur*”). По мнению ритора, вряд ли можно найти что-либо более абсурдное, чем подобный стиль (“*quo vix ullus potest reperiri absurdior*”) [Наставления 1764: 44].

Искажением низкого стиля признаётся стиль сухой (*siccus*): «в такой речи не очень чистая латынь, либо сама речь не слишком гармонична, и суждениям присуща чрезвычайная пустота или глупость» (“*si autem in oratione vel latinitas parum pura vel oratio parum concinna sit, et sententiarum insit summa sterilitas vel absurditas*”) [Наставления 1764: 44].

После изложения теории в руководстве следует *praxis doctrinae*, пример раскрытия тезиса “*In homine apparet Dei liberalitas ac potentia*” («В человеке проявляется милосердие и могущество Бога») низким, средним и высоким стилем. Низкий стиль: “*Homo, qui a Deo animam atque corpus accepit, docet nos ut liberalem et potentem Deum esse intelligamus*” («Человек, получивший от Бога душу и тело, показывает нам, что бог щедр и могуществен»). Средний стиль: “*Nominem rerum effector Deus corpore vestitum atque vitae officiis instructum specimen suae potentiae et liberalitatis esse voluit*” («Творец захотел, чтобы Человек, облечённый в тело и обученный жизненным трудам, стал свидетельством его могущества и щедрости»). Высокий стиль: “*Homo animal multiplex atque admirabile a magno rerum auctore editum, nervis colligatum, connexum membris, corpore toto admirabili quodam consensus partium inter se dissimilium concinnatum, spiritu intus vividum mobile, an non sempiternae illius majestatis liberalitatem testatur atque potentiam depraedicat?*” («Человек, сложное и удивительное животное, созданное великим творцом, связанное нервами, скреплённое в членах, во всём своём удивительном теле проявляющее согласованность непохожих частей, движимое изнутри живым духом, разве не свидетельствует о щедрости великого творца и не утверждает его могущество?») [Наставления 1764: 44 (об)].

Несмотря на то, что выше, давая определение стилям, автор риторики строго связывал стиль с предметом речи, в практическом упражнении он отступает от своих предписаний. Ритор показывает, как одну мысль можно изложить высоким, средним и низким стилем. Низкий стиль по отношению к высокому предмету не указывает на вульгарность и обозначает речь простую, безыскусную, краткую. Не отдавая предпочтение ни одному из стилей, вологодский ритор называет уместность основным критерием в выборе стиля, а также формулирует принцип зависимости стиля от цели высказывания: “*Si docere vult orator, assumere debet infimum characterem, etiamsi de Deo loquatur. Contra in rebus paucis, si necesse est, ut auditor flectatur de summo aliquid ferendum est*” («Если оратор хочет поучать, он должен обратиться к низкому стилю, даже если он говорит о Боге. Напротив, говоря о малых предметах, оратор, если нужно растрогать слушателя, пусть берёт кое-что из высокого стиля») [Наставления 1764: 44 (об)].

В количественном отношении (*respectu quantitatis*) стиль может быть сжатым, или лаконичным (*concisus vel laconicus*), средним (*medius*), который бывает родосским (*Rhodium*) или аттическим (*Atticus*), и пышным, или азиатским (*luxurians seu circumductus vel asiaticus*). Каждому из них в вологодской риторике даётся характеристика. Так, лаконичный стиль, по мнению автора, уместен только в дружеском общении. Ему трудно подражать, так как он больше подразумевает, чем выражает (“*in eoque consistit, quod plura intelligi, quam legi jubeat, difficilior adeo, quam ut eum quis imitari facile possit. Hinc nisi inter amicos, vix laudem aliquam meretur*”) [Наставления 1764: 45]. Образцом сжатого стиля ритор считает письма Цицерона к Аттику, вместе с тем учащимся он не рекомендует подражать этой манере письма. Азиатский (пышный) стиль он тоже не считает достойным похвалы, хотя и относит к этому стилю раннего Цицерона. Если для пышного стиля характерно мало мыслей и много слов (“*paucas ideas multis verbis exprimit*”) [Наставления 1764: 45 (об)], то в аттическом среднем стиле, напротив, многочисленные идеи выражены в немногочисленных и ясных словах (“*multae*

ideae paucis deusque verbis proferuntur”) [Наставления 1764: 45]. В качестве примера аттического стиля автор приводит сочинения Саллюстия, Сенеки, Плиния Младшего и Курция. Именно средний стиль (как аттический, так и родосский) объявляется образцом для подражания. Родосский стиль, как отмечает ритор, занимает промежуточную позицию между аттическим и азианским и наделён достоинствами обоих стилей. К родосскому стилю ритор относит зрелого Цицерона и Юлия Цезаря, а также Корнелия Непота и Ливия, усердное чтение которых чрезвычайно рекомендуется юношам (“quorum lectionem assiduam adolescentibus maxime commendamus”) [Наставления 1764: 45].

Наконец, в отношении предмета стиль бывает философским, историческим, эпистолярным, ораторским, поэтическим и диалогическим. Философский стиль рекомендуется использовать в дидактических сочинениях. Он заслуживает похвалы, если уместен, чист, ясен (“satis laudis meretur, si sit proprius, purus, perspicuus”) [Наставления 1764: 45 (об)]. В этом стиле, который не стремится к изяществу, хотя иногда непроизвольно его достигает (“elegantiam non adfectat, nec tamen sponte se offerentem negligit”) [Наставления 1764: 45 (об)], особенно рекомендуется избегать патетических фигур.

Исторический стиль понимается как средний между философским и ораторским: “Stilus historicus medius est inter simplicem philosophicum et superbientem oratorium, puritatem vocum, concinnitatem et periodorum brevitatem amans” («Исторический стиль является средним между простым философским и горделивым ораторским, он любит чистоту слов, гармоничность и краткость периодов») [Наставления 1764: 46]. Ритор подробно рассматривает особенности исторического стиля, даёт практические советы и предписания. В частности, он считает, что историку не подобают гиперболы и фигуры, способствующие возбуждению страстей, ему следует воздерживаться от аффектов и создания образов людей, так как это – дело ораторов. Историку не пристало нападать на людей или восхвалять их добродетели, но следует рассказывать о их деяниях без ненависти или любви (“Historici enim non est, vel in homines invehi, vel eorum

virtutes collaudare, sed restas gestas procul habito odio vel amore narrare”) [Наставления 1764: 46 (об)]. Следует стремиться к достоверности, избегать неопределённости, точно называть даты и имена. Самым необходимым качеством для историка провозглашается ясность (“*Perspicuitas virtus historico quam maxime est necessaria*”) [Наставления 1764: 46]. В этом отношении наиболее достойными подражания ритор считает Корнелия Непота и Юлия Цезаря.

Эпистолярный стиль, по мнению составителя риторики, должен быть аккуратнее повседневной речи, но свободнее ораторского и исторического стиля. В нём смешивается обыденное и приятное (“*ex tenui et venusto mixtus*”) [Наставления 1764: 46 (об)]. Ритор предписывает разнообразить стиль в зависимости от адресата писем: “*Ad superiores enim, in primis ad optimatos, scribimus modeste ac demisse; ad inferiores graviter et concise; ad aequales ac familiares familiariter ac festive; ad ignotos circumspecte; ad occupatos breviter; ad doctos docte; ad senes graviter ac verecunde; ad juvenes jucunde ac floride; ad omnes venuste, breviter, perspicue*” («вышестоящим, прежде всего, знатным лицам, мы пишем скромно и смиренно; нижестоящим – строго и кратко; равным и родным – фамильярно и весело; незнакомым – осмотрительно; занятым – кратко; учёным – по-учёному; старикам – строго и почтительно; молодым – радостно и цветисто; всем – приятно, кратко, ясно») [Наставления 1764: 46 (об)].

Ораторский стиль должен отличаться риторической изощрённостью, ему даётся следующая характеристика: “*Stilus oratorius est ornatus et copiosus, qui magnificentiam, gravitatem, et quandam quasi majestatem prae se ferre debet*” («Ораторский стиль – украшенный и обильный, он должен заключать в себе великолепие, важность и некоторое величие») [Наставления 1764: 46 (об)]. Главными особенностями ораторского стиля автор руководства считает серьёзность чувств, пространные периоды и изысканную речь, отмеченную умеренным светом тропов и фигур (“*sensus requirit graves amplioemque periodorum ambitum; nec non dictionem lectissimam temperato troporum ac schematum lumine distinctam*”) [Наставления 1764: 47].

Поэтический стиль представляется наиболее далёким от обыденной речи, он «позволяет себе большую свободу в словах, эпитетах, выражениях, конструкциях, фигурах и образах» (“*magnamque sibi in verbis, epithetisque, phrasibus, constructionibus, figuris et fictionibus licentiam indulget*”) [Наставления 1764: 47].

Диалогический стиль рассматривается в риторике как сниженный (*tenuis*), он подражает обычным разговорам друзей (“*familiares amicorum sermones imitatur*”) [Наставления 1764: 47], но, если трактует серьёзные вопросы, приближается к философскому. Примеры низкого и высокого диалогического стиля ритор находит среди сочинений Цицерона.

В риторическом руководстве, составленном в Нижегородской семинарии, мы обнаруживаем более краткую адаптацию этого же учения о стиле. В нижегородской риторике также рассматриваются шесть разновидностей стиля – философский, исторический, эпистолярный, ораторский, поэтический, диалогический. Характеристика стилей в обоих риториках совпадает почти дословно, однако ритор добавляет и собственные наблюдения. Так, рассуждая о философском стиле, он замечает: “*Non solum autem verba elegantiora atque acumina non negligunt philosophi, si se sponte offerant; sed ne jocos quidem ac facetias liberales adspernantur, adhibendus tamen et hic modus videndumque quid deceat. Imprimis abstinendum est ab ejusmodi salibus in rebus gravibus, quales sunt sacrae et theologiae*” («Не только изящными словами и остротами не пренебрегают философы, если они возникают произвольно; не отвергаются также и шутки и вольные насмешки, но здесь нужно соблюдать меру и смотреть, что подобает. Прежде всего следует воздержаться от этого рода шуток в серьёзных вещах, а именно священных и богословских») [Rhetorica 1766: 48].

Как и в вологодской риторике, подчёркивается зависимость эпистолярного стиля от адресата, но предписание сформулировано иначе: “*neque tamen uno eodemque filo contexendae omnes epistolae. Jocosce enim et familiares quotidianis conscribuntur verbis. Hortatoriae, expostulatoriae et huius generis aliae concitatum:*

commendatitiae et petitoriae mediocrem. Civiles denique aut ad viros magnos exaratae gravem stilum exigunt” («не из одной и той же нити должны быть сотканы все письма. Шутливые и письма к близким пишутся повседневными словами, побуждающие, требовательные и тому подобные – эмоциональным слогом, рекомендации и прошения – средним. Наконец, служебные и обращенные к высокопоставленным лицам требуют строгого стиля») [Rhetorica 1766: 48 (об)].

Повторяя определение ораторского стиля, нижегородский ритор считает нужным заметить, что этот стиль не всегда должен быть богат украшениями: “si tamen politicae sunt orationes, brevitatem magis et gravitatem et acumen amat” («Если речи политические, он больше любит краткость, серьезность и остроту») [Rhetorica 1766: 48 (об)]. Интересно замечание по поводу диалогического стиля. Ритор подчёркивает, что для этого стиля очень важно остроумие, обилие шуток: “Quare hoc dicendi jocosum et urbanum genus dici non potest quanta voluptate legentes aequi ac audientes adficiat. Unde et veteribus ejusmodi facetiae, sales dicuntur eo, quod non minus sermonem, quam sal cibos condiunt” («Невозможно выразить словами, сколько удовольствия доставляет этот шутливый и остроумный вид речи как говорящим, так и слушающим. Потому у древних остроты назывались солью (sales), что они не меньше приправляют речь, чем соль – кушанья») [Rhetorica 1766: 48 (об)].

В отличие от вологодской риторики, в нижегородском руководстве стиль рассматривается также в отношении места, в котором произносится речь (respectu loci), и в отношении способа произнесения (respectu modi). В отношении места различается стиль гомилетический (homileticus), подходящий для духовных проповедей, который «тем плодотворнее, чем яснее» («eo fructuosior, quo planior»), судебный (forensis), куриальный (curiae), который «применяется в делах и церемониях курии (правительства) и определяется в письменных указах и прошениях» (“in curiae negotiis ceremoniisque adhibetur ex edictis rescriptis et supplicibus libellis cognoscendus”), и, наконец, театральный (theatralis), который может быть комическим и трагическим [Rhetorica 1766: 49]. В отношении способа

произнесения стиль делится на декламационный (*recitativus*) и относительный (*relativus*), в зависимости от того, прямая или косвенная речь используется.

Рязанская [*Praecepta oratoria* 1759] и коломенская [*Praecepta* 1761] риторики, также восходящие к трактату Гейнекция и к лекционному курсу Феофана Прокоповича, отличаются наименьшей степенью оригинальности в трактовке учения о стиле и практически ни в чём не отступают от текста источников.

Несколько по-иному рассматривается теория стиля в смоленской риторике М. Базилевича, написанной с опорой на польские риторические источники. Автор трактует стиль как понятие, тождественное термину “*elocutio*”: “*Dicitur elocutio ab aliis character vel stylus dicendi*” («иные называют словесное выражение характером или стилем речи») [*Basilevicz* 1756: 105 (об)] и различает высокий (*sublimem, elevatum, vehementem, copiosum, grandem, uberrimum*), умеренный (*temperatum, medium, floridum*) и низкий (*humilem, infimum, historicum*) стили.

Высокий стиль ритор считает подходящим для воспевания исключительных и прославленных предметов (“*in rebus eximiis et celeberrimis decantandis*”), его можно обнаружить в панегириках, элогиях, а также у серьёзных историков (“*in gravioribus historicis*”). Стиль «примечателен невульгарными словами, тропами и фигурами, изысканными выражениями, парадоксами, остротами и всем величием красноречия» (“*verbis non vulgaribus, tropis et figuris, elegantioribus sententiis, paradoxis, acuminibus et omni eloquentiae majestate conspicuus apparet*”) [*Basilevicz* 1756: 105 (об)]. Высокий стиль М. Базилевич делит на аллегорический (*allegoricum*), учёный (*eruditum*) и великолепный (*admirabilem*). Аллегорический стиль “*sensum simplicem sub aliqua similitudine metaphoricè tractata proponit*” («простой смысл выражает метафорически, с помощью какого-либо уподобления»). Учёный стиль подразумевает речь, насыщенную разными любопытными сведениями, поучительными историями, апофтегмами, сентенциями, т. е., тем, что объединяется понятием *eruditiones*. Великолепный стиль определяется как “*cultura sermonis illa, quae audienti admirationem parit, seu*

ad cuius singula membra et periodos stupet auditor, et velut prodigiosos partus ingenii miratur” («такая отделка речи, которая рождает в слушателе восхищение, когда отдельным частям и периодам речи изумляется слушатель и восхищается ими, словно необыкновенными порождениями ума») [Basilevicz 1756: 106 (об)]. Базилевич называет четыре источника великолепного стиля – парадоксы, остроумные противопоставления, замысловатые гиперболы и фигуры, особенно более оживлённые (*vivatiores*), такие, как этопея, просопопея, вопрос [Basilevicz 1756: 107].

Умеренный стиль, занимающий среднее место между высоким и низким, допускает умеренное использование украшений: «содержит тропы, фигуры, сравнения, сентенции, но пользуется всем этим экономно и умеренно» (“constat etiam tropis, figuris, similitudinibus, sententiis, sed omnibus parce et mediocriter”) [Basilevicz 1756: 105 (об)]. Такой стиль ритор рекомендует для составления речей поздравительных, приветственных, прощальных, адресованных персонам, занимающим среднее положение, а также для описания различных вещей и амплификаций на разные темы.

Низкий стиль, наиболее близкий к обыденной речи, считается пригодным для сочинения дружеских писем, а также диссертаций и наставлений (“in epistolis familiaribus, dissertationibus et praecceptis tradendis”) [Basilevicz 1756: 106]. Таким образом, к низкому регистру ритор относит научные и, в частности, исторические сочинения, ощущая необходимость противопоставить их в стилистическом отношении ораторской и художественной прозе.

Кроме деления стилей на высокий, умеренный и низкий, М. Базилевич предлагает выделять Цицеронианский и лаконичный стили. Цицеронианский стиль понимается как “*stylus amplus seu fluidus qui constat periodis prolixis, pneumatibus, circumscriptionibus, argutias licet et acumina non excludit adhibetque figuras vehementiores et frequentes affectus, nectit vero commata particulis correlativis, et quod paucis verbis complecti potest, pluribus dilatat*” («стиль пространный или велеречивый, состоящий из развёрнутых периодов, пнеум, описаний, он не

исключает тонкостей и острот, применяет яркие фигуры и частые аффекты, соединяет фразы соотносительными частицами и то, что можно охватить несколькими словами, распространяет в многих») [Basilevicz 1756: 106]. Лаконичный стиль, по определению М. Базилевича, “constat periodis crebrioribus, membris curtis, sed cultis, argutiis, conceptibus, sententiis, et licet pauca verba, multum tamen in se includit virtutis” («состоит из более дробных периодов, фраз коротких, но изящных, острот, идей, сентенций, и в немногих словах вмещает много достоинств») [Basilevicz 1756: 106].

Таким образом, несмотря на значительную несамостоятельность и зависимость от авторитетных источников, авторы рукописных латинских риторических курсов в России XVIII века пытались по-своему изложить теорию о стилях, снабдив её методическими советами и примерами. Однако в отличие от многих других разделов руководств, в которых ярко выражена практическая направленность, учение о стилях в рукописных риториках рассматривается, главным образом, в теоретическом аспекте, с опорой на примеры из античных авторов.

Важную часть раздела риторики, посвящённого словесному выражению, с античных времён составляло учение о тропах и фигурах. Оно оформилось ещё в «Риторике» Аристотеля и было существенно дополнено в риторических трудах эллинистических и римских авторов. Как в античности, так и в последующие века не существовало единой, всеми признанной классификации тропов и фигур.

Так, давая определение тропу, Квинтилиан писал: “Tropos est verbi et sermonis a propria significatione in aliam cum virtute mutatio. Circa quem inexplicabilis et grammaticis inter ipsos et philosophis pugna est quae sint genera, quae species, qui numerus, quis cuique subiciatur” (VIII, 6, 1) («Троп есть изменение собственного значения слова или словесного оборота в другое, при котором получается обогащение значения. Как среди грамматиков, так и среди философов ведётся неразрешимый спор о родах, видах, числе тропов и их систематизации») [Античные теории языка и стиля...1996: 228]).

В российских рукописных риториках XVIII века античные теоретические принципы несколько адаптированы, упрощены, а также проиллюстрированы многочисленными примерами из христианских текстов. Количество тропов редуцировано, их выбор (в основном, совпадающий в различных рукописях) обусловлен сложившейся к этому времени традицией преподавания риторики. При очевидной традиционности трактовок, восходящих к античной риторике, осмысление отдельных понятий в разных руководствах имеет свои особенности.

Автор нижегородского руководства приводит общеизвестное этимологическое толкование слова «троп», отмечая, что оно происходит от греческого глагола со значением «поворачиваю» или «изменяю» и, следовательно, означает «поворот» или «изменение». Затем ритор предлагает своё пояснение термина: “*Quod ad rem autem tropus est elocutio, qua propria vocabuli significatio in alienam convertitur vel transfertur. Troporum causa fuit partim necessitas, quia non habemus tot verba, quod res sunt: partim emphasis, et ornatus seu venustas*” («На самом же деле троп есть выражение, в котором собственное значение слова превращается или преобразуется в другое. Причиной появления тропов была отчасти необходимость, ведь мы не имеем столько слов, сколько вещей, отчасти выразительность и красота или изящество») [Rhetorica 1766: 12 (об)].

Стиль и форма этого определения типичны для латинских риторик данного времени. Как правило, важные теоретические понятия интерпретируются именно в такой последовательности: этимологическая справка, прямое значение слова, терминологическое значение, пояснение или пример.

Объясняя причины появления тропов, автор российской риторики конспективно воспроизводит мысль Цицерона из трактата «Об ораторе» (III, 155): “*Nam ut vestis frigoris depellendi causa reperta primo, post adhiberi coepta est ad ornatum etiam corporis et dignitatem, sic verbi translatio instituta est inopiae causa, frequentata delectationis*” («Подобно тому, как одежда, вначале изобретённая для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и как средство

украшения и как знак отличия, так и переносные выражения, появившись из-за недостатка слов, распространились уже ради услаждения») [Цицерон 1972: 235-236]. Отсутствие ссылки на Цицерона подчёркивает общеупотребительность тезиса. Отметим почти полное совпадение данного положения в другом рукописном руководстве – вологодской риторике: “Causa huius immutationis est vel necessitas, quia non habemus tot verba, quot res, vel emphasis, vel ornatus” («Причиной переноса значения слова является либо необходимость, так как нет у нас столько слов, сколько вещей, либо выразительность, либо украшение») [Наставления 1764: 27 (об)].

Не вызывает сомнений, что для авторов риторик требование ясности является важнейшим. Соблюдая это требование, нижегородский автор нередко впадает в семантическую избыточность, одним из проявлений которой является унаследованная автором от латинской словесности любовь к употреблению парных синонимов, максимально близких по смыслу («превращается или преобразуется», «красота или изящество»). Использование этого приёма характерно, в частности, для стиля Цицерона, который у всех латинистов считался безупречным мастером стиля и образцом для подражания. Употребление парных синонимов в латинских текстах Нового времени имеет ещё и практический смысл, облегчая понимание многозначных слов, подчёркивая нужное в конкретном случае значение.

Автор выделяет четыре основных тропа – метафору, метонимию, синекдоху и иронию, остальные же рассматривает как их варианты. Например, к метафоре относит аллегория, понимаемую как разновидность сложной метафоры, и катахрезу, или неправильную метафору. Катахреза, по мнению ратора, отличается от метафоры тем, что метафора берётся из ближайшего сходства, катахреза – из отдалённого, а потому употреблять её следует не иначе, как ссылаясь на авторитет древних. Любопытно, что к катахрезе, то есть неправильно употреблённой метафоре, автор относит даже такие стёртые метафоры, как

«корешок книги», «ножка стола», предостерегая учеников от самостоятельного создания подобных, слишком ярких и дерзких, образов.

Что же, в таком случае, можно считать допустимыми метафорами? По мнению автора риторики, самые выдающиеся метафоры производятся:

- 1 От вещей божественных и небесных: например, “*vir divinus, ingenium divinum, puritas angelica*” («богоподобный муж, божественный дар, ангельская чистота»).
- 2 От искусств, ремёсел: например, “*limare orationem, acuerere ingenium, dissuere amicitiam*” («полировать речь, заострять ум, разрывать дружбу»).
- 3 От чувств: например, “*orationis lumen ac dulcedo, sermo mollis, asper, durus*” («сияние или сладость речи, речь мягкая, горькая, твёрдая»).
- 4 От металлов: например, “*aetas aurea, saeculum ferreum*” («золотой век, железный век»).
- 5 От стихий: например, “*exardescere ira, incendi cupiditate spirare minas, flumen eloquentiae, obrui seu sepeliri vino*” («вспыхивать гневом, загораться желанием, веять угрозой, поток красноречия, тонуть в вине, заливаться вином»).
- 6 От животных: например, “*pestis serpit, stomachus latrat*” («гибель подкрадывается, желудок урчит») и т.д. [Rhetorica 1766: 12 (об)].

Метафора, как подчёркивает ритор, должна быть ярче обозначаемого предмета, но сдержанна, ведь возвышенным и серьёзным предметам не уподобляются вещи ничтожные и незаметные. И, наоборот, вещам ничтожным не уподобляются серьёзные. Сказанное подкрепляется примерами на русском языке: «*Небо плюёт* худо сказать вместо *дождь иде*, или *блистающая солома, громогласный комар* etc.» [Rhetorica 1766: 13]. Следует отметить, что переход на русский (или польский) язык в латинских риторических руководствах

эпизодически встречается, но каждый такой случай серьёзно мотивирован. В данном случае русские примеры наглядно обнаруживают стилистическую неуместность неудачных метафор, очевидно, латинские примеры были бы не столь убедительны.

Автор вологодской риторики приводит почти те же семантические разновидности метафор (единственное отличие – не выделяются в особую группу метафоры, произведённые от металлов). Совпадают даже многие примеры, что подчёркивает ориентацию раторов на общие источники. В отличие от нижегородского руководства, здесь приводится ещё одна классификация метафор:

1. От одушевлённого – к одушевлённому, напр.: “*Bucephalus volat*” («Буцефал летит»).

2 От неодушевлённого – к неодушевлённому, напр.: “*immatura mors*” («недозревшая, т.е. безвременная, смерть»).

3 От одушевлённого – к неодушевлённому, напр.: “*prata rident*” («луга смеются»).

4 От неодушевлённого – к одушевлённому, напр.: “*suavis orator*” («сладостный оратор») [Наставления 1764: 28].

Автор вологодской риторики также приветствует в метафоре сдержанность, если же метафора грубовата или приближается к катахресе, предлагает смягчить её добавлением таких выражений, как “*quasi, ut, ita dicam*” («словно», «будто», «так сказать») [Наставления 1764: 28 (об)]. Этот совет можно найти и у Цицерона (*De oratore* III, 165): “*si vereare, ne paulo durior translatio esse videatur, mollienda est praeposito saepe verbo; ut si olim, M. Catone mortuo, "pupillum" senatum quis relictum diceret, paulo durius; sin, "ut ita dicam, pupillum," aliquanto mitius: etenim verecunda debet esse translatio, ut deducta esse in alienum locum, non inrupisse, atque ut precario, non vi, venisse videatur*” («Если есть опасение, что переносное выражение покажется слишком смелым, его следует смягчить – обычно простой оговоркой: так, если бы в старину кто-нибудь сказал по поводу смерти Катона, что сенат «осиротел», это было бы слишком смело; а

вот «можно сказать, осиротел» – это уже гораздо мягче. В самом деле, перенос не должен быть навязчивым, иначе покажется, что перенесённое слово не заняло, а захватило с силой чужое место») [Цицерон 1972: 238]. Таким образом, авторы риторик XVIII века, каждый по-своему, конспектируют Цицерона, выбирая из его сочинений наиболее важные мысли.

Следующим важнейшим тропом в классификации всех рассмотренных руководств является метонимия. В вологодской и нижегородской риториках этот троп трактуется примерно одинаково. Метонимия определяется как «переименование» в буквальном переводе с греческого и понимается как троп, в котором причина указывается вместо результата, субъект вместо его свойства, предшествующее вместо последующего и наоборот [Rhetorica 1766: 13 (об)]. Таким образом, рассматриваются следующие категории метонимии: причина вместо результата, результат вместо причины, субъект вместо свойства, свойство вместо субъекта, предшествующее вместо последующего, последующее вместо предшествующего). Автор вологодской риторики обнаруживает более серьёзный подход к выбору примеров, черпая их из сочинений Цицерона, Вергилия и христианских авторов. Не случайно в названии его руководства подчёркивается, что оно составлено на примерах из латинских авторов. Отметим, что преобладают всё же цитаты из христианских текстов на латинском языке. Нижегородский автор приводит только одну цитату из «Энеиды» Вергилия, в остальных случаях ограничиваясь простейшими языковыми примерами: например, “ferrum“ pro “gladio“, “aes“ pro “aeneis nummis“ («железо» вместо «меч», «медь» вместо «медные монеты»).

Синекдоха этимологически, в буквальном переводе с греческого, толкуется как *comprehensio* («понимание») и определяется как троп, в котором одно понимается через другое, например, род вместо вида, целое вместо части, единственное число вместо множественного или наоборот.

Сюда же оба автора риторик относят случаи, когда большее число употребляется вместо меньшего, либо определённое вместо неопределённого.

Например, «я тысячу раз видел», «сто раз слышал», вместо «много раз»; «триста» или «шестьсот несчастий» вместо «много». Сомнительность данной классификации объясняется отказом от выделения гиперболы в самостоятельный вид тропов. Автор нижегородской риторики называет гиперболу разновидностью иронии и даёт ей такое определение: “Hyperbole est excessus verborum circa rem fidem vel augendo vel minuendo superans. Vg. Nive candidior, talpa caecior” («Гипербола есть словесное преувеличение по отношению к вещи, превосходящее правду либо в сторону увеличения, либо в сторону уменьшения. Напр.: белее снега; более слепой, чем крот») [Rhetorica 1766: 14 (об)]. Как видим, случаи количественного преувеличения трактуются как синекдоха.

Как частный случай метафоры, метонимии, синекдохи или как их сочетание в нижегородской риторике рассматривается металепис, понимаемый как “tropus multiplex in una voce qui magis poetae quam oratori conveniens est” («многообразный троп с одним названием, который более подходит поэту, чем оратору») [Rhetorica 1766: 14 (об)]. В качестве примера приводится строка из «Метаморфоз» Овидия, посвящённая Орфею (Ovid. Metam. 11, 1): “Sylvas carmine traxisse dicitur” («Говорят, он песней увлекал леса»). Здесь «леса» интерпретируются как «дикие звери», а «дикие звери» – как «люди дикого нрава». К тому же автор находит здесь совмещение метонимии и метафоры. Автор вологодской риторики упоминает металепис наряду с перифразой и оноματοпеей в числе тропов, которые известны, но «для нас непригодны» [Наставления 1764: 32 (об)].

Ирония (в буквальном переводе с греческого, *dissimulatio in oratione* «притворная речь») толкуется как троп, в котором под тем, что говорится, понимается противоположное.

Я. Н. Любарский отмечает «необыкновенную широту» семантического поля εἴρων / εἴρωνεία как в античности, так и в византийский период [Любарский 2012б: 461]. Если для Аристотеля εἴρωνεία означала притворство в сторону преуменьшения, а притворство в сторону преувеличения определялось словом

ἀλαζονεία (Eth. Nic. 1108A 20), то в позднейшей риторике понятие иронии включало в себя оба этих значения с различными семантическими оттенками.

В определениях иронии, приводимых составителями риторик XVIII века, так или иначе подчёркивается несоответствие выражения и содержания. Автор нижегородского руководства определяет иронию как притворство в речах (“*dissimulatio in oratione*”), когда сказанное следует понимать в противоположном значении: “*tropus, quod per id, quod dicitur contrarium intellegitur*” [Rhetorica 1766: 14 (об)]. Развёрнутое определение иронии приводит автор московского руководства 1743–1744 г.: “*Ironia quo ad vocem significat illusionem quo ad rem est oratio pronuntiationis gravitate negligens sensum verborum vel est oratio non solum aliud verbis et aliud sensu ostendens sed etiam contrarium significans*” («Ирония буквально означает насмешку, а на деле это речь, произносимая серьёзно, но отступающая от смысла слов, или речь, не только передающая словами одно, а по сути выражающая другое, но даже означающая противоположное (сказанному)») [Eloquentia 1743–1744: 17 (об)]. В этом определении важно указание на значимость интонации для выражения иронии.

В вопросе о месте иронии в классификации тропов в классической риторике не было единства мнений. Так, многие авторы рассматривали иронию как разновидность (*species*) аллегории (например, Квинтилиан (Inst. Orat. VIII, vi, 54), Элий Донат в сочинении “*De tropis*” (17a)). Сходство аллегории и иронии отмечает и составитель рукописной риторики из Вологды [Наставления 1764: 31 (об)], однако считает аллгорию состоянием метафоры [Наставления 1764: 31], а иронию относит к самостоятельным тропам.

Ирония в широком смысле слова понималась как наличие в высказывании имплицитного смысла, весь текст или его фрагмент мог быть окрашен иронией. Такой вид иронии Квинтилиан относил к фигурам, а не к тропам (Quint. Inst. Orat. IX, i, 7), и в качестве примера наиболее протяжённого проявления иронии привёл жизнь Сократа: “*etiam vita universa ironiam habere videatur, qualis est visa Socratis; nam ideo dictus εἴρων, agens imperitum et admiratorem aliorum tanquam sapientium*”

(«кажется, даже целая жизнь может содержать в себе иронию, каковой представляется жизнь Сократа; ведь потому его называли εἴρων (иронистом), что он играл роль несведущего почитателя других мудрецов») (Quint. Inst. Orat. IX, ii, 46). Так как, по словам Квинтилиана, всё искусство говорить остроумно заключается в том, чтобы в речи отступать от правильного и истинного: “Et hercule omnis salse dicendi ratio in eo est, ut aliter, quam est rectum verumque, dicatur” (Quint. Inst. orat. VI, iii, 89), ирония, по определению заключающаяся в придании иного смысла высказыванию, считалась одним из наиболее ярких проявлений остроумия в речи.

Ирония в широком смысле слова часто применялась византийскими авторами. Как показано в работах Я. Н. Любарского, византийские писатели под маской иронистов могли передавать своё скептическое отношение к описываемым событиям. Например, Никита Хониат создавал комический эффект с помощью библейских и гомеровских цитат в высоком стиле, которые контрастировали с реальным масштабом объекта иронии [Любарский 2012а: 453].

Авторы российских рукописных риторических руководств оставляют без внимания подобное широкое толкование иронии, предпочитая рассматривать её как троп с ограниченной областью употребления.

Составитель вологодской риторики, ссылаясь на Квинтилиана, подчеркивает сходство иронии и шутки и подчёркивает, что она чаще всего употребляется, «когда мы хотим уязвить противника либо отразить слишком глупые аргументы» («cum mordere volumus, vel nimis stupida adversarii argumenta confutamus») [Наставления 1764: 30 (об)]. Ритор выделяет несколько разновидностей иронии в градации от наиболее мягкой до наиболее острой – хариентизм, акцизм, сарказм, миктеризм. Данная классификация наиболее близка византийскому пониманию иронии, закреплённому в лексиконе Суды, в котором εἴρωνεία определяется как χλευή ἢ ὑπόκρισις (насмешка или притворство) и уточняется понятиями μικτηρισμόν, σαρκασμόν, ἀστεισμόν [Suidae lexicon 1928: Ei 210] [см. Любарский 2012б: 462]. Хариентизм, как полагает вологодский автор,

закключается в замене резких выражений мягкими ради шутки (“*dura mollioribus verbis per iocum notantur*”) [Наставления 1764: 31]. Акцизм, согласно вологодскому ритору, состоит в притворном отклонении наиболее желанного (“*recusans ea, vel dissimulans, quae maxime cupimus*”). Сарказм трактуется как оскорбление несчастных недругами (“*qua miseris inimici insultant*”), а о миктеризме говорится, что он больше проявляется в жестах, чем в словах («*fit gestu magis quam verbis*») [Наставления 1764: 31]. Заметим, что в риторике Феофана Прокоповича, послужившей одним из основных источников вологодского руководства, даются несколько иные, более конкретные толкования хариентизма и сарказма. Следует уточнить, что Феофан Прокопович как тропы, так и фигуры определял словами “*schemma*” или “*figura*”. Хариентизм определяется следующим образом: “*Charientismus est festivum schemma cum aliquem mordaciter quidem, sed quadam cum amoenitate perstringimus, et est haec figura ad deprimendos perditos homines et maxime superbos*” («Хариентизм есть красивая фигура, заключающаяся в том, чтобы ужалить кого-либо больно, но с некоторым изяществом, и служит она для порицания порочных людей, в особенности надменных») [Procopovič 1982: 263]. В переводе Г. А. Стратановского учтен несколько иной вариант этого фрагмента, указанный в издании Р. Лахманн как разночтение: “*ut scilicet soli illi in quem haec dicitur amarum sit, caeteris auditoribus iucundum et suave videatur: Et est haec figura aptissima ad deprimendos*”: «Хариентизм есть остроумная фигура, когда мы, хотя и колко, но всё же с некоторой приятностью кого-нибудь задеваем, так что она, разумеется, причиняет неприятность только тому, к кому относится, другим же слушателям, по-видимому, приятна и доставляет удовольствие. Эта фигура наиболее пригодна для того, чтобы смирать людей развращённых и особенно высокомерных» [Феофан 2020: 253]. Сарказм, согласно Прокоповичу, состоит в том, чтобы едкой шуткой клеймить нечто позорное и безобразное (“*aliquid faedum et deforme cum quodam acerbo ioco exprobramus*”) [Procopovič 1982: 277].

Примерами иронии в учебных риториках чаще всего служат высказывания Цицерона. Цицерон пользовался заслуженной репутацией ирониста (*ὁ εἴρων*), как со ссылкой на Квинтилиана и Макробия называли его ренессансные авторы [Кнох 1989: 34]. Так, в коломенской риторике в качестве примера иронии используется фраза Цицерона из первой Катилинарии: “*Nos autem, viri fortes, satis facere rei publicae videmur, si istius furorem ac tela vitemus*” (“Нам же, храбрым мужам, кажется, что мы достаточно сделаем для республики, если избежим стрел его ярости») (Cic. Cat. I). В нижегородском руководстве примером служит выражение Цицерона “*Praeclarum ovium custodem ut ajunt lupum*” («Волк, как говорят, замечательный овечий пастух!») (Cic. Phil. 3, 11, 27). Этот пример хрестоматиен. Он использован во многих западноевропейских риториках, например, в “*Rhetorica et dialectica*” А. Вессо, “*Palaestra oratoria*” Я. Мазена и др. [см. Костин, Лемешев 2017: 329]. М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» приводит этот пример в своём переводе: «О волк! овец изрядный пастырь!» [Ломоносов 1952: 55].

Вологодский ритор обращает внимание на функции иронии: “*Usus ironiae maximus est, ut in iocis et salibus, ita enim cum mordere volumus, vel nimis stupida adversarii argumenta confutamus*” («Ирония чаще всего используется, подобно шуткам и островам, когда мы хотим уязвить (кого-либо), или опровергаем слишком глупые аргументы противника [Наставления 1764: 30 (об)].

Мануил Базилевич, автор смоленской риторики 1756 г., называет несколько иные функции иронии: “*Ironia venustat orationem, recreat auditorem, valet ad contemptum rei alicuius exprimendum*” («Ирония украшает речь, освежает слушателя, нужна для выражения презрения к чему-либо») [Basilevicz 1756: 117]. Смоленский ритор приводит примеры использования тропов и фигур для амплификации и, в частности, показывает, как с помощью иронии можно амплифицировать тезис “*Honores mutant mores*”: “*Ita est, auditores; ita, credo, censetis; tam validi sunt humeri nostri, ut magnos honores ferre sine mentis aut more corruptione facile possumus*” («Так, слушатели; так, верю, вы думаете: так крепки

наши плечи, что мы легко можем вынести большие почести без порчи ума и нравов») [Basilevicz 1756: 36 (об)].

В ораторской практике XVIII века ирония употреблялась не очень широко. В наиболее распространённых в то время жанрах эпидейктического красноречия редко прибегали к ироничному тону. Как следует из предписаний риторических руководств, ирония считалась уместной в споре, служила для уязвления противника или выражения к нему презрения, то есть, в большей степени находила применение в практике академического красноречия, в учебных декламациях. Вместе с тем не вызывал сомнения статус иронии как одного из основных тропов.

В нижегородской риторике к разновидностям иронии отнесена гипербола, о чём уже шла речь выше. Ритор рассматривает гиперболу как вид иронии, хотя её суть состоит в преувеличении, а не в придании высказыванию противоположного смысла, что противоречит приведённому в этой риторике определению иронии. Гипербола, преувеличивающая или преуменьшающая реальность, в соответствии с трактовкой нижегородского руководства воспринимается как вариант «притворной речи». Кроме того, разновидностью иронии признаётся антифразис, т.е. обозначение вещей по противоположному свойству: “*Antiphrasis est rerum denominatio ex indole contraria. ut parcae nonnullis dicuntur, quasi minime parcentes*” («Антифразис есть обозначение предметов по противоположному свойству, например, Парками называют наиболее беспощадных») [Rhetorica 1766: 14 (об)] По-видимому, это хрестоматийный пример, он встречается, например, у Доната (17b): “*Parcae eo quod nulli parcant*” («Парки – потому что никого не щадят»). Этот же пример приводит составитель коломенской риторики [Praecepta de arte rhetorica... 1761: 115].

Важно отметить, что в античной риторике употребление гипербол воспринималось чаще всего как недостаток стиля. Аристотель призывал осторожно относиться к употреблению гипербол: «Гиперболы бывают наивны: они указывают на стремительность речи; поэтому их чаще всего употребляют под

влиянием гнева... Человеку пожилому не подобает употреблять их» [Античные теории языка и стиля 1998: 198]. Эллинистический филолог Деметрий утверждал, что «всякая гипербола указывает на то, чего не бывает в действительности» и потому «более всего способствует выпренности» [Деметрий 1978: 258]. Квинтилиан в восьмой книге «Воспитания оратора» поместил гиперболу в самом конце подробного рассказа о тропах, назвав её «дерзким тропом».

В античности гипербола, как правило, воспринималась как вид метафоры. В «Риторике» Аристотеля, в частности, говорится, что «удачные гиперболы» являются метафорами [Античные теории языка и стиля 1998: 198].

Современное понимание гиперболы чаще всего восходит к этой трактовке. Так, Г. Г. Хазагеров и И. Б. Лобанов называют гиперболу разновидностью метафоры [Хазагеров, Лобанов 2006: 229], то есть тропом, основанным на сходстве, однако отмечают, что её нередко относят к тропам, основанным на контрасте, таким, как ирония. Таким образом, делается вывод, что «гипербола не является тропом сходства в чистом виде, поскольку помимо сходства в ней также имеется опора на контраст» (Хазагеров, Лобанов 2006: 230).

Вологодский ритор трактует гиперболу не как разновидность (*species*) иронии, а как её состояние (*affectio*). Гипербола как состояние иронии в данной классификации имеет, в свою очередь, две разновидности: преувеличение и преуменьшение.

Всего автор вологодской риторики насчитывает четыре состояния тропов, относя к ним аллегорию, катахрезу, антономасию и гиперболу, если, по его словам, «не считать остальных». Автор подчёркивает, что этот список неполон и отражает его выбор: «Состояний тропов, если опустить другие, у нас четыре» (“*affectiones troporum, missis aliis, nobis sunt quattuor*”) [Наставления 1764: 31]. И далее: «Есть и другие состояния тропов, но для нас они не имеют значения» (“*ad nos nihil faciunt*”) [Наставления 1764: 32 (об)]. Критерии выделения именно этих тропов в особую группу *affectiones troporum* остаются неясными. Говоря, в частности, об аллегории как о развёрнутой метафоре, выражающей одно – по

смыслу, другое – на словах, а о катахрезе как о неудачной, грубой метафоре, автор риторики подчёркивает, что известному тропу придаются определённые дополнительные свойства. Аллегория, как поясняется далее, в свою очередь бывает трёх видов: пословица (*paroemia vel proverbium*), загадка (*aenigma*) и притча (*parabola*). Пословица определяется как высказывание, относящееся к смыслу жизни, при некоторой умеренной неясности заключающее в себе множество пользы и разумности (“*sermo ad vitae rationem conducibilis, moderata quadam obscuritate multam in sese continens utilitatem et intelligentiam*”) [Наставления 1764: 31]. Это определение является традиционным, со ссылкой на греческую риторику оно встречается у многих авторов. Загадка рассматривается в руководстве как тёмная аллегория (*obscura allegoria*), применять её в публичных выступлениях ритор не советует, чтобы не мучить слушателей (“*allegoriam aenigmaticam non habere locum in orationibus publicis, quia non oportet crucem figere auditoribus*”) [Наставления 1764: 31(об)]. Притча характеризуется как некий вымысел, имеющий целью исправление нравов (“*figmentum quoddam ad mores hominum instruendos excogitatum*”) [Наставления 1764: 31 (об)]. Конечно, трудно отнести пословицу или притчу к тропам, но если понимать их как развёрнутое состояние метафоры, данная классификация становится более аргументированной и приемлемой.

Любопытно, что, рассуждая о загадке как о тёмной, с трудом понимаемой аллегории, вологодский ритор не рекомендует использовать её в публичных речах, так как «не следует обрекать на муки (буквально: распинать на кресте) слушателей» (“*non oportet crucem figerem auditoribus*”) [Наставления 1764: 31 (об)].

Критерий ясности являлся важнейшим в оценке речи ещё со времён Аристотеля. Безусловно, он не потерял своего значения и для риторической практики в русских духовных семинариях. Стремясь к наибольшей ясности, составители риторик нередко пытаются преодолеть неопределённость дефиниций, добавляя необходимые для лучшего понимания разъяснения и комментарии. Так,

вологодский ритор обнаруживает сходство определений иронии и аллегории: “*uti ironiam, ita allegoriam aliud sensu, aliud verbis ostendere*” («Как и ирония, аллегория одно означает по смыслу, другое выражает словами») [Наставления 1764: 31 (об)]. Наивность этого утверждения, которое могло бы быть отнесено к любому тропу, можно объяснить лишь желанием учителя риторики продемонстрировать приём сравнения (синкрисиса) двух терминов. Чтобы чётче разграничить эти понятия, он подчёркивает имеющиеся между ними различия: “*ironia per id, quod dicitur, contrarium intelligitur, in allegoria aliud. Deinde allegoria semper adumbratur aliqua similitudine. Quam tamen ironia nulla umbra fieri solet similitudini*” («Ирония под тем, что говорится, подразумевает противоположное, аллегория – другое. Наконец, аллегория всегда оттеняется каким-либо сходством. В иронии же не бывает ни тени сходства») [Наставления 1764: 31 (об)]. Собственно говоря, такой синкрисис, выявляющий сходства и различия между двумя разными предметами, можно было бы применить и к другим тропам.

Большинство составителей руководств уделяют особое внимание трактовке такого тропа, как аллегория. Этимологическое толкование понятия аллегии отражает представление о выражении в переносном значении, что может быть отнесено к любому тропу: “*allegoria... est aliter interpretari, quam verba sonent*” [Наставления 1764: 31], “*aliud sensu, et aliud verbis ostendens*” [Наставления 1764: 31]. Греческий термин «аллегория» в римской риторике впервые был упомянут в трактате Цицерона «Оратор». Его толкование включало понятие *trahatio* (перенос, метафора) и указывало на особое употребление метафоры: “*...fluxerunt continuae plures trahationes*” («поток развёрнутых многочисленных метафор») (Cic., Or. XXVII, 94). Это упоминание является единственным у Цицерона, но в более поздней риторике термин *allegoria* получает широкое распространение и понимается как *metaphora continuata*. Используются и латинские названия тропа – *inversio, diversiloquium*.

Интерес составителей риторик XVIII века к аллегории обусловлен её частым использованием в торжественных речах, наиболее важном для того

времени виде ораторского красноречия. Не случайно стиль, подобающий для торжественных речей, некоторые авторы называют аллегорическим.

В риторике Феофана Прокоповича утверждается, что аллегория придаёт речи величайшую прелесть, но иногда вырождается в наихудший порок (“*allegoria etiam, quae alloquin ingentem speciem affert orationi, in pessimum nonnunquam vitium degenerat*”) [Procopovič 1982: 36]. Указаны ошибки в применении аллегории: 1) грубыми (*ducae*) Феофан Прокопович называет переносы, основанные на слишком отдалённом сходстве или сближающие несоразмерные явления (“*vel a maiori vel a minori, quam res postulat, translatae, vel a longa similitudine ductae*” [Procopovič 1982: 36]. Примеры таких неудачных уподоблений из Эннодия, латинского поэта V–VI вв. н. э., ритор заимствует из трактата Николя Коссена: “*vincula clementiae, rabulum occasionis, evisceratas mentes et alias huiusmodi nugas apud Ennodium notat et reprehendit Causinus*” («оковы кротости, пищу случая, выпотрошенный ум и другую подобную чепуху отметил и осудил у Эннодия Коссен») [Procopovič 1982: 36]; 2) вторая ошибка – слишком частое употребление метафор и аллегорий. Речь не должна быть перегружена этими приёмами, а только украшена, как цветами или драгоценными камнями (“*ut sit ornata oratio, debet seu flosculis seu gemmis suis distingui non tota obrui*”) [Procopovič 1982: 36]; 3) наконец, применять аллегорию следует лишь тогда, когда она необходима, в повседневной речи она неуместна. По утверждению ритора, “*sunt enim non pauci hoc morbo decumbentes, ita, ut si illis in itinere stipem colligere aut viam interrogare contingat, allegoria utantur*” («немало есть таких, кто поражён этим недугом, кто, если случится собирать подаяние в пути или спрашивать дорогу, прибегает к аллегории») [Procopovič 1982: 36].

Отражение взглядов Феофана Прокоповича на аллегорию обнаруживается во многих рукописных латинских руководствах, но были и другие влияния. Так, риторика 1744–1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии опирается на традиции европейского барочного красноречия. Аллегория автор руководства считает одним из важнейших риторических приёмов. Показательно, что источником сведений об аллегории, приведённых в руководстве, московский

ритор называет Киприано де Соареса, хотя в учебнике Соареса трактовка аллегории ни в чём не отступает от традиций античной риторики и почти дословно повторяет определение Квинтилиана: “Allegoria, Latine inversio, aliud verbis, aliud sensu ostendit” [Soarius 1686: 64]; “Allegoria, quam inversionem interpretantur, aut aliud verbis, aliud sensu ostendit, aut etiam iterim contrarium” (Quint. VIII. 6, 44).

Аллегория рассматривается составителем московской риторики не только как средство украшения речи, но и как вид тезиса. Хотя аллегорический тезис, по утверждению ритора, многими не одобряется (“improbant plurimi allegoriam seu metaphoricam propositionem”), он представляется достойным серьёзного внимания и рассматривается в первую очередь как “primus modus innovandi propositionem” [Emporium1744–1745: 8 (об)].

Аллегорический тезис представляет собой уподобление, проведённое через всю речь. Ритор приводит возражения и опасения скептиков, сомневающих в целесообразности выбора этого вида тезиса. Он якобы производит на слушателей впечатление скорее изобретательного, чем серьёзного высказывания (“non magnam apud auditores ingerat opinionem ut ingeniosa magis quam gravis”) [Emporium1744–1745: 8 (об)]. Кроме того, достоин одобрения не всякий аллегорический тезис, но лишь тот, что заключает в себе нечто достойное удивления, поэтому не сведущим в риторической науке лучше от аллегории воздерживаться (“ignari huius doctrinae immerito reprehendum, non enim omnem approbamus allegoricam propositionem rhetori utilem sed illam dumtaxat quae admirabilitatem aliquod in se continent”) [Emporium1744–1745: 8 (об)].

По утверждению ритора, мнение Зоилов, отвергающих использование этого приёма, может быть оспорено привычным применением аллегории в речах сильнейших ораторов (“arguit deinde illos Zoillos usitatissimus hic gravibus oratoribus quotidianus autem sacris praeconibus usus”) [Emporium1744–1745: 8 (об)]. Примерами служат речи европейских риторов Нового времени. Среди них – Дрексерий, названный самым процветающим (или цветистым) оратором своего

века (“*sui aevi florentissimus orator*”) [Emporium1744–1745: 8 (об)], Иоанн Квяткевич, представивший воскресение Христа посредством аллегии солнца, восходящего после ночи погребального мрака, и не названный по имени «современный оратор», прибегнувший в изображении страстей Христовых к аллегии пчелы.

Ритор советует применять аллегию осторожно и формулирует несколько правил. Во-первых, он призывает смягчать аллегию с помощью слов в прямом значении (“*allegoriam in propositione mitigandam esse verbis propriis*”), так, к примеру, говоря о храбрости (*fortitudo*), нельзя просто уподобить её молнии (*fulmen*), а следует назвать её молнией для врагов (*fulmen hostium*) [Emporium1744–1745: 10]. Не подобает проводить аналогию с предметами низкими, незначительными и слишком далёкими по смыслу, нужно следить за тем, чтобы предмет, привлекаемый для аллегии, обладал какими-либо свойствами предмета, представляющего тезис. Хорошо черпать аллегии из древней истории. В качестве примера уместного применения аллегии упомянут панегирик польскому королю Владиславу.

В академическом красноречии составитель руководства также считает возможным использовать аллегию, проходящую по всей речи. Особенно она уместна в жанре вступления (*praefatio*) к лекции или публичному обсуждению какого-либо философского вопроса. Основной задачей такого вступления ритор считает похвалу и напоминает, что похвала не должна быть голой, пустой (“*laudem hanc non nude tractandam esse*”) [Emporium1744–1745: 131].

Автор риторики 1743–1744 гг. из Славяно-греко-латинской академии предостерегает от использования разных образов в аллегии, считая, что это разрушает её: “*Nota vitium esse allegoriae si ejus translatio aut similitudo variatur ut si aliquis initium allegoriae desumat ab aqua, finem vero ab igne formet; debet enim eo translationis genere finiri allegoria a quo inchoata est*” («Заметь: недостаток аллегии – в изменении переноса или сравнения, например, если кто-либо начало аллегии произведёт от воды, а конец образует от огня; ведь аллегия

должна заканчиваться тем видом (семантического) переноса, с которого она начиналась») [Eloquentia 1743–1744: 17 (об)].

В нижегородской риторике аллегория также рассматривается не как самостоятельный троп, а как развёрнутая метафора. Ритор указывает, что аллегория может быть чистой (*pura*), т. е. состоящей только из слов в переносном значении, или смешанной (*mixta*), т. е. содержащей также слова в прямом значении, как в примере “*flos juventutis cito marcescit*” («цвет юности быстро увядает») [Rhetorica 1766: 13].

Таким образом, составители различных риторических руководств, применявшихся в учебной практике в России XVIII века, отводят аллегории важнейшее место среди риторических приёмов, уместных в торжественном красноречии. Теоретическое осмысление аллегии восходит к античной и европейской новолатинской риторике. Аллегория трактуется как сложный приём, требующий особого внимания и мастерства.

К состояниям тропов наряду с аллегорией относили также антономасию. Автор вологодской риторики определяет её как “*translatio nominis extranei ad rem, quae minus commode suo nomine exprimi potest*” («перенос чужого имени на предмет, который менее удобно назвать собственным именем») [Наставления 1764: 32]. Выделены четыре вида антономасии:

- 1 «Имя собственное вместо нарицательного: *Croesus pro divite, Irus pro paupere, Nero pro crudeli* (Крёз вместо богача, Ир вместо бедняка, Нерон вместо жестокого человека).
- 2 Имя нарицательное вместо собственного: *propheta pro Esaia, apostolus pro Paulo, orator pro Cicerone* (пророк вместо Исаяи, апостол вместо Павла, оратор вместо Цицерона).

- 3 Патроним вместо самого имени: *Saturnius pro Jove, Priamides pro Hector, Pellides pro Ulisse*⁴ (Сатурний вместо Юпитера, Приамид вместо Гектора, Пелид вместо Улисса).
- 4 Родовое имя вместо самого имени или вместо кого-либо с подобным нравом. Напр.: *Arpinas pro Cicerone, Cretensis pro mendace* (житель Арпина вместо Цицерона, критянин вместо лжеца)» [Наставления 1764: 32].

Автор не уточняет, состоянием какого именно тропа он считает антономасию. Его затруднения, очевидно, вызваны тем, что он рассматривает метонимию и синекдоху как два самостоятельных тропа, а антономасия близка и к тому и к другому.

Завершая разговор о тропах, автор вологодской риторики формулирует три правила, регулирующие их применение: 1) “*Omnis tropus non debet esse nimis frequens, sed verecundus; ut deductus esse in alienum locum, non irruisse; ut praecario, non invenisse videatur*” («*Всякий троп должен быть не слишком употребительным, но сдержанным; при переносе в другое место не должен разрушаться, казаться не насильно поставленным, а произвольным*»). 2) “*Ne profani videamur, dum promiscue tropos consecramur. Frigidissimum enim est ubique inculcare Jovem, Mercurium, Pallada et huius generis alia. Ab his enim merito abstineat Christianus orator; nisi constanti usu, veluti in una appellativa transierit. Sic nemo nisi nimium superstitiosus damnabit phrases: suo Marte aliquid facere... et similes. Verum nemo sanus unquam probavit illas gentilium jurandi formulas: me Castor, me Hercle... etc. a quibus non abstinerunt Manucius Vembus aliique viri ceteroquin doctissimi*” («*Чтобы не казаться профанами, не следует без разбору употреблять тропы. Ужасно ведь всюду вплетать Юпитера, Меркурия, Палладу и т.п. По праву должен воздерживаться христианский оратор от их постоянного употребления, словно они стали уже именами нарицательными. Никто, кроме слишком суеверных, не осудит фразы: делать что-либо своим Марсом (т.е. своими силами) и т.п. Но ни*

---

⁴ Должно быть, случайная ошибка. Автор имел в виду сына Пелея Ахилла.

один здравомыслящий человек не одобрит эти клятвенные формулы: клянусь Кастором, Гераклом и т.д., от которых не удержались Мануций Бемб и другие учёнейшие мужи»). 3) “*Ne fiamus obscuri. Id vero iis maxime contingit, qui poetas sequuti longius vero a vulgari significatione deflectunt*” («Не будем непонятными. Это больше всего касается тех, кто, подражая поэтам, далеко отклоняется от обычного значения») [Наставления 1764: 32 (об)-33].

Эти правила сводятся к требованиям уместности, умеренности и ясности. Так как советы адресованы будущим христианским ораторам, ритор предостерегает своих учеников от бездумного употребления языческих клятв, очень распространённых в античных латинских текстах, и просит поменьше называть имена античных богов даже в переносном смысле. Конечно, совсем избежать этого было бы невозможно, поэтому автор и не запрещает упоминать Юпитера или Меркурия, а лишь призывает к умеренности.

Итак, интерпретация тропов в латинских риторических руководствах в России XVIII века представляет собой дидактическую адаптацию античной теории тропов. Выбраны лишь немногие тропы, причём их выбор обусловлен сложившейся традицией преподавания риторики с опорой на латинских риторов, прежде всего на Цицерона. Поэтому без внимания остались, в частности, сравнение и эпитет, которые Аристотель в своих трактатах «Поэтика» и «Риторика» рассматривал как важнейшие тропы.

Авторы разных риторических руководств демонстрируют единый подход к пониманию тропов. Различия в толковании и атрибуции отдельных тропов немногочисленны, но их наличие позволяет говорить о возможности и допустимости в рассматриваемый период разнообразия интерпретаций риторических терминов.

Изложение теории риторики в рукописных руководствах XVIII века, составленных в России на латинском языке в учебных целях, отличается доступностью, образностью, красочностью. Многие теоретические положения и

определения иллюстрируются с помощью образных тропов, позволяющих оживить и сделать более понятным учебный текст.

В самом тексте риторик широко используется только метафора которая служит не только как способ украшения речи, но и как средство аргументации. Преобладающими семантическими группами образов, характеризующих риторик и её освоение, являются растительные метафоры, в частности, метафора сада, и метафора пути. Их объединяет семантика роста, развития, движения, несущая в себе положительные коннотации. Чаще всего ключевые метафоры являются развёрнутыми, т. е. аллегориями.

Так, в предисловии к нижегородской риторике развитие общественных наук (*publica studia*) сравнивается с ростом деревьев: “*non enim diu est, ex quo nostra in patria hac vel maxime in urbe publica studia ceperunt radices agere, jungere in caulem ex pondere brachia, in folia et fructus luxuriare*” (недавно в нашей стране и в этом самом городе науки стали пускать корни, выпускать из ствола ветви, буйно разрастаться листьями и плодами) [Rhetorica 1766: 2]. Растительная аллегория выражает идею постепенного, неспешного, но постоянного роста общественных наук, а также вводит их в круг природных явлений.

В риторике 1727–1728 гг. из Славяно-греко-латинской академии метафора сада пронизывает весь текст, на что указывает само название руководства: “*Viridarium Excellentissimae Artis Oratoriae*” («Сад великолепнейшего искусства оратории») [Viridarium 1727–1728]. Метафорическая модель «красноречие есть сад» разворачивается в пространном предисловии. Розы и лилии, произрастающие в саду Оратории, символизируют красоты красноречия. Шипы указывают на трудности, которые придётся преодолеть тем, кто хочет плести венки из роз красноречия [Viridarium 1727–1728: 116]. Развёрнутая параллель с садом является образцом риторической амплификации. Ключевой образ сада лежит в основе композиции всей книги. Так, автор сообщает, что, следуя схоластическому методу, решил разделить ширину и длину своего сада (т. е. руководства) на три части [Viridarium 1727–1728: 117]. Сравнение красноречия с садом подчёркивает

значение постоянного усердного труда, необходимого как для возделывания сада, так и для занятий риторикой.

Неоднократно изучение риторики уподобляется долгому пути, полному трудностей, а начинающий ритор сравнивается с путником. В вологодской риторике метафорическая модель «изучение риторики есть путь» является ключевой. Как уже было отмечено, одним из главных источников данной риторики был трактат Феофана Прокоповича “*De arte rhetorica*”. Аллегория пути заимствована из этого трактата с небольшими изменениями. Так, в начале первой книги риторики Прокоповича в пространной аллегории автор даёт советы, как следует приступать к изучению науки красноречия. Сначала следует представить, какие трудности предстоят, подобно путешественнику, который с высокого холма смотрит на лежащую перед ним дорогу: “*Nam sicut viator ... prius viam in subjectis campis contempletur*” [Procopovič 1982: 4]. В противном случае оратор добьётся не большего успеха, чем пловец, сражающийся с морскими волнами тёмной ночью (“*nec felicius conabitur, quam si cum fluctibus mari caeca nocte conflictaretur*”) [Procopovič 1982: 5]. Безопасный путь подготовленного оратора противопоставлен штормовому морю с его множеством опасностей, подстерегающих новичка. Аллегория предваряет оглавление и обосновывает необходимость предварительного знакомства со структурой курса.

В вологодской риторике 1764 г. во вступлении к первому разделу фрагментарно процитировано это развёрнутое сопоставление, однако оно служит доказательством другой мысли: в начале долгого пути освоения искусства красноречия нужно познакомиться с основными понятиями риторики. Аллегория тернистого пути передаёт идею сложности изучения риторической науки.

Метафорическая модель «красноречие есть свет» применяется также в негативном варианте «косноязычие есть тьма». Так, автор риторики из Нижнего Новгорода сравнивает неумелого оратора, не придающего значения композиции речи, с путешественником, блуждающим во тьме: “*velut nocte in ignotis locis errans: nec initio, nec fine proposito, casum potius, quam consilium sequatur*” («словно

блуждающий ночью в незнакомых местах, не представляя ни начала, ни конца, следует скорее случаю, чем замыслу») [Наставления 1764: 40].

Неоднократно используются метафорические модели «речь есть человеческое тело» и «речь есть дом». Телесные и строительные метафоры, определяющие понятие риторики, имеют много общего, а именно передают идею пропорциональности, гармонии структуры речи.

В трактате Феофана Прокоповича раздел, посвящённый расположению речи, начинается с развёрнутого сравнения: “oportet enim ut in aedificio omnia conclavia et in corpore humano membra omnia, ita in oratione singulas partes apte, venuste, concinne, eleganter dispositas atque collocatas esse; nam forma monstrosa erit, nisi suo quodque loco commode disponatur” («Как все комнаты в доме и все части человеческого тела, так и в речи все отдельные части должны быть расположены уместно, приятно, гармонично, изящно. Ведь вид будет чудовищен, если какая-либо часть не окажется на своём месте») [Procopovič 1982: 143]. Это сравнение буквально цитирует составитель рязанской рукописной риторики [Praescepta oratoria 1759: 60]. Похожее сравнение обнаруживается в риторике из Славяно-греко-латинской академии, автор которой в разделе, посвящённом композиции речи, акцентирует важность вступления. Одним из достоинств этой части ораторского выступления признаётся краткость (*brevitas*). Данный тезис подкрепляется убедительной соматической метафорой: “ne oratio monstrosa fuit cum capite aequali sibi toti vel majori” («чтобы речь не была чудовищной, с головой, равной всему остальному или даже большей по размеру») [Emporium 1744-1745: 89 (об)].

Соматические сравнения и метафоры являются одним из наиболее типичных приёмов образной интерпретации риторических терминов. В основе соматических тропов лежит уподобление речи человеческому телу: как в человеческом теле все органы важны, необходимы и взаимосвязаны, причём каждый из них выполняет определённую функцию, так и в ораторском выступлении составные части и элементы образуют единое целое, которое можно

сравнить с исправно функционирующим организмом. Соматические тропы иллюстрируют разные элементы риторического искусства. Так, смоленский ритор Мануил Базилевич называет аргументацию грудью и ... речи (“*pectus et robur orationis*”) [Basilevicz 1756: 96]. Ритор из Нижнего Новгорода уподобляет аргументы нервам [Rhetorica 1766: 35]: “*argumentis ipsis quibus velut nervis causa continetur ...*” («на аргументах, словно на нервах, держится дело...») [Rhetorica 1766: 35 (об)]. Параллель «аргументы-нервы» позволяет в образной, наглядной форме представить роль, которую играет аргументация в ораторской речи. Нервы пронизывают всё человеческое тело, оживляют его. Без нервов тело лишается способности что-либо ощущать. Так и в ораторском выступлении, по мысли ритора, аргументы оживляют речь, делают её жизнеспособной и энергичной.

В «Наставлениях по риторике на примерах из латинских авторов» из Вологодской семинарии аргументам также отводится значимая роль. Они уподобляются костям в человеческом организме: “*quod ossa in corpore et fundamentum in aedibus est, id sunt argumenta in dicendo, quibus numerosa orationis structura innititur*” («тем же, чем являются кости в теле и фундамент в зданиях, тем же являются аргументы в речи, на них опирается разветвлённая структура речи») [Наставления 1764: 47 (об)]. В этом примере сравнение наглядно иллюстрирует мысль о том, что аргументы являются основой, на которой держится вся речь.

Интересный пример соматического уподобления в нижегородской риторике связан с представлением о речи как о теле, которое можно облачить в одежду и, наоборот, лишить одеяния и украшений. Ритор рекомендует в качестве упражнения «со всего тела речи совлечь аргументы, которыми воспользовались авторы, словно лишая речь украшений и одеяний» (“*ex toto sermonis corpore argumenta, quibus isti auctores sunt usi, investigandi, extrahendi, ac vult ornamentis ac indumentis suis denudata existendi*”) [Rhetorica 1766: 40].

Параллель между одеждой и стилем речи, подкреплённая соматическим уподоблением, проводится в вологодском руководстве. Понятие стиля трактуется с помощью развёрнутой аналогии: “*Et est ergo stilus in oratione id, quod vestis*

conueniens dignitati personae, simmetria in corpore, et proportio in imagine. Quemadmodum enim non omni personae easdem vestes aptamus; neque congruum corpus neque concinna imago esse potest neque partes partibus et figura subjecta rei legitime respondeat; ita oratio, si non congruat rebus, quas tractat, inepta et monstrosa necesse est” («Таким образом, стиль в речи есть то же самое, что одежда, соответствующая достоинству лица, симметрия тела, пропорция образа. Ведь не всякому человеку подобает одинаковая одежда; и тело не может быть соразмерным и образ гармоничным, если части не соответствуют друг другу; так и речь, если не соответствует предметам, которые трактует, обязательно будет неуместной и безобразной») [Наставления 1764: 43]. Стиль ассоциируется с одеждой, которая должна быть уместной, подходящей человеку; из этого сопоставления следует аналогия между гармонией стиля и пропорциональностью человеческого тела. Поскольку требование соразмерности и гармоничности предъявлялось как к расположению речи, так и к её стилю, сравнение с пропорциональным человеческим телом было уместным и в том и в другом случае.

Рассказывая о расположении аргументов в речи, ритор из Нижнего Новгорода также использует метафоры с семантикой строительства. Со ссылкой на Квинтилиана он приводит детальное сопоставление риторического расположения со строительством здания, для которого недостаточно простой груды камней, но требуется рука мастера [Наставления 1764: 78]. Задачи ритора и строителя сравниваются также автором нижегородской риторики: “*quomodo opera exstruentibus satis non est saxa atque materiam et cetera aedificanti utilia congerere, nisi disponendis iis collocandisque artificum manus adhibeatur, sic in dicendo quamlibet abundans rerum copia, cumulum tantum habet atque congestum, nisi illas easdem dispositio in ordinem digestas, atque inter se commissas devinxerit, ut sine ea nihil valeat, inventio*” («как недостаточно строителям собрать камни, материал и прочее полезное для строительства, если не приложить руки мастеров к их расположению и размещению, так и в речи какое угодно изобилие материала

будет только нагромождением и скоплением, если расположение не разместит их по порядку и не свяжет между собой, и без него ничего не будет значить изобретение») [Rhetorica 1766: 40 (об)].

Таким образом, для иллюстрации риторических принципов и положений составители российских риторик используют образы разной семантики. Изучение риторики воспринимается как сложный и длительный процесс, поэтому сравнения естественно связывают его с дорогой, полной сложностей и опасностей. Необходимость кропотливого труда иллюстрируется аллегорией возделывания сада. Незнание теории красноречия, невнимание к порядку изучения разделов риторической науки вызывают ассоциации с блужданием во тьме или плаванием ночью в бурном море. Некоторые разделы риторики также представлены развернутыми компаративными тропами. Расположение уподобляется строительству здания, хорошо составленная речь сравнивается со строением человеческого тела. Стиль сравнивается с внешностью человека и его одеждой.

Соматические образные тропы являются одним из распространённых приёмов аргументации в учебных адаптациях риторической теории. В основе этих тропов лежит уподобление речи человеческому организму, дающее возможность с помощью понятных каждому аналогий проиллюстрировать теоретические принципы и понятия риторической науки.

Компаративные приёмы придают риторическим понятиям живость, образность и наглядность, имеют функцию эмоциональной оценки. В учебных риториках метафоризация служит незаменимым средством иллюстрации идей и принципов теории красноречия.

Классификация фигур в различных рукописных латинских риториках, составленных в России XVIII века, имеет свои особенности и своеобразие, но все авторы уделяют большое внимание этому типу риторических приёмов. Не случайно автор нижегородской риторики подчёркивает, что уместно

употреблённые тропы делают речь прекрасной и сладкой (*pulchram ac suavem*), но всё же фигуры ещё более этому способствуют [Rhetorica 1766: 15].

Рассмотрим определения фигур и их видов преимущественно на примере двух российских рукописных риторик на латинском языке – руководств, составленных в Нижегородской (1766) и Вологодской (1764) семинариях. Сходство подходов к изложению учения о фигурах указывает на единство источников.

Фигура (по-гречески *σχήμα*), по определению нижегородского автора, есть выражение, в котором манера оратора отклоняется от прямого и простого способа речи к какому-либо достоинству говорения, или, точнее, фигура есть более культурный и изысканный способ выражения (“*elocutio, qua oratoris habitus a recto et simplici loquendi genere cum aliqua dicendi virtute deflectitur vel clarius figura est cultior et elegantior loquendi ratio*”) [Rhetorica 1766: 15]. Эта дефиниция подчёркивает главный признак как тропа, так и фигуры – отклонение от привычного и простого способа выражения мысли, необычность высказывания.

Фигура, по утверждению автора, отличается от тропа тем, что заключается не в изменении отдельных слов, а в сочетании многих слов и даже в целой речи.

В античной риторике различались два вида фигур: фигуры речи (*figurae verborum*) и фигуры мысли (*figurae sententiarum*). Это представление сохранилось и в позднейших теориях красноречия. Автор нижегородской риторики объясняет, что «фигура речи есть выражение, украшающее речь словами, уместно и приятно друг с другом звучащими; фигура мысли же всю мысль другим движением души изменяет. Следовательно, для одной важно звучание слов, для другой – смысл; одна разрушается при замене слов, другая сохраняется, даже если изменены слова» (“*Illa est elocutio, quae orationem exornat verbis apte et jucunde inter se resonantibus: haec quae totam sententiam aliquo animi motu adficit. Ergo illa sonum verborum respicit. Haec sensum: illa perit, si alia verba substituantur; haec manet, licet verba permutentur*”) [Rhetorica 1766: 15].

Автор «Наставлений по риторике на примерах из латинских авторов...», составленных в Вологодской семинарии в 1764 году, кратко определяет фигуру: “*Figura est singularis loquendi ratio a quotidiano et vulgari sermone remota*” («Фигура есть особый способ высказывания, далёкий от обыденной и вульгарной речи») [Наставления 1764: 33]. Он так же, как и автор нижегородской риторики, делит фигуры на фигуры речи и мысли и обосновывает их различие, но добавляет к этому, что фигуры речи разрушаются не только при замене слов, но и при изменении их порядка. В данной риторике мы обнаруживаем почти такой же перечень фигур, как в нижегородской риторике, но примеры подобраны другие и фигурам дана функциональная характеристика.

Оба автора отмечают, что фигуры речи могут заключаться в убавлении, прибавлении, повторе либо сходстве слов. Вологодский ритор говорит об изящном недостатке, избытке, повторении или сходстве слов (“*Figurae verborum sunt quadruplices: quaedam consistunt in vocabulorum eleganti vel defectu, vel excessu, vel repetitione, vel similitudine vocum*”) [Наставления 1764: 30].

Фигур, заключающихся в убавлении слов, называют две: *ellipsis* (эллипсис, значимый пропуск одного или многих слов) и *asyndeton* (асиндетон, значимый пропуск соединительного союза). Согласно замечанию вологодского автора, асиндетон способствует живости и обозначает порывистость души (“*valet ad celeritatem atque animi impetum significandum*”)[Наставления 1764: 33 (об)].

Фигур, заключающихся в прибавлении слов, оба автора насчитывают четыре. К ним относятся *pleonasmus* (плеоназм, избыточность слов), *polysyndeton* (полисиндетон, многосоюзие), *synonymia* (синонимия, скопление слов с одинаковым значением), *exergasia* (эксергасия, скопление мыслей с одинаковым значением).

О синонимии автор вологодской риторики утверждает: “*Utimum hac figura, quoties uno verbo non satis videmur dignitatem, aut magnitudinem rei demonstrare. Sed cavendum, ne plura synonyma orationem onerent, quam ornarent*” («Мы пользуемся этой фигурой, когда нам кажется, что одним словом мы недостаточно показываем

достоинство или величие предмета. Но опасайтесь многочисленными синонимами перегрузить, а не украсить речь») [Наставления 1764: 34].

Отметим некоторую непоследовательность составителей. Ради изящества классификации, основанной на противопоставлении скопления слов и скопления мыслей, они относят эксергасию к фигурам слова, противореча приведенному выше определению этого типа фигур. Фигуры слова разрушаются при замене слов, эксергасия же заключается в многообразии выражения одной мысли, несколько не зависит от выбора слов и, следовательно, могла бы быть отнесена к фигурам мысли. Однако единодушные авторы рукописных риторик в этом вопросе заставляют предположить единый источник, которым они пользовались. По мнению вологодского автора, “*Utendum est exergasia, cum prodest in aliqua re commorari, et diutius detinere auditorem: ut cum asseveramus, indignamur, dolemus, commiseramur aut exprobramus aliquid. Laetitiae quoque convenit, sed cavendum, ne in re tenui varianda curiosam nimis et superfluum operam ponamus, quid vitium περὲργία dicitur*” («эксергасию нужно использовать, когда полезно остановиться на каком-либо предмете и дольше удержать слушателя, когда мы решительно утверждаем, негодуем, страдаем, сочувствуем или упрекаем. Радости она тоже соответствует, но следует быть осторожным, чтобы в варьировании мелочей не делать чересчур странную и избыточную работу, что называют пороком περὲργία (превышение меры)») [Наставления 1764: 34].

Фигур, заключающихся в повторении слов, выделяется одиннадцать:

epizeuxis (эпизевксис, значимый повтор слова в одном выражении, подряд или разделённый несколькими словами);

anaphora (анафора, повтор слова в начале разных выражений);

epiphora (эпифора, повтор слова в конце разных выражений);

symploce (симплока, значимый повтор одного слова в начале, а другого в конце разных выражений), в качестве примера нижегородский ритор приводит фрагмент из Cic., Pro Mil. XXII: “*Quis eo postulavit? Appius. Quis produxit? Appius*” [Rhetorica 1766: 16] («Кто этого требовал? Аппий. Кто это сделал? Аппий»);

anadiplosis (анадиплосис, повтор слова в конце первого и в начале следующего выражения). Хрестоматийный пример из 1-й речи Цицерона против Катилины приводят оба риторы: “Consul videt, hic tamen vivit. Vivit? Imo etiam in senatum venit” [Rhetorica 1766: 16; Наставления 1764: 35] («Консул видит. А он всё ещё живёт. Живёт? И даже приходит в сенат»);

climax (климакс, лестница, фигура близкая к предыдущей, повтор слова в конце первого и в начале следующего выражения, образующий несколько ступеней). Пример из нижегородской риторики: “Industria virtutem, virtus gloria aemulos cultoribus comparat” [Rhetorica 1766: 16 (об)] («Трудолюбие готовит доблесть, доблесть готовит соперничающих в славе с наставниками»);

epanalepsis (эпаналепсис, повтор слова в начале первого выражения и в конце последующего). Нижегородский ритор в качестве примера приводит слова Ювенала (Juvenalis 14, 139) [Rhetorica 1766: 16 (об)]: “Crescit amor nummi, quantum ipsa pecunia crescit” («Жадность к монете растёт соответственно росту богатства»; пер. Ф. А. Петровского);

antanaclasis (антанакласис, повтор слова в разном значении в разных частях речи; имеются в виду одинаково звучащие формы слов, относящиеся к разным частям речи). Оба автора цитируют общий источник (Rhet. ad Herenn. IV, 21), выбирая из него разные примеры: “Veniam ad vos si mihi senatus det veniam” [Rhetorica 1766: 16 (об)] («Я приду (*veniam*) к вам, если мне сенат даст разрешение (*veniam*)»); “Cur eam rem tam studiose curas, quae multas tibi dabit curas? Idem: amari jucundum sit, si curetur ne quid insit amari” [Наставления 1764: 35 (об)] («Почему так усердно заботишься (*curas*) о том, что принесёт тебе много хлопот (*curas*)? Также: быть любимым (*amari*) было бы приятно, если позаботиться о том, чтобы в этом не было ничего горького (*amari*)»);

ploce (плока, повтор слова в разном значении в одной части речи) Примером служит античный афоризм Лукиана, вошедший в «Пословицы» Эразма Роттердамского (Erasmus, Adagia, 1.7.11): “simia est simia, etiamsi aurea gestet

insignia” [Rhetorica 1766: 16 (об); Наставления 1764: 35 (об)] («Обезьяна есть обезьяна, даже если наденет золотые украшения»);

polyptoton (полиптотон, повтор слова в разных формах, чаще всего, падежных). Нижегородский ритор приводит следующий пример (Persius, Sat. 3, 84): “ex nihilo nihil in nihil nil posse reverti” [Rhetorica 1766: 16 (об)] («Из ничего ничто в ничто ни за что не может превратиться»);

epanodos (эпанодос, повтор слов в изменённом порядке). В нижегородской риторике приводится пример из поэмы «Христиада» итальянского поэта XVI в. Марка Иеронима Виды (Vida, *Christias*, 4, 58): “Nec sine sole suo lux nec sine luce sua sol” («Не бывает без своего солнца свет и без своего света солнце») [Rhetorica 1766: 16 (об)].

Автор вологодской риторики даёт краткую оценку той или иной фигуре. Так, о лестнице (климаксе) он утверждает, что эта фигура обладает большой прелестью, но ею следует пользоваться не часто, а только когда сам предмет имеет ступени [Наставления 1764: 35], плака, по его мнению, придаёт речи не только изящество, но и остроту [Наставления 1764: 35 (об)], антанакласис же имеет большую силу услаждения [Наставления 1764: 35 (об)].

Автор нижегородской риторики называет четыре фигуры, заключающиеся в сходстве слов:

paregmenon (парегменон, расположение рядом однокоренных слов);

paranomasia (параномасия, сходство слов по звучанию). Например: “Omnis amans amens” [Rhetorica 1766: 17] («Всякий любящий (*amans*) безумен (*amens*))»);

homoeoptoton (гомеоптотон, употребление различных слов в одинаковых падежных формах);

homoeoteleuton (гомеотелеутон, созвучие слогов, завершающих колоны, иначе говоря, рифмующиеся концовки отрезков речи). Например: “Si male fecisti, modo respice vulnera Christi” [Rhetorica 1766: 17] («Если тебе плохо, вспомни о ранах Христа»).

В вологодской риторике отмечены только две фигуры сходства: гомеоптотон (эта фигура понимается в более широком смысле как употребление слов с похожими концовками) и парономасия. Интересно, что, приводя пример парономасии, ритор подвергает моралистической трансформации известное крылатое выражение: “*Rerum turpium omnis amans est amens*” [Наставления 1764: 36] («*Всякий любящий постыдные вещи безумен*»). Автор риторики предостерегает своих учеников: “*Utraque haec figura commendatur in sententiis; quia et suavius influunt in animum, et diutius haerent. Sed parce iis utendum est oratori, quia fastidium cito audienti adferunt, fidem abrogant orationi*” («*Обе эти фигуры рекомендуются для сентенций, так как приятнее достигают души и дольше там остаются. Но оратору следует использовать их экономно, так как они быстро надоедают слушателю и подрывают доверие к речи*») [Наставления 1764: 36].

Авторы риторики выделяют пять видов фигур мысли: “*aliae faciunt ad exornationem probationis, aliae ad rei ipsius explicationem et amplificationem; aliae ad rei exaggerationem aut extenuationem; aliae ad affectuum concitationem; aliae denique perspicuam reddunt dispositionem*” («*одни служат для украшения доказательства, другие – для объяснения и распространения самого предмета; третьи – для преувеличения или преуменьшения предмета; четвёртые – для возбуждения страстей; пятые, наконец, делают яснее расположение*») [Наставления 1764: 36]. Отметим совпадение целевой характеристики четырёх видов фигур и отличие последнего вида в нижегородском руководстве, где указано, что пятый вид фигур служит *ad plurimum periodorum connexionem* (соединению многих периодов) [Rhetorica 1766: 17 (об)].

Выбор фигур, рассматриваемых разными авторами, различен. Так, автор вологодской риторики в числе фигур, способствующих украшению доказательства, называет предвосхищение (*anteoccupatio*), предположение (*subjectio*), уступку (*concessio*), позволение (*permissio*) и коммуникацию (*communicatio*).

Предвосхищение (*anteoccupatio*), как поясняет вологодский ритор, заключается в том, что возражения оппонента предвосхищаются и опровергаются (“*cum id, quod ab adversario objicitur, vel objici possit, anticipamus et diluimus*”) [Наставления 1764: 36 (об)].

Предположение (*subjectio*) образуется, когда многое, что может быть сказано оппонентом, кратко излагается и по отдельности кратко на каждое даётся возражение (“*qua multa, quae pro adversario dici possunt, breviter proponuntur, atque ad singula breviter item respondetur*”) [Наставления 1764: 36 (об)].

Автор нижегородской риторики объединяет эти две фигуры в одну, именуя её *occupatio*. Для примера использует отрывок из Евгиппия, христианского писателя VI в.: “*sed dicat aliquis: quomodo resurgent mortui? Et quali corpore redibunt? Stulte illud quod seminas non vivificatur, antequam sit mortuum*” [Rhetorica 1766: 17 (об)] («Кто-то, возможно, скажет: как мёртвые воскреснут? И в каком теле они вернутся? Это глупо, ведь то, что посеешь, не оживёт, пока не станет мёртвым»).

Уступка (*concessio*) в вологодской риторике трактуется как согласие с оппонентом с каким-либо исключением или ограничением (“*qua aliquid largimur adversario cum aliqua exceptione aut limitatione*”) [Наставления 1764: 37]. Иллюстрацией служит пример из речи Цицерона в защиту Флакка: “*Tribuo Graecis litteras, do multarum artium disciplinam, non adimo sermonis leporem, ingeniorum acumen, dicendi copiam denique enim si quae sibi alia sumunt, non repugno: testimoniorum religionem et fidem nunquam ista natio coluit*” («Я признаю за греками науки, а также изучение многочисленных искусств, не отрицаю изящество речи, остроту ума, многословие, наконец, не оспарю и то другое, что они сами себе ставят в заслугу, но религию и веру этот народ никогда не чтил»).

Позволение (*permissio*) определяется тогда, когда в речи демонстрируется полное подчинение чьей-либо воле: “*cum ostendimus in dicendo aliquam rem totam concedere alicuius voluntati*” [Наставления 1764: 37]. В пример приводится фрагмент из речи Цицерона (Cic., Pro Rosc. Amer., XXV): “*Praedia mea tu possides;*

ego aliena misericordia vivo; concedo; et quod animus aequus est, et quia necesse est. Mea domus tibi patet, mihi clausa est: fero, familia mea maxime uteris: ego servum nullum habeo; patior, et ferendum puto. Quid vis amplius? Quid insequeris? Quid oppugnans? Qua in re tuam voluntatem laedi a me putas? Ubi tuis commodis officio? Quid tibi obsto?” («Ты владеешь моим поместьем; я живу чужой милостью; уступаю; потому что дух мой спокоен, и потому, что это необходимо. Мой дом открыт для тебя, для меня же закрыт; терплю; челядью моей всю пользуешься, у меня же нет ни одного раба; переношу и считаю, что нужно терпеть. Чего ты хочешь больше? Чего добиваешься? За что борешься? В чём ты считаешь свою волю оскорблённой мной? Где я нарушаю твои удобства? Чем тебе мешаю?»).

Автор нижегородской риторики объединяет уступку и позволение, приводя греческие обозначения этих двух фигур (επιτροπή или συγχώρησις) как два варианта названия фигуры. Таким образом, к группе фигур, способствующих украшению доказательства, он относит лишь три фигуры: предвосхищение, уступку и коммуникацию.

Нижегородский автор выделяет девять фигур, способствующих объяснению и амплификации предмета: разделение (distributio), гипотипосис (hypotyposis), антитезу (antitheton), парадиастолу (paradiastole), антиметаболу (antimetabole), оксюморон (oxymoron), отступление (digressio), возвращение (revocatio), эпифонему (epiphonema). Автор вологодской риторики оставляет в своей классификации лишь пять фигур этого вида: гипотипосис, антитезу, парадиастолу, антиметаболу, оксюморон. Рассмотрим их характеристику.

Гипотипосис (hypotyposis) трактуется как живое описание, то есть представление предмета, словно перед глазами его показывающее. Антитеза (antitheton) понимается как противопоставление предметов или лиц друг другу. Парадиастола (paradiastole) определяется как различие того, что в народе считается одинаковым (в качестве одного из примеров приводится фраза Сенеки (Sen., Epist.2): “Non qui parum habet, sed qui plus cupit, pauper est” [Наставления 1764: 38] («Не тот беден, кто мало имеет, но тот, кто хочет большего»)).

Антиметабола (*antimetabole*) определяется как переход смысла в противоположный при перестановке слов. В пример в обеих риториках приводится фраза (*Rhet. Ad Herenn. 4, 4*): “*Esse oportet, ut vivas, non vivere, ut edas*” [Наставления 1764: 38 (об), *Rhetorica 1766: 18*] («Нужно жить, чтобы есть, а не есть, чтобы жить»). Оксюморон (*oxymoron*) определяется как остроумное высказывание с явным противоречием. Примером в нижегородской риторике послужила знаменитая фраза Цицерона из первой речи против Катилины: “*Cum tacent, clamant*” [*Rhetorica 1766: 18*] («Когда они молчат, они кричат»).

Разделение (*distributio*) в нижегородской риторике определяется как *generis in species aut totius in partes divisio* [*Rhetorica 1766: 17 (об)*] («деление рода на виды или целого на части») и отвергается вологодским автором, очевидно, потому, что эта фигура не относится к явным и легко различимым в тексте. В пример приведена фраза из речи Цицерона (*Cic., Pro Milone, VIII*): “*Luget senatus, maeret equester* (в тексте риторики ошибочно: *equestris*) *ordo, tota civitas confecta senio est*” [*Rhetorica 1766: 17 (об)*] («скорбит сенат, печалится сословие всадников, все граждане поражены скорбью»). Этот пример можно было бы отнести к градации.

Фигура отступления (*digressio*) понимается как трактовка какого-либо предмета, служащая пользе дела, но нарушающая строй изложения (“*rei alicuius, quae tamen ad utilitatem causae pertinet, extra ordinem occurrens tractatio*”) [*Rhetorica 1766: 18*]. Примером служат слова из речи Цицерона (*Cic., In Verrem II, 2*): “*Atque adeo antequam de incommodis Siciliae dicam. Pauca mihi vident esse de provinciae dignitate, venustate ac utilitate dicenda*”) («Кроме того, прежде чем я скажу о бедах Сицилии, мне кажется, нужно немного сказать о достоинстве, красоте и пользе провинции»). Фигуре отступления сопутствует фигура возвращения (*revocatio*), определяемая как возвращение от отступления к основному предмету (“*a digressione ad propositum reversio*”) [*Rhetorica 1766: 18 (об)*]. Пример также привлекается из речей Цицерона. Фигуры отступления и возвращения вологодским ритормом рассматриваются в группе фигур, способствующих ясности

расположения. И ещё одна фигура, отнесённая в вологодской риторике к другой группе, а именно, к фигурам, служащим возбуждению страстей, – эпифонема или суждение, которое добавляется в конце рассказа или доказательства, напр. Vergil. Aeneis I, 37: “Tanta molis erat Romanam condere gentem!” («Вот сколь огромны труды, положившие Риму начало!») (пер. С. Ошерова) [Вергилий 1979: 38]. Как видим, данные фигуры, по мнению вологодского автора, не вполне соответствовали определению фигур, способствующих объяснению и амплификации предмета, и были отнесены им к другим группам.

В особую группу выделены фигуры, способствующие преувеличению или преуменьшению предмета. Нижегородский ритор относит к этой группе пять фигур: умолчание, усиление, перифразу, преувеличение, преуменьшение. Умолчание (*praeteritio*) понимается как притворное умолчание о предмете, о котором на самом деле говорится (“*simulatio rei praetereundae, quae tamen maxime dicitur*”). Пример приводится из речи Цицерона (Cic., *De Provinciis Consularibus* IV, 8): “Itaque omnia illa, quae et saepe audistis et tenetis animis, etiamsi non audiat, praetermitto; nihil de hac eius urbana, quam ille praesens in mentibus vestris oculisque defixit, audacia loquor; nihil de superbia, nihil de contumacia, nihil de crudelitate disputo” («Итак, всё это вы часто слышали и держите в памяти; чтобы ещё раз вы об этом не слушали, я это пропускаю: я ничего не говорю об этой его разнузданной дерзости, которую присутствующий здесь запечатлел в ваших глазах и умах, ничего о надменности, ничего о строптивости, ничего о жестокости, я рассуждаю о том, что делалось в провинции»). Усиление (*incrementum*) определяется как продвижение по ступеням от низшего к высшему (“*per gradus ab infimo ad summum progressio*”). Пример взят из речи Цицерона (Cic., *In Verrem* V, 66): “Facinus est vinciri civem Romanum, scelus verberari, parricidium probe necari: quid dicam in crucem tollere?” («Злодеяние – заковывать в цепи римского гражданина, преступление – бичевать, чудовищное преступление – казнить, что же сказать о распятии на кресте?»). Перифраза (*periphrasis*) толкуется как изящное описание лица или предмета (“*elegans alicuius personae vel rei*

circumlocutio”) Пример: “Inexplebilis honorum fames id est ambitio” («Неутолимая жажда почестей есть тщеславие»). Преувеличение (auxesis) определяется как «почти совпадающее с тропами гиперболой и катахрезой преувеличение, говорящее больше, чем следует понимать» (“coincidens fere cum hyperbole aut catachresi tropica est elegans rei exaggeratio plus dicens quam intelligi debet”). Например: “candidior cygnis” («белее лебедя»). Преуменьшение (tapinosis, meiosis) понимается как «изящное преуменьшение предмета, говорящее меньше, чем следует понимать» (“elegans rei extenuatio, minus dicens quam intelligi debet”) [Rhetorica 1766: 18 (об)]. Примером служит цитата из Библии (Reg. I, 24, 15): “Quem persequeris Rex Israel? Quem persequeris? Canem mortuum et pulicem unum” («На кого вышел царь Израильский в поход? За кем гонишься ты? За мёртвым псом, за какой-то блохой»). Совпадение фигур преувеличения и преуменьшения и соответствующих им тропов, отмеченное самим автором, привносит в предлагаемую им классификацию определённую непоследовательность.

В вологодской риторике мы не находим фигур преувеличения и преуменьшения. Однако к группе фигур, способствующих преувеличению и преуменьшению предмета, отнесена ещё демонстрация (demonstratio, emphasis). По утверждению автора, эта фигура появляется, когда «в словах заключена молчаливая сила и значение, когда больше означает, чем говорится» (“cum verbis inest tacita quaedam vis et significatio, et plus significatur, quam dicitur”). Такая фигура, по мнению ритора, образуется, например, в оставшихся без ответа вопросах Цицерона, обращённых к Катилине в 1 речи против Катилины. Многозначительное, выразительное молчание как риторический приём всё же вряд ли можно рассматривать как фигуру мысли. Вполне достаточно в этих случаях отметить использование риторических вопросов. Так, очевидно, рассуждал нижегородский ритор, исключивший эту фигуру.

Вологодский автор называет девять фигур, служащих возбуждению страстей: коррекция или исправление какого-либо высказывания (correctio), сомнение (dubitatio), вопрос (interrogatio), восклицание (exclamatio), поворот

(*conversio*), т.е. обращение к другому лицу, не к тому, кому адресована вся речь, сермоцинация (*sermocinatio*) или введение диалога, олицетворение или просопопея (*conformatio seu fictio personarum*), т.е. введение речи умерших лиц или неодушевлённых предметов, апосиопеза или внезапный обрыв речи (*praecisio sive reticentia*), восклицание или эпифонема (*acclamatio*). Отметим, что в нижегородской риторике эпифонема отнесена к группе фигур, способствующих объяснению и амплификации предмета. Тем самым функционально разграничены две фигуры восклицания (*acclamatio, exclamatio*). Эти фигуры вологодский автор отнес к одной группе, хотя различие между ними практически неощутимо, и возникают сомнения в необходимости существования двух тождественных фигур.

Определения, данные автором риторики, эти сомнения не развеивают. Так, восклицание (*exclamatio*) он определяет как «обозначение либо выраженных либо подразумеваемых аффектов с помощью восклицательных частиц» (“*affectuum per particulas exclamandi sive expressas sive subauditas significatio*”) [Наставления 1764: 40], эпифонема (*acclamatio*) обнаруживается, «когда после сказанного в конце добавляется, словно росчерк, веское высказывание, взятое из вышесказанного» (“*cum rei narratae aut probatae sub finem additur quasi pro coronide grave quoddam pronunciatum ex superioribus excerptum*”) [Наставления 1764: 40 (об)]. Иначе говоря, эпифонемой можно назвать восклицание, помещённое в конце высказывания.

Отметим, что автор риторики стремится проиллюстрировать изложение примерами из классических авторов. Так, примером восклицания (*exclamatio*) служит знаменитая фраза Цицерона (*Cic., Cat. I, 1*): “*O tempora, o mores!*” [Наставления 1764: 40] («О времена, о нравы!»). Примеры фигур сомнения (“*Equidem quod ad me attinet, quo me vertam, nescio. Negem fuisse illam infamiam iudicii corrupti? Negem illam rem agitatum in concionibus? Jactatum in iudiciis? Commemoratum in senatum? Evellam ex animis hominum tantam opinionem? Tam penitus insitam? Tam vetustam? Non est nostri ingenii, vestri auxilii est iudices*” [Наставления 1764: 39 (об)]) («Что касается меня, то я не знаю, к чему мне прибегнуть: отрицать ли мне позорный факт подкупа суда; отрицать ли мне, что о

нём открыто говорили на народных сходках, спорили в судах, упоминали в сенате? Могу ли я вырвать из сознания людей столь твёрдое, столь глубоко укоренившееся, столь давнее предубеждение? Нет, не моё дарование, но лишь ваше содействие, судьи, может помочь этому ни в чём не виновному человеку...») [Цицерон 1993: 188; В защиту Авла Клуенция Габита, гл. 1., пер. В. О. Горенштейна)], вопроса (“*Quomodo occidit? Ipse percussit, an aliis occidendum dedit?*” [Наставления 1764: 39 (об)] («Каким образом он убил отца? Сам ли он нанёс ему удар или же поручил другим совершить это убийство?») [Цицерон 1993: 22; В защиту Секста Росция, гл. 27, пер. В. О. Горенштейна)], поворота (обращение к Милону в речи в его защиту, адресованной судьям) тоже взяты из текстов Цицерона.

Нижегородский ритор считает, что фигур, способствующих возбуждению страстей, восемь, относя к ним эпанортосис (коррекцию), сомнение, вопрос, апострофу, просопопею, этопею, восклицание, апосиопезу. Выбор фигур соответствует вологодской риторике, если не считать отсутствия эпифонемы, о чём уже говорилось выше.

В отдельных случаях автор предпочитает греческие названия фигур, не переводя их на латинский.

Епанorthosis (эпанортосис) трактуется как “*dicti alicuius emendatio*” [Rhetorica 1766: 19] («исправление какого-либо высказывания»). В вологодской риторике эта фигура называется латинским словом *correctio*. Иллюстрацией в обеих риториках служит пример из Плиния (Epist., 1, 12): “*Jacturam gravissimam feci, si jactura dicenda est tanti viri amissio*” [Rhetorica 1766: 19; Наставления 1764: 39 (об)] («Я понёс серьёзнейший урон, если можно назвать уроном утрату такого человека»).

Сомнение (*dubitatio*) рассматривается как заявление говорящего, о том, что он неуверен, что ему делать или говорить (“*auctori vere vel ad speciem quid dicat aut faciat incerti declaratio*”) [Rhetorica 1766: 19]. Для примера взяты слова из

«Энеиды» Вергилия (Verg., Aeneis III, 39): “eloquar, an sileam?” («молвить об этом или промолчать?»), пер. С. А. Ошерова).

Вопрос (*interrogatio*) трактуется как усиленное утверждение или отрицание в вопросительной форме (“*interrogativa et fortior vel adfirmatio vel negatio*”). Хрестоматийный пример из речи Цицерона (Cic., Cat. I, 1): “Quousque tandem abutere Catilina patientia nostra?” («Доколе, Катилина, ты будешь испытывать наше терпение?»). Эта фигура обычно называется риторическим вопросом.

Апострофа (*apostrophe*) заключается в развороте оратора от одних слушателей к другим (“*aversio oratoris ab auditoribus ad alios*”) [Rhetorica 1766: 19]. Пример взят из речи Цицерона (Cic., Pro domo sua, XXXIX, 104): “O dii immortales! Vos enim haec audire cupio” («О бессмертные боги! Я хочу, чтобы вы это услышали»). Вологодский ритор называет эту фигуру латинским термином *conversio*, а пример извлекает из речи Цицерона в защиту Милона (Cic., Pro Milone, XXXVII, 102). В этом фрагменте Цицерон обращается к судьям, центурионам, солдатам, а затем к Милону: “O me miserum! O infelicem! Revocare tu me in patriam, Milo, potuisti per hos: ego te in patria per eosdem retinere non potero?” («О, как я жалок! О, как я несчастен! Возвратить меня в отечество, Милон, ты смог при посредстве этих вот людей, а я сохранить тебя в отечестве при их посредстве не могу?»), пер. В. О. Горенштейна). В речи Цицерона, безусловно, фигура ярко проявляется, хотя в приведённой цитате она не видна.

Просопопея (*prosopopeia*) в нижегородской риторике трактуется как «введение отсутствующих умерших или вещей немых, но говорящих» (“*absentium mortuorum et rerum mutarum tanquam loquentium inductio*”)[Rhetorica 1766: 19]. Пример ритор советует найти в 1 речи Цицерона против Катилины в словах, произнесённых от имени родины. В вологодской риторике фигура именуется латинским термином *conformatio seu fictio personarum*. Приводится несколько других примеров. В одном фрагменте из «Риторике к Гереннию» заговорил Рим, в другом – ушедший из жизни Лентул (Rhet. Her. IV, 53): “Quodsi nec Lentulus brutus reviviscat, et hic ante pedes vestros adsit non hac utatur oratione? Ego reges

ejeci, vos tyrannos introducitis: ego libertatem, quae non erat, peperii; vos partem servare non vultis; ego capitis mei periculo patriam liberavi, vos liberi sine periculo esse non curatis” («Если бы воскрес суровый Лентул и был здесь у ваших ног, разве не такую речь он бы произнёс? Я изгнал царей, вы вводите тираннов; я породил свободу, которой не было, вы не хотите сохранить уже рождённую; я, рискуя головой, освободил родину, вы, свободные, не заботитесь о том, чтобы быть в безопасности»).

Этопия (*sermocinatio*) в трактовке нижегородской риторики практически не отличается от просопопеи. Судя по определению, фигура заключается во введении речи от имени вымышленного лица (“*sermonis de alii ficti inductio*”) [Rhetorica 1766: 19]. Различие между фигурами, вероятно, усматривается в том, что просопопея воссоздаёт речи, которые невозможны в реальности (от имени умерших лиц или неодушевлённых), этопия же демонстрирует возможные высказывания здравствующих людей. Так, примером в нижегородском руководстве служит фрагмент из речи Цицерона в защиту Публия Квинкция (Cic., Pro Publio Quinctio, XVII, 55): “*Quid ad haec Naeivius? Ridet scilicet nostram amentiam <...> et quod mihi inquit, cum ista summa sanctimonia ac diligentia?*” («Что же отвечает на это Невий? Он посмеивается над нами, глупцами <...>. «Что мне, – говорит он, – ваши честность и долг?», пер. В. А. Алексеева). В вологодской риторике фигура *sermocinatio* отождествлена с греческой фигурой *διαλογισμός* и трактуется как разговор двух и более лиц.

Восклицание (*exclamatio*) объясняется как “*adfectuum per particulas exclamandi sive expressas sive subauditas significatio*” [Rhetorica 1766: 19 (об)] («обозначение аффектов с помощью восклицательных частиц, выраженных или подразумеваемых»), что соответствует трактовке вологодской риторики. Примером в обеих риториках служит фраза из 1-й речи Цицерона против Катилины “*O tempora, o mores!*”, но в вологодской риторике приводится ещё пример из Писем Плиния.

Апосиопеза (*aposiopesis*) трактуется как “*subita orationis abruptio*” [Rhetorica 1766: 19 (об)] («внезапный обрыв речи») и иллюстрируется примером из «Энеиды» Вергилия (*Verg., Aeneis, 1, 139*): “*Quos ego!*” («Вот я вас!», пер. С. Ошерова).

Завершается классификация, приведённая в нижегородской риторике, группой фигур, способствующих соединению многих периодов. Их всего две: переход и отклонение.

Переход (*transitio*) определяется как “*a dictis ad dicenda progressio*” [Rhetorica 1766: 19 (об)] («продвижение от сказанного к тому, что необходимо сказать»). Пример взят из Цицерона (*Cic., Pro lege Manilia, VIII*): “*Quoniam de genere belli dixi, nunc de magnitudine pauca dicam*» («После того, как я сказал о роде войны, сейчас скажу немного о её величии»). Аналогичную дефиницию и пример приводит вологодский ритор, добавляя ещё пример из Писем Плиния Младшего (*Plin. Epist. III, 14*): “*Verum haec hactenus, quid praeterea novi? Quid? Nihil: Aliovi subungere nam et charta adhuc <sup> et dies feriatus patitur plura contexi, addam, quod opportune de eodem Macedone succurrit*» («Вот и всё. Что ещё нового? Было бы что, так я бы добавил: и место на бумаге есть и день праздничный, можно много чего вплести. Расскажу, что мне кстати вспомнилось о том же Македоне», пер. М. Е. Сергеенко).

Отклонение (*rejectio*) понимается как “*rerum quae adduci possent in aliud tempus aut locum alium dilatio*” («откладывание на потом того, о чём можно говорить в другое время или в другом месте»), напр.: “*Sed de hoc alio loco ac alio tempore dicam*» («Но об этом я скажу в другом месте и в другое время»). В вологодской риторике приведены два пространных примера из речей Цицерона.

Обратим внимание, что автор нижегородской риторики стремится к краткости и максимальной ясности, а потому часто составляет собственные примеры, а не извлекает их из классических текстов, как это делает вологодский автор. Если выбираются примеры из античных авторов, то самые краткие и известные.

Автор вологодской риторики относит фигуры перехода и отклонения к фигурам, способствующим ясности расположения: кроме перехода и отклонения, он относит к этой группе ещё отступление и возвращение. По мнению нижегородского ритора, эти фигуры должны быть отнесены к категории фигур, способствующих объяснению и амплификации предмета.

Таким образом, разные авторы рукописных риторик, работая с одним теоретическим материалом, по-своему преподносили его своим ученикам, могли варьировать понятия, изменять классификации, составлять собственные примеры либо находить их у древних авторов. Кроме изложения основ теории, общих для всех интерпретаторов риторической науки, каждый составитель стремился поделиться собственным опытом, дать какие-либо практические указания.

Так, вологодский автор сформулировал правила употребления фигур, сводимые к требованиям уместности и умеренности: “*Quod de usu troporum diximus id enim sentiendum putamus de figuris: utendum nimirum est figuris in loco. Uti enim non omnia condimenta omnibus cibis adhibenda, ita non omnis materia quavis figura exornatur. Utendum est parce: nam ut maximum orationi ornamentum adferunt figurae, si parce et prudenter adhibeantur. Ita immodice usurpatae tanquam nimia lenocinia orationem magis meretrici similem reddunt, quam matronae*” [Наставления 1764: 41 (об)] «Что мы сказали об использовании тропов, это же, по нашему мнению, надо отнести и к фигурам. Использовать их нужно на месте, подобающем фигурам. Ведь, как не все приправы подходят к всякой еде, так же не все темы украшаются любыми фигурами. Применять их следует скупно, ведь фигуры в наибольшей степени украшают речь, если их применяют скупно и скромно. Так, неумеренно употреблённые и чрезмерные прикрасы делают речь похожей на блудницу, а не на матрону». В конце главы автор призывает своих учеников всегда и во всём придерживаться совета Теренция: ничего слишком (“*ubique tenendum illud Terentii, ne quid nimis*” [Наставления 1764: 41 (об)]).

Следует отметить, что нижегородская, более поздняя по времени создания, риторика представляет краткое, сжатое изложение теории фигур.

Классификация фигур в данной риторике отличается большей логикой и целесообразностью. Примеры автор приводит либо собственного сочинения, либо хрестоматийные, широко известные. Автор вологодской риторики приводит более обстоятельное толкование фигур, даёт им функциональную характеристику, примеры же привлекает как из античных авторов, так и из христианских источников. Есть различия и в конкретном перечне фигур, и в отнесении отдельных фигур к той или иной группе, что можно продемонстрировать в виде таблицы.

Вологодская риторика 1764 г. (РГБ, ф. 122, № 14)	Нижегородская риторика 1766 г. (РГБ, ф. 312, № 78)
Фигуры речи	
<i>Убавление слов</i>	
эллипсис (ellipsis) асиндетон (asyndeton)	эллипсис (ellipsis) асиндетон (asyndeton)
<i>Прибавление слов</i>	
плеоназм (pleonasmus) полисиндетон (polysyndeton) синонимия (synonimia) эксергасия (exergasia)	плеоназм (pleonasmus) полисиндетон (polysyndeton) синонимия (synonimia) эксергасия (exergasia)
<i>Повторение слов</i>	
эпизевксис (epizeuxis) анафора (anaphora) эпифора (epiphora) симплока (symploce) анадиплосис (anadiplosis) климакс (climax) эпаналепсис (epanalepsis) антанакласис (antanaclasis) плока (ploce)	эпизевксис (epizeuxis) анафора (anaphora) эпифора (epiphora) симплока (symploce) анадиплосис (anadiplosis) климакс (climax) эпаналепсис (epanalepsis) антанакласис (antanaclasis) плока (ploce)

полиптотон (polyptoton) эпанодос (epanodos)	полиптотон (polyptoton) эпанодос (epanodos)
<i>Сходство слов</i>	
парономасия (paronomasia) гомеоптотон (homoeoptoton)	парономасия (paronomasia) гомеоптотон (homoeoptoton) парегменон (paregmenon) гомеотелеутон (homoeoteleuton)
Фигуры мысли	
<i>Украшение доказательства</i>	
предвосхищение (anteoccupatio) предположение (subjectio) уступка (concessio) позволение (permissio) коммуникация (communicatio)	предвосхищение (occupatio) уступка (concessio) коммуникация (communicatio)
<i>Объяснение и амплификация предмета</i>	
гипотипосис (hypotyposis) антитеза (antitheton) парадиастола (paradiastole) антиметабола (antimetabole) оксюморон (oxymoron)	гипотипосис (hypotyposis) антитеза (antitheton) парадиастола (paradiastole) антиметабола (antimetabole) оксюморон (oxymoron) разделение (distributio) отступление (digressio) возвращение (revocatio) эпифонема (epiphonema)
<i>Преувеличение или преуменьшение предмета</i>	
умолчание (praeteritio) усиление (incrementum) перифраза (periphrasis) демонстрация (emphasis)	умолчание (praeteritio) усиление (incrementum) перифраза (periphrasis)

	преувеличение (auxesis) преуменьшение (tapinosis, meiosis)
<i>Возбуждение страстей</i>	
коррекция (correctio) сомнение (dubitatio) вопрос (interrogatio) восклицание (exclamatio) просопопея (conformatio) апосиопеза (praecisio, reticentia) сермоцинация (sermocinatio) поворот (conversio) восклицание / эпифонема (acclamatio)	коррекция (epanorthosis) сомнение (dubitatio) вопрос (interrogatio) восклицание (exclamatio) просопопея (prosopopaeia) апосиопеза (aposiopesis) сермоцинация (sermocinatio) апострофа (apostrophe)
<i>Ясность расположения</i>	<i>Соединение многих периодов</i>
переход (transitio) отклонение (rejectio) отступление (digressio) возвращение (revocatio)	переход (transitio) отклонение (rejectio)

В рассмотренных выше двух риториках разделы, посвящённые фигурам, отличаются наибольшей последовательностью и ясностью. В московских риториках из Славяно-греко-латинской академии раздел о тропах и фигурах имеется только в руководстве 1743–1744 гг., содержащем в основном учение о поэтике. В этой риторике несколько иная классификация фигур, многие из них называются иначе, чем в руководствах из Нижнего Новгорода и Вологды, что свидетельствует о разных источниках. Интересен подбор примеров из античной и новолатинской поэзии, однако автор всё же отдаёт предпочтение простым и понятным фразам, специально составленным для этого руководства или взятым из других учебников.

Московский ритор разбивает фигуры речи на три группы – прибавления, убавления и сходства (“*adjectionis, detractiois et similitudinis*”) [Eloquentia 1743–1744: 19].

Фигур прибавления московский ритор насчитывает девять: *repetitio, conversio, complexio, conduplicatio, traductio, polyptoton, synonymia, polysyndeton, gradatio*. Из них только две – *synonymia* и *polysyndeton* были в позднейших риториках отнесены к этой группе, другие трактуются как фигуры повторения.

Фигура *repetitio* (повтор) образуется при повторении слова в одной и той же форме, например: “*Sic oculos, sic ille manus, sic ora ferebat*” (Verg. Aeneis III, 490) [Eloquentia 1743–1744: 19 (об)] («Те же глаза, и то же лицо, и руки, и кудри!», пер. С. Ошерова). Этот пример можно было бы рассматривать как анафору.

Conversio (обратный поворот) соответствует нашему представлению об эпифоре. Это видно из примера: “*patriae integritatem conservavit fortitudo, leges defendit fortitudo, religionem munivit fortitudo*” [Eloquentia 1743–1744: 19 (об)] («неприкосновенность отечества сохранила храбрость, законы защитила храбрость, религию укрепила храбрость»).

Complexio в других риториках рассматривается как симплока, одна из фигур повторения. Пример, как и во многих других случаях в этом руководстве, представляет собой образец школьной риторики патриотического содержания, наглядно демонстрирующий конкретный приём: “*Vovete corda patriae, heroes, vovete sanguinem, heroes, vovete lumina vitae, heroes*” [Eloquentia 1743–1744: 19 (об)] («Жертвуйте сердца родине, герои, жертвуйте кровь, герои, жертвуйте свет жизни, герои»).

Понятие *conduplicatio* охватывает разные варианты повтора слов в изменённом порядке, например: “*murus estis patriae, patriae murus estis*” [Eloquentia 1743–1744: 20] («вы защита родины, вы родины защита»). В классификациях, принятых в ранее рассмотренных риториках, соответствует фигуре *epanodos*.

Traductio трактуется как повторение с некоторыми изменениями (“*paulum immutata*”), но, судя по примеру, взятому из источника XI в. (1013) [источник указан в: Wegeler 1869], соответствует фигуре *antanaclasis*:

“*Quid facies, facies Veneris, cum veneris ante*

Ne sedeas, sed eas, ne pereas per eas” [Eloquentia 1743–1744: 20 (об)]

(«Что ты сделаешь, если окажешься перед ликами Венеры?

Не сиди, но уходи; не погибай из-за них»).

Gradatio соответствует фигуре *climax* в нижегородской и вологодской риториках. Московский ритор утверждает, что выдающуюся (*egregia*) градацию образует использование разных степеней сравнения одного слова, например: “*Ludovicus bello magnus, pace maior, religione maximus*” [Eloquentia 1743–1744: 21 (об)] («Людовик велик на войне, более велик в мирное время, в религии величайший»).

Следующие пять фигур в московской риторике относятся к фигурам убавления: *synecdoche*, *dissolutio*, *adjunctio*, *disjunctio*, *syneciosis*. В этой группе нет ни одного совпадения номинаций с вологодской и нижегородской риториками.

Synecdoche соответствует фигуре, известной как эллипсис, и заключается в легко восстановимом по смыслу пропуске слова. Частным случаем эллипсиса выглядит фигура *adjunctio*, которая складывается, когда от одного слова зависят несколько других. *Disjunctio* следует тоже рассматривать как вариант эллипсиса, при котором употребляются одинаковые формы слов в конце синтагм, например: “*Arma bellis hebetantur, milites pace franguntur, regna foedere roborantur, seditione dissipantur*” [Eloquentia 1743–1744: 22 (об)] («Оружие от войн притупляется, воины в мирное время слабеют, царства союзами укрепляются, от раздоров распадаются»).

Syneciosis определяет случай, когда два противоположных по значению слова зависят от одного и того же слова, например: “*Gloriosum est in patria sive vivere sive mori*” [Eloquentia 1743–1744: 22 (об)] («Славно на родине и жить и умереть»).

Dissolutio соответствует фигуре *asyndeton* (бессоюзие).

Фигур сходства в московской риторике насчитывается восемь: *paranomasia*, *similiter cadens*, *similiter desinens*, *compar*, *contrapositum*, *commutatio*, *correctio*, *dubitatio*. Три первые фигуры отмечены в ранее рассмотренных риториках. Рассмотрим остальные.

Compar (*isocolon*) заключается в одинаковых по числу слогов соседних колонах, например: “*triumphate, Rossi; trepidate, hostes*” [*Eloquentia* 1743–1744: 24] («торжествуйте, Россы! Трепещите, враги!»).

Contrapositum означает противопоставление, соответствует антитезе. Приводятся несколько разновидностей этой фигуры, а также примеры, как простые словосочетания (“*amare et nocere*”, “*album et nigrum*”), так и цитаты из классических поэтов. Так, процитировано двустишие из 1 элегии Тибулла (1, 33–34), правда, приписанное автором Марциалу:

“*At vos exiguo pecori, furesque lupique,*

Parcite: de magno est praeda petenda grege” [*Eloquentia* 1743–1744: 24 (об)]

«Вы ж пощадите ничтожное стадо, и воры и волки:

В стаде большом вам искать надо добычу себе» (пер. А. А. Фета)

Commutatio заключается в перестановке слов, создающей новое значение. Пример взят из «Риторики к Гереннию» (*Rhet. Her.* 4, 28, 39): “*Si poeta loquens pictura est, pictura tacitum poeta debet esse*” [*Eloquentia* 1743–1744: 25 (об)] («Если стихотворение есть говорящая картина, то картина должна быть молчащим стихотворением»).

Фигуры *correctio* (исправление) и *dubitatio* (сомнение) московский ритор отнёс и к фигурам речи и к фигурам мысли. Во втором случае не просто делается поправка или выражается сомнение, а развёртывается рассуждение по этому поводу.

Всего автор московской риторики выделяет 26 фигур мысли без разбивки по категориям. Рассмотрим только те из них, которые не отражены в

нижегородской и вологодской риториках. Это *emphasis, sustentatio, licentia, parenthesis, ironia, deprecatio, optatio, execratio*.

Emphasis (ударение, акцент) – трудноуловимая фигура. Автор трактует её как намёк, неясное выражение, о смысле которого необходимо догадываться. Пример, который он приводит из Вергилия (*Verg., Aeneis, III, 631–632*), по его мнению, требует пояснения: “*jacuitque per antrum immensus. Id est: corporis magnitudo*” («и в пещере своей разлёгся, огромный», пер. С. Ошерова). В риторике вместо *immensus* стоит *immensum*. Возможно, выбор этого чтения сделал фрагмент менее ясным.

Sustentatio трактуется как растягивание речи с целью заострения внимания слушателей, прежде чем будет сказано нечто неожиданное (“*cum orator prolixo aliquo sermone suspensos detinet auditorum animos, antequam aliquid inexpectatum dicat*”) [*Eloquentia 1743–1744: 29*].

Licentia (дерзость) понимается как смелое высказывание оратора, когда он должен был бы бояться, всё же почти не задевающее слушателей (“*quando orator ubi deberet metuere audacter pro suo jure dicit quod tamen auditorem minime offendat*”) [*Eloquentia 1743–1744: 30–30 (об)*].

Parenthesis объясняется как небольшая вставка в середине речи, пример приводится из книги эмблем бельгийского иезуита XVII века Германа Гуго (*Hermannus Hugo, Pia Desideria (1624), 242, 11–14*):

“*Iamque sua fateor, favor hic, novitate placebat,
(Ut prope non solitae res novitae placent)
Aulaque felicem, felicem turba vocabat,
Quod mihi tanta Ducis gratia parta foret*” [*Eloquentia 1743–1744: 30 (об)*].
(«Признаюсь, это благоволение нравилось своей новизной
(так как непривычные вещи нравятся новизной),
Двор называл счастливым, толпа называла счастливым,
Из-за того, что мне будет оказана такая милость властителя»).

Ironia, как утверждает ритор, совпадает по значению с тропом с таким же названием с той лишь разницей, что троп короче и откровенней (“*brevior et appertior*”).

Deprecatio означает мольбу, обращение с просьбой. Пример приводится из Германа Гуго (*Hermannus Hugo, Pia Desideria* (1624), 147, 21–22):

“*O Deus, ambiguos trepidantis perfice gressus,
Vincat et applausis nostra quadriga rotis!*” [*Eloquentia* 1743–1744: 31 (об)].

(«О Боже, сопроводи неуверенные шаги трепещущего,
Пусть победит и наша квадрига, а колёса заслужат овацию!»)

Optatio (пожелание) иллюстрирует следующий пример:

“*Vive diu felix multos laetare per annos,
Te superi faciant et cuncta de sorte beatum!*” [*Eloquentia* 1743–1744: 32].

(«Живи долго, счастливец, и радуйся многие годы,
Пусть боги сделают тебя блаженным во всём!»).

Exsecratio (проклятие, пожелание плохого) иллюстрирует пример из элегии Проперция (*Propertius, Elegiae*, II, 17, 5): “*Vel tu Tantalea moveare ad flumina sorte*” («Хоть бы Тантал тебя у реки растрогал судьбою...», пер. А. А. Фета).

В разделах риторических руководств, посвящённых словесному выражению (*elocutio*), рассматривается также учение об остроумии и островах.

Языковая игра уже в античной риторике воспринималась как одно из ярких средств художественной выразительности и риторической убедительности. Риторические теории включали специальные разделы, посвященные остроумию и способам его проявления в ораторской речи.

Цицерон различает два рода остроумия: “*Duo sunt enim genera facetiarum, quorum alterum re tractatur, alterum dicto*” (*De oratore* II, 239) («один из которых обыгрывает предметы, другой – слова») [Цицерон 1972: 179]. Среди острых, обыгрывающих слова, он особенно ценит те, что основаны на двусмысленности. По его мнению, “*ingeniosi enim videtur vim verbi in aliud, atque ceteri accipiant, posse ducere*” (*De oratore* II, 254) («уменье придать слову иной смысл, чем обычно

принятый, считается признаком выдающегося ума») [Цицерон 1972: 182]. Цицерон называет и другие виды языковой игры – истолкование значения имени, обыгрывание пословиц, паронимасию, в которой игровой эффект вызывается изменением одной буквы в слове (*nobilior* – *mobilior*). Традиционно паронимасия рассматривается как одна из фигур речи, заключающихся в сходстве слов, но в её основе, безусловно, лежит языковая игра («всякий влюблённый (*amans*) безумен (*amens*)», «не бывает хорошего (*probe*) без постыдного (*probris*)» и т.д.).

Представления Цицерона о языковой игре были развиты и дополнены Марком Фабием Квинтилианом, а затем легли в основу соответствующих разделов риторических трактатов нового времени. В частности, в российских риториках XVIII века феномен языковой игры связывается с учением об остроумии.

Учение об остроумии является важной составной частью риторической теории, «непременным компонентом барочных поэтик и риторик» [Кибальник 2012: 385].

В лекционном курсе Феофана Прокоповича построена развёрнутая теория изобретения острот [Procopovič 1982: 420-429]. Подчёркивая отсутствие учения об изобретении острот в античной риторике, в частности, у Цицерона и Квинтилиана, Ф. Прокопович отмечает появление таких теорий у риториков своего времени и подвергает их критике. Простое перечисление источников остроумия не может, по мнению блестящего оратора, быть полезным, ведь из этих же источников (топосов) извлекаются аргументы, они также служат распространению речи. Прокопович предлагает свою собственную, особую теорию остроумия, содержащую конкретные практические рекомендации, замечая, впрочем, что остроты рождаются в большей степени благодаря счастливой природе, чем наставлениям учения (“*felicitate naturae magis quam doctrinae praescriptis reperiuntur*”) [Procopovič 1982: 420].

Определение остроты, по Ф. Прокоповичу, следующее: “*Per acumen intelligo quidquid praeter aut contra expectatione cum veritate vel verisimilitudine*

dicitur, id est aliqua sententia admirationem parens: nam quae inexpectata sunt, sunt admirabilia” («Под остротой я понимаю то, что говорится сверх или против ожидания, правдиво или правдоподобно; т. е. какое-либо высказывание, порождающее восхищение, ведь то, что неожиданно, достойно восхищения») [Procopovič 1982: 420-421].

В риторике Феофана Прокоповича выделены различные типы острот [Procopovič 1982: 420-429]. Среди них есть интересные примеры острот, основанных на языковой игре. Так, суть языковой игры могла состоять в употреблении одного и того же слова в прямом и переносном значении в одном контексте. Со ссылкой на риторический трактат Николя Коссена Прокопович приводит фразу, иллюстрирующую это явление: “*Cum Epaminondae corpore virtutem Thebanorum sepelivit fortuna*” («Фортуна вместе с телом Эпаминонда предала погребению доблесть фиванцев») [Procopovič 1982: 423]. Примером языковой игры, основанной на противоречии и противопоставлении, служат слова Иоанна Златоуста: “*Mea vulnera sanitatem auferunt, illorum oscula morbum immedicabilem sibi conciliaverunt*” («Мои раны обрели исцеление, а их поцелуи навлекли на них неизлечимую болезнь») [Procopovič 1982: 424].

Феофан Прокопович разделяет понятия юмора и остроумия, шуток и острот. Остротам уделяется внимание в восьмой книге руководства, посвящённой эпидейктическому роду красноречия, а также в завершающей книгу 12 главе, имеющей название “*De sepulchrorum inscriptionibus seu Epitaphiis caeterisque Elogiis, ubi et de acuminibus*” («О надгробных надписях, или эпитафиях, и о прочих элогиях, и здесь же об остротах»), а шуткам отведена отдельная глава (“*De jocis seu facesiis*”) в пятой книге риторики, в которой речь идёт о возбуждении аффектов.

О шутках Прокопович считает уместным рассказать в связи с аффектом радости, опираясь на существующее мнение о смехе как о лёгком аффекте (“*aliqui levem affectum vocant*”) [Procopovič 1982: 308]. По его мнению, шутки следует использовать осторожно: “*scurrilitas cavenda est*” («следует избегать

паясничанья») [Procorovič 1982: 315]. Например, гипербола может быть источником шутки, но она не должна быть слишком комичной. Как и Цицерон, Феофан Прокопович самыми изысканными и предпочтительными источниками языковой игры считает двусмысленность, параномасию и этимологию.

В рукописных риторических руководствах на латинском языке, применявшихся в учебной практике в России XVIII века, остроумию также уделяется специальное внимание.

Мануил Базилевич, автор риторики, составленной в Смоленской коллегии в 1756 году, считает остроумие признаком великолепного стиля (*stylus admirabilis*), который «составлен из идей, остроумия, редких сентенций и мыслей, от общего мнения в какой-то мере далёких» (“*componitur ex conceptibus, argutiis, sententiis rarioribus, et sensibus a communi opinione quodam modo remotis*”) [Basilevicz 1756: 107]. Великолепный стиль ритор относится к разновидностям высокого стиля и даёт ему следующее определение: «великолепный стиль есть такая отделка речи, которая рождает в слушателе восхищение, отдельными частями и периодами которой восхищается слушатель и изумляется им, словно необыкновенным порождениям ума» (“*stylus admirabilis est cultura sermonis illa, quae audienti admirationem parit, seu ad cuius singula membra et periodos stupet auditor, et velut prodigiosos partus ingenii miratur*”) [Basilevicz 1756: 106 (об)].

В руководстве приведены четыре источника великолепного стиля: парадокс (*paradoxum*), остроумная комбинация антитез (*arguta oppositorum combinatio*), замысловатые гиперболы (*hyperbolae ingeniosae*), использование оживляющих фигур, таких, как вопрос, этопея, просопопея (*figurarum usus, praesertim vivatiorum, ut sunt interrogatio, ethopoeia, prosopopoeia*) [Basilevicz 1756: 107]. Примеры иллюстрируют изысканность барочного красноречия. Так, примером парадокса служит ответ на вопрос: «Почему пчела ищет смерти в янтаре?» «Покорённая красотой могилы, она призвала смерть; рождённая в навозе, она предпочла умереть в драгоценном камне, чтобы блестящая смерть заставила забыть о темноте рождения» (“*Sepulchri capta pulchritudine mortem*

sollicitavit; fimo genita in gemma mori voluit, ut obscuritatem natalium illustri morte aboleret”) [Basilevicz 1756: 107]. Пример комбинации антитез отличается не меньшей витиеватостью и риторической изощрённостью: «святой Амвросий приходил к несчастным, оставляя и покидая счастливых, вместе с тем так увещевал счастливых, что они становились несчастными; его боялись потому, что он никого не пугал, город он оставлял настолько хорошим, насколько плохим получал, и никогда он с такой жадностью не относился к работе, как после длительного труда» (“adibat miseros, ut felices relinqueret et dimitteret, simul ita feliciores admonuit, ut redderet infeliciores, in hoc timendus, quod neminem formidaret, eo meliorem antistiti reliquit urbem, quo deteriore acceperat, nunquam fuit ei labor avidior quam cum diutius laborasset”) [Basilevicz 1756: 107].

М. Базилевич синонимически использует термины «острота» (*acumen*), «концепт» (*conceptus*), «изобретательное суждение» (*ratio ingeniosa*). Центральным термином является острота, которая определяется автором риторического руководства как «остроумное и неожиданное высказывание, уместно извлечённое из какого-либо предмета и к этому предмету применённое» (“*dictum ingeniosum et inexpectatum apte erutum ex aliqua re et illi rei applicatum*”) [Basilevicz 1756: 111 (об)].

В смоленском руководстве перечислены четыре основных источника острот. Первым и важнейшим ритор считает противоположности, несходство, противоречия (*opposita, dissimilia, repugnantia*). Свойства, следствия, обстоятельства, касающиеся одного предмета, следует попробовать применить к другому предмету, противоположному первому («*umbra Petri lucem multis attulit*» – «тень Петра многим принесла свет»), либо к одному предмету отнести противоположные признаки («*invictus a viris, victus a feminis*» – «непобеждённый мужчинами, был побеждён женщинами»). Сюда же Базилевич относит и примеры оксюморона: «*disertissimus cum taceret*» (красноречивейший в молчании), «*ipsa felicitate infelix*» (в самом счастье несчастный), «*inglorius triumpho*» (лишённый

славы во время триумфа), «*depressit eum fortuna dum erexit*» (судьба повергла его, когда вознесла) [Basilevicz 1756: 112-112 (об)].

Вторым источником остроумия ритор называет чуждое (*aliena*), показывая, как остроумное выражение возникает при наделении предмета чуждыми ему свойствами, например: «*gignit amor lacrymas, quis putet ignis aquas?*» («любовь рождает слёзы; кто бы подумал, что огонь рождает воду?») [Basilevicz 1756: 112 (об)].

Третий источник остроумия, по Базилевичу, – сопоставление и сравнение (*comparatio et similitudo*). У сопоставляемых предметов можно найти сходство или различие, например, о знаменитом человеке можно сказать так: «*illustis vixisti per omnia soli non absimilis nisi quod suam iste quandoque patitur eclipsim, tu contra nescis deficere*» («ты блестяще прожил жизнь, во всём подобный солнцу, но только у него иногда бывают затмения, ты же, напротив, не знаешь неудач») [Basilevicz 1756: 113 (об)].

Наконец, четвёртый источник – аллюзия (*allusio*), которая понимается очень широко, как разнообразная игра слов, обыгрывающая их значение и сходство, например: «не бывает хорошего (*probe*) без постыдного (*probris*)» [Basilevicz 1756: 113 (об)]. Базилевич выделяет пять видов игры слов (*lusus in verbis*). Первым видом является паронимия, вторым видом ритор называет игру слов, опирающуюся на их этимологию, к третьему типу относятся примеры языковой игры, основанной на употреблении одного слова в разных значениях, к четвёртому типу относится игра однокоренными словами и к пятому типу – анаграммы [Basilevicz 1756: 113 (об)-114].

Автор нижегородской риторики 1766 г. рекомендует использовать некоторые виды языковой игры в развёртывании топосов. Например, топос имени можно развернуть с помощью анаграммы: *laudatores* (хвалители) – *adulatores* (льстецы) [Rhetorica 1766: 31 (об)]. Однако ритор предостерегает от неумеренного увлечения аффектацией, называя стиль, весь состоящий «из пышности и демонстративности» (*totum ad pompam et ostentationem compositum*), везде

использующий «прелесть и игру ума» (*amoenitatem et lusum ingenii adfectans*), софистическим или витиеватым. Подобный стиль, по его мнению, уместен иногда в речи молодых людей, но мужам «подобает более суровое и мужественное красноречие» [*Rhetorica* 1766: 52].

В риторике, составленной в Рязанской семинарии в 1759 году, приведено несколько определений остроты: «*Acumen definitive juxta alios est concors discordia vel discors concordia. Juxta non ullos est ratio ingeniosa et dictum inexpectatum. Juxta alios: est causa a vulgari sermone remota, habens vim excitandi homines, novitate sua in admirationem*» («Одни определяют остроту как согласное несогласие или несогласное согласие. Другие – как изобретательное суждение и неожиданное высказывание. Согласно третьим, это высказывание, далёкое от обычной речи, обладающее способностью вызывать в людях восхищение своей новизной») [*Praecepta* 1759: 95]. Первое определение взято из сочинения польского иезуита Сарбевию (Мацея Сарбевского) “*De acuto et arguto*”, являвшегося одним из источников данной риторики: “*Acumen est oratio continens affinitatem dissentanei et consentanei, seu dicti concors discordia vel discors concordia*” [*Sarbiewski* 1958: 5] («Острота есть высказывание, сталкивающее несогласное и согласное, иначе говоря, согласное несогласие или несогласное согласие»). Важно отметить, что оксюморон, сближающий эти противоположные понятия, встречался у многих античных авторов [см. *Riklius* 2022], например:

“*Quid velit et possit rerum concordia discors*” (Horatius, *Epist.* 1, 12, 19)

«Что желает и может несогласное согласие вещей» (дословный перевод)

«Сила и цель какова любви и раздора в природе» (пер. Н. С. Гинцбурга)

“*Temporis angusti mansit concordia discors*” (Lucanus, *Pharsalia*, 1, 98)

«Краткое время раздор под личиной согласия скрывался» (пер. Л. Е. Остроумова)

“*Et discors concordia fetibus apta est*” (Ovidius, *Met.* 1, 433)

«...для плодов несогласье согласное в пользу» (пер. С. В. Шервинского).

Образ, который в античной поэзии выражал гармонию противоположностей в природе и человеческом обществе, Сарбевий использовал для меткого определения остроты. Наглядно суть остроты он представил в виде равнобедренного треугольника, основанием которого является материя (т. е. какое-либо явление), одна сторона означает соответствующее природе этого явления, другая – несоответствующее, а в точке их пересечения рождается острота [Sarbiewski 1958: 22]. Формула *discors concordia* удачно передаёт суть не только остроты, но и барочной риторики в целом, сочетающей, казалось бы, несочетаемое: духовное и светское, античное и христианское, гармоничное и дисгармоничное.

В рязанском руководстве остроты делятся на поэтические и риторические, а также на противоречащие природе («сильный мороз обжигает тело»), превосходящие природу (сравнение Христа с цветком, зацветающим в зимнюю стужу) и соответствующие природе («воздвигнуть трофей до сражения») [Praecepta 1759: 95 (об)-96].

Рязанский ритор насчитывает двенадцать способов образования острот – соединение, разделение, привлечение, отторжение, превращение, преувеличение, преуменьшение, умножение, перенос, сопоставление, противопоставление, уподобление [Praecepta 1759: 96].

Многие примеры в рязанской латинской риторике приведены на русском языке. Они заимствованы из «Краткого руководства к красноречию» М.В. Ломоносова (к сожалению, без ссылки), что свидетельствует о быстром распространении и влиятельности ломоносовской риторики.

В седьмой главе «Краткого руководства...» М. В. Ломоносова остроты, как уже было отмечено, названы «витиеватыми речами», «замысловатыми словами» или «острыми мыслями» [Ломоносов 1957: 204], Несмотря на ироничную оценку российским учёным витиеватого стиля итальянских авторов, остротам отведено в его руководстве значительное место, а яркие примеры остроумных выражений на

русском языке, приведённые Ломоносовым, вошли и в некоторые латинские рукописные риторик.

Определения и примеры из «Краткого руководства», помещённые в главе седьмой «О изобретении витиеватых речей», обнаруживаются в следующих разделах рязанской риторики: §§ 5 и 6 «*Quin et quotuplex est acumen*» («Что такое острота и сколько у неё видов») и «*De modis formandorum acuminum*» («О способах образования острот») главы 1 «*Quin et quotuplex elocutio*» («Что такое словесное выражение и сколько у него видов») книги IV «*De elocutione*» («О словесном выражении»).

Материал в разделах двух риторик структурирован по-разному. У Ломоносова глава начинается с определения витиеватых речей: «Витиеватые речи (которые могут ещё назваться замысловатыми словами или острыми мыслями) суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или и чрезъестественным образом, и тем составляют нечто важное или приятное» [Ломоносов 1957: 313]. В определении Ломоносова сделан акцент на грамматической сущности остроты, подчеркнута необычность сопряжения субъекта и предиката в витиеватой речи.

В рязанской риторике, как уже отмечалось, приведено несколько определений понятия *acumen*, но ни одно из них не соотносится с ломоносовским.

Ломоносов насчитывает 14 способов образования витиеватых речей (соединение, разделение, приложение, отъятие, *включение*, *выключение*, пренесение, превращение, увеличение, умаление, умножение, уравнение, противоположение, уподобление). В рязанской риторике приведены 12 – те же и в том же порядке, что и в ломоносовской риторике, кроме включения и выключения (*conjunctio*, *divisio*, *adjectio*, *detractio*, *translatio*, *transmutatio*, *exaggeratio*, *diminutio*, *multiplicatio*, *comparatio*, *contrapositio*, *similitudo*).

В обеих риториках только перечислены данные способы (без приведения примеров), а затем подробно, на конкретных примерах, рассматривается другая

классификация способов образования острот, в которой они соотнесены с риторическими топосами.

Очевидно, что при рассмотрении способов образования острот рязанский ритор ориентировался на текст риторик Ломоносова. Однако это не полное заимствование, а адаптация. Изменена последовательность изложения материала, внесены некоторые поправки. Ритор выбирает наиболее наглядные примеры из ломоносовской риторики и приводит их на русском языке. Примеры из Ломоносова образуют, таким образом, вкрапления русского текста в латинской риторике. Но в риторику включены и латинские примеры, взятые из других источников.

Всего в этом параграфе приводится 31 пример образования острот из топосов, из них – 25 примеров на русском языке, взятых из трактата Ломоносова, и только 6 латинских примеров. Таким образом, основным источником примеров является «Краткое руководство к красноречию». Для сравнения, Ломоносов даёт гораздо больше примеров образования острот в соответствующем разделе риторики (всего 71 пример).

В риторике Ломоносова показано образование острот не от всех топосов. Например, отсутствует топос «определение», во всех перечнях топосов, как правило, идущий на первом месте. В рязанской риторике этот пробел восполнен. Рязанский ритор указывает, что остроумное высказывание получится, если определить предмет речи остроумно и необычным способом (*argute et insolito modo*). В качестве примера приводится определение девы Марии: «*est flos a sterili gleba progenitus*» («цветок, рожденный на бесплодной почве») [*Praecepta* 1759: 96 (об)].

Примеры острот, образованных от значения имени, приводятся в обеих риториках. Рязанский ритор даёт для данного случая латинские примеры, обыгрывающие значение имени собственного. Так, имя Иоанн означает «милость», следовательно, о нем можно сказать «*quo magis sibi asperior, eo populo fuit gratiosior*» («он был чем суровее к себе, тем милостивее к народу»), а о

Николае говорится: «victor Nicolaus non potuit Satanam vincere, nisi prius se vicerit» («победитель Николай не смог бы победить Сатану, если бы прежде не победил себя»). В примерах Ломоносова используется значение имени Caesar, появляется анаграмма имени «Мария».

Для иллюстрации способов образования острот от топосов свойств, времени, места, сходства, противоположности рязанский ритор выбирает наиболее яркие примеры из риторики Ломоносова.

Следует отметить, что во многих случаях не только примеры, но и теоретические положения можно соотнести с текстом Ломоносова. В отличие от примеров теоретические пояснения даны в буквальном переводе на латинский язык. Сравним фрагменты обеих риторик, в которых говорится о способах образования острот из топоса «перечисление частей».

Риторика Ломоносова:

«От частей рождаются витиеватые речи,

1 Когда разным частям одно действие приписывается, заключенное в одном глаголе, относимом к двум страждущим вещам. *Благочестивый монарх единой рукою бога, а другою подданных объемлет*» [Ломоносов 1957: 315].

Рязанская риторика:

«A partium enumeratione fiunt acumina

1) quando una operatio inclusa in uno verbo ad res diversas pertinente diversis partibus tribuitur. *Благочестивый монарх единой рукою бога, а другою подданных объемлет*» [Praecepta 1759: 96 (об)].

Кроме данного примера, заимствуются ещё три ломоносовских примера образования острот от данного топоса («Лице светлое щедротою, уста утешением сладкия, грудь, искренностию отверстая», «Великий Пётр хотя отнят от нашего зрения, однако в сердцах наших всегда пребывает», «Льстивый человек мёд на языке, яд в сердце имеет») и добавляется ещё один латинский пример, иллюстрирующий отсутствующий у Ломоносова случай, когда часть представляется больше целого: «quem orbis capere non potuit, hunc tricubitale

occlusit sepulchrum» («Того, кого не смог поймать весь мир, удержала могила размером в три локтя»).

Отметим и другие случаи, когда рязанский ритор вносит какие-либо дополнения или иначе классифицирует ломоносовские примеры. Так, пример из Иоанна Златоуста «Дай нищему землю, дабы получить небо, дай пенязь, дабы приобрести царство, дай нищему, дабы ты дал себе. Дай: ибо что ты дашь нищему, то сам иметь будешь; чего не дашь, достанется другому» [Ломоносов 1957: 321] у Ломоносова возводится к топосу причины, у рязанского ритора – к целевой причине или к цели [Praecepta 1759: 98 (об)].

Способы образования острот от рода и вида приводятся из риторики Ломоносова в буквальном переводе на латинский (например: «От рода и вида произведены бывают витиеватые речи 1) чрез соединение, когда виды, некоторое сопротивление или несходство имеющие, соединяются вместе» [3: 314]; «A genere et specie eruuntur acumina 1) per copulationem quando species quandam contrarietatem aut dissimilitudinem inter se habentes in unum conjungunt» [Praecepta 1759: 97], примеры приводятся на русском языке. Среди них, в частности, перевод двустипшия из «Метаморфоз» Овидия («В златые дни со львом бессильный агнец спал, И голубь с ястребом безбедно в лес летал») [Praecepta 1759: 97]. Рязанский ритор добавляет ещё один способ образования острот от данного топоса и приводит (не очень убедительный) пример из Иоанна Златоуста на латинском языке: «Quando genus cum specie pugnare videntur. Eg.: divus Chrisostomus: abstinentia tua non virtus, sed peccatum est, cum non comedis carnem, sed comedis fratrem» («Когда кажется, что род борется с видом. Напр., божественный Златоуст: твоё воздержание – не добродетель, а грех, ведь ты не ешь мяса, но поедаеть брата»).

Рязанский автор приводит пример образования остроумного высказывания от обстоятельств судьбы. Этот топос не упомянут Ломоносовым: «D. Athanasius de Nativitate Christi libet hodie admirari? Qui in excelsis liber est, in terris describitur. Illic Dei filius hic servus, in coelis dives, humi pauper, in coelis adoratur, humi vectigal

pro eo solvitur» («божественный Афанасий о рождестве Христа: можно ли сегодня удивляться, что тот, кто в небесах свободен, на земле причислен к рабам? Там сын бога, здесь раб, на небесах богач, на земле бедняк, на небесах его чтут, на земле с него взимают подать») [Praecepta 1759: 98]. Учитывая способ образования высказывания, логичнее было бы возвести его к топосу противоположности.

От предыдущего и последующего Ломоносов советует три способа образования острот: когда предыдущее подобно есть последующему; когда предыдущее с последующим соединяется и когда предыдущее с последующим противны. В рязанскую риторику переносится (вместе с примером о потопленных младенцах) только второй способ, а также выделяется ещё один способ: «quando consequentia praecire videntur sua antecedentia. Eg.: de divo Gregorio Nazianzeno: senectus illius praecessit juventutem, et sapientia ignorantiam» («когда последующее кажется происходящим раньше, чем предшествующее, напр. О божественном Григории Назианзине: старость его предшествовала молодости, а мудрость – неведению») [Praecepta 1759: 98 (об)].

Интерес к приёмам языковой игры свидетельствует о высоком уровне речевой изошрённости российских риторов, об их стремлении к разнообразию, богатству и изяществу словесного выражения. В основе представлений авторов российских риторик XVIII века о видах языковой игры в ораторской речи лежит теория остроумия, восходящая к античной науке о красноречии.

2.2.4 Memoria et actio

Логика расположения материала, отражавшаяся в наличии и последовательности глав, трактовавших отдельные части риторического канона, в структуре учебных книг могла быть различной. В частности, последним двум частям канона не во всех руководствах посвящались специальные разделы и главы, а их трактовка разными авторами отличалась своеобразием.

Составитель московского руководства 1744–1745 гг. не считает нужным рассматривать этапы запоминания и произнесения, отсылая учащихся к труду

Киприана Соареса: “De reliquis etiam duabus partibus orationis, videlicet de memoria et pronunciatione sufficiens notitia haberi potest ex Cipriani praescriptis” [Emporium 1744–1745: 118 (об)].

В вологодской риторике 1764 года [Наставления 1764] о запоминании и произнесении рассказывается в разделе “Dispositio”.

Заключительные части риторического канона рассматриваются в вологодской риторике обстоятельно и детально, хотя и считаются её составителем менее важными (“*minoris momenti rhetoricae partes*”) [Наставления 1764: 104 (об)].

Особенностью вологодской рукописи являются многочисленные ссылки на античных авторов. Ссылаясь на «Риторику к Гереннию», автор руководства определяет память как «прочное восприятие духом вещей, слов и их расположения» (“*memoria est firma animi rerum et verborum et dispositionis perceptio*”) [Наставления 1764: 104 (об)].

Похожее определение приводится в коломенской риторике: “*Memoria est facultas, qua, quae audimus vel legimus, percipimus et in mente tenemus*” [Praecepta 1761: 180 (об)] («Память есть способность воспринимать и удерживать в уме то, что мы слышим или читаем»). Коломенский ритор даёт также перифрастическое определение памяти, уподобляя её хранительнице и сокровищнице наук: “*custos et thesaurus scientiarum*” [Praecepta 1761: 180 (об)].

В риторике из Вологды различается естественная, «процветающая сама по себе» память и искусственная, требующая упражнений и стараний. Примерами обладателей прекрасной естественной памяти служат Сенека-оратор и Фемистокл. В руководстве приводятся практические советы по тренировке памяти. В частности, даны рекомендации, в какой последовательности лучше всего запоминать текст. Сначала ритор советует всё отчётливо понять и как следует разобрать, затем разделить текст на части и, наконец, многократно повторять. Подчёркивается необходимость ежедневной тренировки памяти: “*Quotidie aliquid memoriter disce: alias enim silvescet memoria*” («Каждый день учи что-нибудь наизусть. Ведь иначе память одеревенеет») [Наставления 1764: 105].

По мнению ратора, лучше всего учиться утром и в уединении (ведь, как известно, Аврора – подруга Муз), не читать сразу несколько книг, чтобы не рассеивать внимание и тем самым не ослаблять память, заботиться о здоровье и трезвости головы (“capitis sanitatem et sobrietatem curet orator”), избегать волнения чувств (“commotio affectuum vitanda”) [Наставления 1764: 105 (об)]. Наилучшим инструментом помощи памяти вологодский ритор считает «старательные упражнения в стиле и упорное подражание лучшему автору, к которому стремишься приблизиться» (“stili diligens exercitatio et assidua optimi auctoris, quem familiarem tibi vis reddere, imitatio”) [Наставления 1764: 105 (об)].

Детально, в отдельных главах, рассматриваются память и произнесение в смоленской риторике Мануила Базилевича [Basilevicz 1756]. Изложение материала имеет форму вопросов и ответов. Память определяется как “facultas animae conservans, quae cognovimus, vel est comprehensiva mentis virtus, qua ea retinemus, quae sensu vel mente praecipimus” («способность души сохранять то, что мы узнали, иначе – сохраняющая способность ума, благодаря которой мы удерживаем то, что воспринимаем чувствами или умом») [Basilevicz 1756: 124 (об)]. Среди многочисленных советов по развитию памяти встречаются оригинальные и неожиданные рекомендации – например, М. Базилевич советует начинать заучивать речь с конца, чтобы лучше всего усвоить её важнейшую часть, представлять разные образы зданий, садов, комнат и с ними связывать определённые части речи или периоды, а также учить речь с того же листа бумаги, на котором составлялась речь, “ne locatis memoria confundatur” («чтобы не загружать память расположением») [Basilevicz 1756: 124 (об)].

В риторике из Нижегородской семинарии [Rhetorica 1766] память трактуется как часть произнесения: “Actio sive pronuntiatio est vocis et gestus in dicendo moderatio cum venustate, ea tria potissimum complectitur: memoriam, vocem et gestum” («Произнесение есть умеренность и прелесть голоса и жестов в речи, включает прежде всего три части: память, голос и жест») [Rhetorica 1766: 57].

В нижегородской риторике в трактовке запоминания и произнесения имеются буквальные совпадения с текстом риторики из Рязанской семинарии [Praecepta 1759]. Очевидно, тексты обеих риторик восходят к общему источнику. Несмотря на то, что рязанское руководство хронологически более раннее, в нём больше неточностей, описок и ошибок, которые можно объяснить неправильным прочтением письменного источника (например, “monstroniae” вместо “monotoniae”). Поэтому целесообразно рассмотреть сразу две риторики, ориентируясь преимущественно на текст нижегородского руководства.

Следует отметить, что в рязанском руководстве трактовке двух последних частей риторического канона посвящена отдельная книга “De memoria et pronunciatione”, разделённая на главы и параграфы. Книга открывается подробным рассуждением о важности памяти и произнесения, заимствованным из риторики Феофана Прокоповича. В качестве своего источника рязанский ритор называет Квинтилиана, цитируя слова Феофана: “Quaerquam autem ista naturae potius, quam artis dona sunt, observarunt tamen antiqui sophistae multa in hanc rem praeecepta, quorum selectiores Fabius collegit, ex his aliqua hic subjiciemus” («Хотя это больше дары природы, чем искусства, античные софисты составили относительно этого много предписаний; Фабий собрал избранные предписания, некоторые из них мы здесь приведём») [Praecepta 1759: 109; Прокопови́ч 1982: 454]. В целом разделы о памяти и произнесении в рязанской риторике представляют собой выдержки из риторики Феофана Прокоповича.

Нижегородский ритор лишь один параграф отводит в своём руководстве памяти, утверждая, что она упражняется учением (“memoria discendo excolitur”), и сообщая три условия, при которых облегчается запоминание: “quum orator 1) dispositionem sermonis, quem dicturus est probe tenet; 2) connexiones potiores firmiter animo imprimit. 3) constructiones permutare in tempore addiscit” («когда оратор 1) хорошо представляет расположение речи, которую ему предстоит произнести; 2) твёрдо запечатлел в душе важнейшие связи; 3) научился в нужное время менять конструкции») [Rhetorica 1766: 57].

Рязанский автор более обстоятельно говорит о памяти, отводя ей особый раздел. Тренировку памяти он советует начинать с заучивания поэтических произведений, а затем переходить к ораторским, подчёркивает, что после сытного обеда память ослабевает [Praecepta 1759: 110].

Произнесению речи авторы риторик уделяют немного внимания, но всё же признают его значение для успеха ораторского выступления. В вологодском руководстве выделяются две части этапа произнесения речи – “*figura vocis et motus corporis*” («звучание голоса и движения тела») [Наставления 1764: 105 (об)]. Многочисленные рекомендации относятся к тому, каким голосом нужно произносить различные части ораторской речи. Например, автор риторики советует в начале речи, чтобы сохранить силы, говорить тихо и приглушённо, а затем постепенно усиливать мощь голоса; когда в речи передаётся разговор, отражать разнообразие голосов; о том, что было сделано проворно, говорить быстро, а говоря о сделанном без спешки, замедлять голос, в остальных же случаях говорить простым, открытым голосом; при демонстрации использовать немного повышенный тон, частые паузы и остановки; в споре быстро и громко закончить речь, чтобы закрепить её мимолётную силу (“*vim volubilem*”); в эпилоге, когда возбуждаются аффекты, говорить страстно, словно уже одержав победу, и т. д. [Наставления 1764: 106].

Произнесение признаётся плохим, “*si sit rudis, vel delicata, vel jactantia puerili; si fiat cantu, vel uno tono; si ululando et supra vires clamando; suspiriis interrumpatur; si per nares declametur; si praecipitanter vel nimis tarde; si sternutando, oscitando, tusciendo et mucendo; si integrae dictiones, vel syllabae maxime ultimae absorbeantur; si verborum sensus, aut periodorum junctura discerpatur; si denique supra dictiones accentus non efficax, non conveniens neque naturalis imprimatur*” («если оно грубое, вялое, по-мальчишески хвастливое; если оно напоминает пение или монотонно; если с завываниями или криком на пределе сил; если прерывается вдохами; если говорят в нос; если торопливое или слишком замедленное; с чиханием, зеванием, кашлем и сплёвыванием; если проглатываются целые слова

или слоги, особенно последние; если теряется смысл слов или связь периодов; если, наконец, ставится неправильное, непривычное или неестественное ударение») [Наставления 1764: 106].

Столь же конкретные и обстоятельные советы даются вологодским ритором относительно использования жестикуляции и мимики, которые объединяются понятием *motus* и определяются как “*corporis gestus et vultus moderatio quaedam, quae pronuncianti convenit et probabiliora reddit ea, quae pronunciantur*” («движения тела и изменения в лице, подобающие произносящему и делающие более достоверным то, что произносится») [Наставления 1764: 106 (об)]. Последовательно рассматриваются *caput, vultus, humeri, brachia, manus*, т. е. положение и движения головы, лица, плеч, предплечий, рук. Объединяют все рекомендации требования сдержанности, умеренности и уместности. Например, голова, по мнению ритора, не должна быть чересчур выпрямленной или совсем склонённой, но естественно поставленной, плечи не следует поднимать, руками не двигать (в редких случаях допускаются движения правой рукой или попеременные движения рук при противопоставлении). Лицо в соответствии с природой вещи должно быть радостным, печальным, мягким, грозным, прямым, склонённым (“*debet pro rerum natura esse laetus, tristis, blandus, minax, erectus, demissus*”) [Наставления 1764: 106 (об)]. К порокам в жестах и движениях оратора относятся следующие: “*supercilia tollere, humeros superbe allevare, minibus more histrionum gesticulare, plaudere, fulcire latera, pectus ferire aut femur, supplodere pedibus, cachinnari, ejulare*” («высоко поднимать брови, высоко поднимать плечи, гримасничать по обычаю актёров, хлопать, упираться руками в бока, бить себя в грудь или бёдра, топтать ногами, хохотать, рыдать») [Наставления 1764: 106 (об)].

Более подробные рекомендации автор руководства советует искать у Цицерона, которого он считает автором «Риторике к Гереннию», а также в книге для проповедников «Духовное наставление» (“*Regulamentum spirituale*”) [Наставления 1764: 106 (об)].

В смоленской риторике М. Базилевича также собраны конкретные советы относительно произнесения, но все они сводятся к требованиям уместности и умеренности. М. Базилевич подчёркивает важность и необходимость школьных риторических упражнений, хотя и не отрицает разницу между школьной теорией и реальной жизненной практикой. По его мнению, «очевидно большое различие между теми, чьи руки подобающе научены школьным жестам, и теми, у кого правая рука беспорядочно движется или покоится, словно высохшая, как у парализованного оратора» (“magnum apparet discrimen inter eos, quorum manus scholasticis gestibus probe sunt instructae, et inter eos, quorum dextra sine lege vagatur, aut veluti arida in paralytico oratore quiescit”) [Basilevicz 1756: 126]. Смоленский автор, ссылаясь на Цицерона и Коссена, который именуется «первым из риторов нашего времени» (“rhetorum huius aevi princeps”), подкрепляет свою мысль сравнением получивших школьное образование ораторов с игроками в мяч, прошедшими обучение в палестре и во всём уступающими гладиаторам [Basilevicz 1756: 126].

В нижегородском и рязанском руководствах трактовка произнесения, как уже отмечалось, имеет много общего, поскольку для обеих риторик основным источником является трактат Феофана Прокоповича. Нижегородский ритор пересказывал, сокращал текст источника, предлагал свои трактовки, в рязанской риторике чаще встречаются буквальные заимствования.

В нижегородской риторике к произнесению, наряду с памятью, отнесены голос и жест. Что касается голоса, нижегородский ритор советует обратить внимание на звук и ударение. Звук (sonus) должен быть: “a) clarus, qui audiatur, b) expressus, qui intelligitur, c) suavis, qui aures demulceat” («а) звонким, чтобы был слышен; б) выразительным, чтобы был понятен; в) приятным, чтобы услаждал слух») [Rhetorica 1766: 57]. Ударение (accentus) понимается в широком смысле как интонация. Ударение должно быть: “a) efficaci, qui sensum verborum cum impressione indicet, b) conveniens, qui debito loco adhibeatur, c) naturalis, qui ab indole dicentis non videatur alienus” («а) действенным, т. е. подчёркивающим смысл

слов; б) уместным, т. е. применённым на должном месте; в) естественным, т. е. не казаться чуждым природе говорящего») [Rhetorica 1766: 57 (об)]. В формулировке требований к звуку и ударению отметим дословное совпадение с текстом рязанской риторики [Praecepta 1759: 110 (об) – 111 (об)]. В примечании к параграфу нижегородский ритор напоминает о том, что голос оратора должен соответствовать чувствам [Rhetorica 1766: 57 (об)].

Рязанский ритор, опираясь на Феофана Прокоповича, приводит рассуждение о соответствии голоса разным частям ораторской речи. Так, во вступлении заслуживает похвалы голос приглушённый, сдержанный, мягкий, скромный (“*vox submissa, sedata, lenis, verecunda*”) [Praecepta 1759: 111; Procopovič 1982: 461], только в стремительных вступлениях бывает уместно выражать аффекты. В повествовании одобряется голос, соответствующий разговорной речи, открытый и простой (“*vox sermoni proxima, aperta et simplex*”) [Praecepta 1759: 111; Procopovič 1982: 461–462]. В части, содержащей доказательство, необходимо большее разнообразие голоса, так как аргументация обычно требует более веского, живого, пылкого произнесения (“*argumentatio plerumque graviorem, agiliorem, acriorem pronuntiationem postulat*”) [Praecepta 1759: 111; Procopovič 1982: 462]. Аффектация допускается и в заключении, где, согласно ритору, голос должен следовать душевным аффектам (“*affectus animorum vox sequi debet*”) [Praecepta 1759: 111; Procopovič 1982: 462].

Жесты как в нижегородском, так и в рязанском руководствах определяются как положение всего тела и важнейших его частей (“*gestus totius corporis ac praecipuorum ejus membrorum conformationem comprehendit*”) [Rhetorica 1766: 57 (об); Praecepta 1759: 111 (об)]. Чтобы правильно использовать жесты, начинающему ритору рекомендуется внимательно подумать над тем, каков сам оратор, каковы слушатели и каков предмет, о котором пойдёт речь. Этот универсальный совет не содержит конкретных рекомендаций о применении жестов и, безусловно, может иметь отношение к любому этапу подготовки речи. В рязанской риторике, кроме этого совета, приводится предписание,

отсутствующее в нижегородской рукописи: “gestus itaque omnis fons et praecipuus moderator adfectus esse debet, nisi histrionum more gesticulari voluerimus: praestatque in agendo eo partiolem [parciolem?] esse oratorem, quam inani vanitatis adfectione ridiculum atque odiosum” («итак, жесты должны быть всеобщим источником и главным усмирителем аффектов, если мы не хотим жестикулировать подобно актёрам; и лучше, чтобы оратор в произнесении был скуповат, чем смешон и ненавистен пустой и суетной аффектацией» [Praecepta 1759: 111 (об)].

Лаконичность трактовки произнесения ощущается самим автором нижегородской риторики. Главу “De actione sive pronuntiatione” он заключает такими словами: “Quae hoc loco breviter et in aliis libellis rhetoricis copiosius praecipuntur, a naturae benignitate potissimum petenda sunt. Emendari tamen, augeri ac perfici in dies possunt vel maxime crebra discentium exercitatione. Nihil enim credimus esse perfectum, nisi ubi natura cura juvetur” («Всё то, что здесь кратко, а в других риторических книгах – более пространно рассматривается, более всего зависит от благосклонности природы, но постепенно может быть исправлено, дополнено и улучшено частыми упражнениями учащихся. Ведь мы верим: ничто не совершенно, если природе не помогают усердием») [Rhetorica 1766: 57 (об)].

Таким образом, в интерпретации памяти и произнесения как частей классического риторического канона авторы различных рукописных риторик XVIII века на латинском языке подчёркивают главную роль природных дарований, но и указывают на необходимость усердных упражнений. В своих наставлениях они приводят многочисленные практические советы, опираясь не только на античную и европейскую риторическую теорию, но, очевидно, и на свой жизненный опыт.

ГЛАВА 3

ВИДЫ И ЖАНРЫ КРАСНОРЕЧИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ РУКОПИСНЫХ РИТОРИК XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ различных рукописных риторик на латинском языке, составленных и применявшихся в учебной практике в России XVIII века, позволяет понять, как формировались представления о системе речевых жанров в русской риторике этого времени. В разных риторических руководствах выбор и номинация жанров имеет свои особенности.

Переходя от изучения общей риторики к частной, авторы латинских рукописных руководств по риторике так или иначе затрагивают проблему классификации красноречия, выделения отдельных видов речей. Античная классификация видов красноречия, в соответствии с которой речи делились на эпидейктические, совещательные и судебные, представлялась, как правило, не вполне пригодной для нового времени. Авторы рукописных риторик на латинском языке, создававшихся и находивших применение в учебной практике в России XVIII века, повторяют эту схему вслед за Аристотелем [Rhetorica 1766: 58], однако в разделах, посвящённых конкретным риторическим жанрам, предлагают иные классификации.

Так, например, автор нижегородского риторического руководства 1766 г. рассуждает о различии между красноречием древним и новым следующим образом: “...triplex erat Graecis et Latinis dicendi occasio: vel enim in conventibus publicis verba erant facienda, ubi genus demonstrativum obtinebat, laudando aut vituperando occupatum, vel in conciliis et comitiis populi, ubi deliberativo opus erat, in suadendo vel dissuadendo occupato, vel in foro et judiciis, ubi juridicali genere utendum erat, quo accusabant vel defendebant” [Rhetorica 1766: 58] («...у греков и римлян было три повода для речей: либо на общественных встречах они должны были держать речи, где требовалось эпидейктическое красноречие, занятое

похвалой или порицанием, либо в народных собраниях, где необходимо было совещательное красноречие, занятое убеждением или разубеждением, либо в суде, где использовали судебное красноречие, в котором обвиняли или защищали»).

Античную классификацию автор нижегородской риторики находит устаревшей: “Postquam ergo hodie nec in populi conciliis deliberatur integris orationibus, nec in foro (saltem apud Germanos) eloquentiam ostendant causarum patroni, et quae supersunt solemnes panegires, longe alius plerumque sunt generis, quam antiquae illae facile patet triplicis istius causarum generis, quo universa veterum rhetorica nititur. Non alium fere hodie superesse usum, nisi ut antiquorum orationes melius intelliguntur ac dividantur” [Rhetorica 1766: 58(об)] («после того как сейчас на народных собраниях перестали произносить законченные речи, и в суде (в Германии, во всяком случае) защитники не демонстрируют своего красноречия, а сохранившиеся торжественные панегирики обычно совершенно другого рода, чем древние, совершенно ясно, что для трёх родов, на которые опирается вся риторика древних, сейчас не осталось другого употребления, кроме как для лучшего понимания и разбора речей древних авторов»). Нельзя не обратить внимания на то, что, говоря о современном упадке судебного красноречия, автор делает оговорку: «в Германии, во всяком случае». Это одна из деталей, позволяющих допустить предположение, что автор данной риторики, созданной в России на латинском языке, мог быть немцем. В пользу этого предположения говорит и наличие в тексте немецких сокращений.

С другой стороны, ритор отмечает появление нового рода красноречия: “Quandoquidem autem postea in scholis tantum supererant reliquiae eloquentiae latinae, declamationes vero illae umbraticae ad nullum trium generum pertinebant: novum orationum genus invenere doctores, quod quum non tam in persuadendo, quam docendo delectando qui versaretur didascalicum appellaverunt” [Rhetorica 1766: 58] («когда же только в школах остались остатки латинского красноречия, школьные декламации не относились ни к одному из трёх родов. Учёные изобрели новый вид речей,

который имел отношение не столько к убеждению (*persuadendo*), сколько к поучению (*docendo*) и услаждению (*delectando*), и назвали его академическим (*didascalicum, scholasticum*). В результате автор предлагает следующую классификацию видов красноречия: «итак, в наше время красноречие может иметь академическое, политическое, церковное или общее употребление (*usus vel scholasticus, vel politicus, vel ecclesiasticus, vel communis*)» [Rhetorica 1766: 58(об)].

Безусловно, так как риторическое руководство было предназначено для семинарии, в центре внимания автора оказываются церковное и академическое красноречие.

В других риторических рукописных руководствах авторы концентрируются лишь на некоторых, особенно необходимых, по их мнению, речевых жанрах.

Так, в смоленской риторике М. Базилевича центральное, но не единственное, место среди речевых жанров отведено «любезному красноречию». В отдельных небольших главах рассматриваются также такие жанры, как предисловие, посвящение, панегирик, элогий (краткое стихотворение хвалебного содержания), не относящиеся к видам “*eloquentia officiosa*” (любезное красноречие) и “*eloquentia sacra*” (духовное красноречие). Однако чёткой классификации речевых жанров Базилевич не даёт, рассматривая в одном ряду самые разнообразные речевые жанры, некоторые из которых (элогий, посвящение) не могут быть отнесены собственно к ораторским.

Вологодский автор «Наставлений по риторике на примерах из латинских авторов» 1764 г. [Наставления 1764] рассматривает отдельные речевые жанры в разделе, посвящённом расположению. Духовному красноречию в его руководстве отведён специальный раздел. Из светских речевых жанров выделяются *orationes officiosae* и не входящие в эту группу панегирик, хрия, история, письмо. Таким образом, в основу данной классификации положено деление красноречия на духовное и светское, а светское красноречие представлено лишь видами эпидейктических речей.

Автор руководства, составленного в 1744–1745 гг. в Московской духовной академии [Emporium 1744–1745], в зависимости от сферы употребления речей делит красноречие на схоластическое, или школьное, академическое (*eloquentiam scholasticam*), официальное, или любезное (*eloquentiam officiosam*), и духовное (*eloquentiam sacram*).

Схоластическое (школьное) красноречие в данной риторике понимается своеобразно. К схоластическому красноречию, по мнению московского ритора, относятся шесть жанров: *elogium* (элогий), *encomium* (энкомий), *panegyrici* (панегирики), *praefationes* (предисловия), *dedicationes* (посвящения), *inscriptiones* (надписи). Большинство из них по содержанию можно отнести к хвалебным. Отдельная группа – *eloquentia officiosa* – включает приветственные, прощальные, поздравительные, свадебные, благодарственные, просительные речи, которые так или иначе выражают похвалу.

Примечательно, что все руководства уделяют внимание любезным (официальным) речам, а также панегирику, правда, только в одной из риторик – московской – он рассматривается как вид схоластического красноречия.

Таким образом, даже те авторы, которые придерживаются классической классификации, выбирают для изучения лишь те жанры (в латинских риториках используется термин *species*, т.е. «виды»), которые имели распространение в ораторской практике того времени. Отметим, что как в латинском, так и в русском языке XVIII века не существовало слова «жанр», хотя жанровое мышление, безусловно, сформировалось, на что обратил внимание Е. М. Матвеев, автор содержательной монографии, посвящённой панегирику, важнейшему из жанров русской ораторской прозы XVIII века [Матвеев 2009: 141–15].

Безусловно, наиболее распространённым видом красноречия в России XVIII века было эпидейктическое как «наиболее необходимое для самореализации образованного человека» [Маркасова 2009: 41].

Несмотря на то, что в российской риторике XVIII века жанровая классификация красноречия находится всё ещё в стадии формирования, анализ

рукописных риторических руководств на латинском языке показывает, что при всём разнообразии подходов наибольшее внимание составители риторик уделяют доминировавшим в то время жанрам эпидейктического красноречия.

3.1. Академическое красноречие

Автор нижегородской риторики 1766 г., в которой дана наиболее полная классификация риторических жанров, к академическому красноречию относит такие жанры, как лекция (*lectio*), декламация (*declamatio*), торжественная речь (*oratio solennis*), программная речь (*programma*), обсуждение (*disputatio*) и вступление (*prolusio*), непосредственно связанные с академической деятельностью. Многие из этих жанров (а именно декламации, торжественные и программные речи) могут рассматриваться как часть эпидейктического красноречия.

Декламациями называются такие упражнения в речи, «которыми юноши занимаются в школах и подготавливаются к практике будущей жизни. В декламациях изобретение должно быть почти свободным; расположение зависит от учащегося, а словесное выражение от материала» (“*Declamationes vocantur illae dicendi exercitationes, quibus juvenes in scholis occupantur atque ad futurum vitae usum praeparantur. In declamationibus inventio plane libera sit; in dispositione autem discentis, et in elocutione materiae ratio habenda*”) [Rhetorica 1766: 58(об)].

Образцы декламаций ритор советует искать у Квинтилиана, но для новичков считает более полезным начать с подражания речам Мурета. Ссылаясь на Гейнекция, которого он называет знаменитейшим (“*celeberrimus Heinectius*”), автор руководства объясняет, что следует вслед за Гейнекцием отнести речи Мурета к академическому красноречию, так как они сейчас воспринимаются как упражнения для ума и образец для подражания в гимназиях и академиях.

Так как в учебных заведениях ради упражнения часто составляются и произносятся речи самого разного содержания, провести грань между академической школьной декламацией и, допустим, эпидейктической речью

бывает непросто. Однако если произнесения речи требует не польза упражнения, а «повод для декламации и торжественность момента» (“*declamationum occasio et temporum quorundam solennitas*”) [Rhetorica 1766: 59], автор риторики относит такую декламацию к жанру *торжественной речи* (*oratio solennis*).

Программными речами называли письменные сочинения, имевшие публичное распространение и приуроченные к какому-либо торжественному событию. В них могло содержаться уведомление о грядущем мероприятии, обоснование его значимости, либо рассуждение на важную для общества тему. В качестве примера такой речи нижегородский ритор упоминает сочинение Кл. Каппия о причинах испорченности римского красноречия. По содержанию программная речь (*programma*) не отличается от торжественной (*oratio solennis*), но, в отличие от неё, относится к письменным жанрам, на что указывает и этимология слова.

Одним из наиболее распространённых и повседневных жанров академического красноречия является *лекция*. По определению нижегородского ритора, «лекции – это ежедневные речи, с помощью которых в школах и академиях преподаются разные искусства и науки» (“*quotidiani illi sermones, quibus artes et disciplinae in scholis atque academiis traduntur*”) [Rhetorica 1766: 59]. Хотя лекции являются речами в какой-то мере импровизированными, тем не менее они требуют тщательного обдумывания. При этом, по мнению ритора, расположение и метод должны исходить из логики, иллюстрирующие же и побуждающие аргументы вместе с другими украшениями лектору предоставляет риторика.

Особым жанром академического красноречия в рассматриваемой риторике считается *обсуждение* (*disputatio*). К нему относятся разного рода дискуссии, беседы, споры, диспуты в академической среде, то есть устные диалогические речи и то, что принято называть педагогическим общением. В отдельный жанр выделены *вступления* (*prolusiones*), которые обычно предваряют начало цикла лекций, обсуждения и другие академические акты. Стиль таких

речей может быть низким или средним, а примеры их ритор предлагает искать у Мурета.

Составитель московской риторики [Emporium 1744–1745] относит к академическому (школьному, схоластическому) красноречию все жанры, кроме принадлежащих сфере любезного и духовного красноречия, а именно элогий, энкомий, панегирик, предисловия, посвящения, эпитафии. Среди них выделим *предисловия* (praefationes) и *посвящения* (dedicationes). Остальные жанры в большей части риторик относят к эпидейктическому роду. Предисловия рассматриваются как жанр устной речи; они могут произноситься профессорами в академиях перед началом занятий (“in academiis solent dici a professoribus altiorum scholarum in renovatione studiorum”), перед публичными философскими дискуссиями (“ante disputationes philosophicas publicas”), перед публичной защитой диссертаций по теологии (“ante defensiones thesium theologiarum publicas”) [Emporium 1744–1745: 131]. Предисловие, которым предваряется лекция, как правило, должно быть построено вокруг названия темы. В качестве примера ритор приводит вступление к лекции о посвящённых логике сочинениях Аристотеля, объединённых названием Organon. Во вступлении обыгрывается ещё одно значение этого слова (оргán, музыкальный инструмент). После утверждения о тайной силе, которой обладает музыка, привлекающая даже суровые сердца, автор задаёт риторический вопрос: “Sitne aliquid organum certe Aristotelis concentu suo eruditas demulcet mentes, eoque gratius, quod non ad aures dumtaxat penetret, sed et in animum influat” [Emporium 1744–1745: 131] («Разве не ублажает оргán Аристотеля своими созвучиями образованные умы, тем приятнее, что не только ушей достигает, но и в душу проникает?»). Материалом для предисловий наряду с положениями, которые будут защищаться, и искусствами вообще признаётся похвала: “materiam huius modi praefationum esse artes, laudem, seu thesium quas quis defensurus est” [Emporium 1744–1745: 131]. Посвящения в трактовке московского ритора почти не отличаются от предисловий, единственное подчёркнутое отличие – в их письменной форме.

Смоленским ритором М. Базилевичем жанр *praefatio* (*предисловие*) понимается как “*oratio illa, quae ante disputationem alicuius dici solet scientiae et haec ex occasione sententiae solet esse alicuius, quae habetur propugnanda*” («речь, которая обыкновенно произносится перед обсуждением какого-либо учения и содержит высказывание, которое должно быть защищено») [Basilevicz 1756: 86]. И в этом жанре похвала играет центральную роль, что подчёркнуто в смоленской риторике: “*praefatio est laus scientiae vel sententiae ejus, quam defensurus es*” («предисловие – это похвала того знания или высказывания, которое ты будешь защищать») [Basilevicz 1756: 86 (об)]. Ритор приводит примеры доказательств тезиса в предисловиях. Они представляют собой изысканные аллегории, основанные на параллелизме. Так, доказывая, что талант или красота может проявляться и в малом, ритор утверждает: “*quid vela pandimus magnificum ad spectaculum enim ala muscae extendi valet in immensum*” [Basilevicz 1756: 87] («Как паруса мы разворачиваем ради великолепного зрелища, так же и крылышко мухи может быть растянуто до бесконечности»), а тезис о том, что в единстве залог существования государства, украшается аналогией: “*Quamdiu scintillae cohaerent tamdiu flamma est*” [Basilevicz 1756: 87] («Как долго связаны между собой искры, так долго существует пламя»).

Dedicatio (*посвящение*) также, по мнению смоленского автора, обязательно содержит похвалу: “*exprimi debet laus vel sancti vel maecenatis, cui dedicas, per combinationem cum laude libri vel scientiae, cuius dedicas theses*” («должна быть выражена похвала святому или меценату, которому адресовано посвящение, в сочетании с похвалой книге или науке, которой ты посвящаешь труды») [Basilevicz 1756: 87].

Таким образом, выбор и номинация конкретных жанров академического красноречия в рукописных риторических руководствах XVIII века позволяет понять, как формировались представления о системе речевых жанров в русской риторике этого времени.

Можно согласиться с автором московской рукописной риторики XVIII века в том, что хвалебные речи более всего соответствовали требованиям времени. Эпидейктическое красноречие играло доминирующую роль в русской риторике этого периода, хотя следует отметить стремление авторов рукописных руководств отступить от классических античных дефиниций и предложить новые классификации видов красноречия.

3.2. Эпидейктическое красноречие

Безусловно, в центре внимания риторики XVIII века находились жанры торжественного красноречия (панегирик, приветственная речь, прощальная речь и т.д.). О доминировании в риторике этого времени данного рода речей заявляют многие составители рукописных риторических руководств. Так, автор риторического руководства «Венок из неувядаемых цветов Туллианы...» (1745–1746) из Московской Славяно-греко-латинской академии подчеркивает, что самым благородным и достойным родом красноречия является эпидейктическое: “Nos ordimur a nobilissima specie, nimirum a genere demonstrativo, cuius hoc saeculo ut frequentior est usus, ita notitia debet esse perfectior” («Начнём с самого благородного, а именно, с эпидейктического вида красноречия, и поскольку в наше время оно используется наиболее часто, и представление о нём должно быть полнее») [Diademma 1745–1746: 51 (об)].

Феофан Прокопович в трактате “De arte rhetorica” («О риторическом искусстве»), следуя античному канону, рассматривает три рода красноречия – *genus iudiciale* (судебное), *genus deliberativum* (совещательное), *genus exornativum* (торжественное). Наиболее подробно ритор останавливается на наиболее популярном в его время эпидейктическом (торжественном) красноречии, выделяя в нём ряд жанров.

Это, прежде всего, хвалебные речи (*laudes*), а также речи, которые произносятся по различным официальным поводам (*orationes officiosae*).

Хвалебные речи имеют один основной признак – они содержат похвалу Богу, человеку, животному или неживому предмету. Воздействие хвалебной речи на слушателей должно привести к тому, чтобы они начали думать о предмете похвалы лучше, чем до слушания речи.

Феофаном Прокоповичем выделены пять источников похвалы – природа (*natura*), судьба (*fortuna*), образование (*institutio*), деяния и события (*actiones et facta*), обстоятельства (*circumstantiae*). На каждом из них он подробно останавливается. Понятие природы охватывает достоинства тела и души, к дарам судьбы относятся знатность рождения, слава предков, богатство, почести, близость к влиятельным людям. Образование как источник показывает, у кого и чему учился человек, какие у него последователи. Деяния предоставляют наиболее богатый материал для похвалы, ведь, как утверждает Ф. Прокопович, судьба часто отличает недостойных и презирает честных (“*fortuna etiam saepe improbis contingit, et spernit probos*”), природа не в нашей власти (“*natura autem non in nostra est potestate*”), а деяния полностью зависят от человека.

В любой речи, подчёркивает ритор, но особенно в эпидейктической, уместны амплификации, т. е. примеры и рассуждения, делающие речь пространной, развёрнутой, объёмной. На амплификациях, главным образом, строятся и хвалебные речи. Например, в речи по случаю победы необходимо показать, что победа была великой и для её достижения необходимы были мужество, храбрость, военное искусство и т. д. При этом похвала должна относиться к истинным, а не ложным заслугам, иначе ораторы превращаются в болтунов, пустословов (“*ex oratoribus nugatores evadunt*”) [Procopovič 1982: 398]. Другие ошибки, которые часто неумелые ораторы допускают в хвалебных речах, имеют отношение к стилю. Прокопович, в частности, отмечает, что ораторы нередко утомляют слушателей многочисленными отступлениями (“*ultis digressionibus auditorem fatigantes*”) [Procopovič 1982: 399], одно и то же понятие тысячу раз выражают разными синонимами (“*unam eandemque enuntiationem millies synonymice exposuerint*”) [Procopovič 1982: 399].

Искусство составления хвалебной речи заключается, по утверждению ритора, в соответствующей истине похвале, в цветистом остроумии и изяществе стиля (“in verae laudis amplificacione, et floriditate acumine, atque elegantia styli”) [Procopovič 1982: 399]. В расположении должна соблюдаться последовательность от малых и менее значимых заслуг до более крупных и выдающихся деяний. Используя известное высказывания Цицерона из трактата «Об ораторе» (I, 130) о том, что речь должна поучать, услаждать и побуждать (*docere, delectare, movere*) [Цицерон 1972: 100], Феофан Прокопович выбирает для хвалебной речи одну цель – услаждать. Чтобы стиль мог считаться сладостным, он должен быть цветистым (*floridus*) и остроумным (*acutus*), отличаться изящными фигурами (*figuris amoenis distinctus*), содержать приятнейшие и необычные повествования, описания, любопытные сведения и уподобления (“maxime jucundas et insolitas narrationes, descriptiones, eruditiones et similitudines habeat”) [Procopovič 1982: 399]. Совершенным образцом хвалебной речи Феофан Прокопович считает «Панегирик императору Траяну» Плиния Младшего.

Отдельную главу ритор посвятил речам, содержащим похвалу животным, предметам, а также народам и городам. В частности, для похвал городу он выделяет семь источников. Это происхождение (можно рассказать об основании города), древность, богатство, расположение, красота города и городских сооружений (в пример приводится речь голландского гуманиста Юста Липсия о великолепии Рима, в которой он хвалит храмы, бани, форумы, театры, амфитеатры, цирки, портики, дороги, статуи, памятники, арки, трофеи, акведуки), выдающиеся жители города, славные события. По поводу событий Прокопович уточняет, что даже печальные факты можно использовать для похвалы: так, если город много раз захватывался врагами, можно сказать, что это может произойти только с великим городом, ведь молнии обычно поражают высокие башни (“altae turres fulmini magis obnoxiae sunt”) [Procopovič 1982: 403].

Orationes officiosae (официальные речи) составляют вторую разновидность эпидейктических речей. Латинское слово *officium* имеет много значений, но

важнейшие из них – «долг, любезность, внимание». Это подчёркивается Феофаном Прокоповичем, когда он говорит о назначении официальных (любезных) речей: “*quas vocant officiosas, in quibus scilicet amicis, aut benefactoribus gratulando eis aliquam felicitatem, aut illos salutando, officium nostrum exhibemus*” (в тех речах, которые называют официальными, мы проявляем внимание к своим друзьям или благодетелям, поздравляя их с каким-либо счастливым событием или приветствуя) [Procopovič 1982: 397].

Orationes officiosae, в зависимости от времени, места и ситуации их произнесения делятся на поздравительные (*gratulationes*), приветственные (*salutationes*), прощальные (*valedictiones*), благодарственные (*gratiarum occasiones*), надгробные (*funebres*), сопровождающие вручение даров (*munerum oblationes*). О каждом жанре официальных речей Феофан Прокопович рассказывает подробно, рассматривая его цель, особенности содержания и формы. Так, цель поздравительных речей, согласно Ф. Прокоповичу, продемонстрировать радость по случаю какого-либо счастливого события, цель надгробной речи – воздать похвалу умершему.

К данной группе Феофан Прокопович относит также различные надписи, например, посвятительные надписи на книгах (*operum dedicationes*), эпитафии (*sepulchrarum inscriptiones*), и элоги (*elogia*), которые ритор понимает как надписи на триумфальных арках, обелисках, пирамидах, скульптурах, театрах, амфитеатрах и прочих памятниках. Собственно говоря, надписи не могут рассматриваться как ораторские жанры из-за их письменного характера. Феофан Прокопович это признаёт, но всё же считает нужным кратко остановиться и на этих жанрах, подчёркивая их сложность. Также он отмечает популярность надписей, сетуя, что многие пробуют силы в этих жанрах, но мало кому удаётся их освоить (“*multosque sectatores sed sane rarissimos possessores*”) [Procopovič 1982: 418].

Эпидейктическое красноречие в рукописных российских риториках XVIII века представлено двумя видами – так называемым «любезным» (официозным)

красноречием и выделяемым в особый вид жанром панегирика. Кроме того, некоторые авторы относят к этой группе энкомий и элогий.

Понятие любезного красноречия (*eloquentia officiosa*) используется во многих рассмотренных риториках – в частности, в вологодском руководстве, смоленской риторике М. Базилевича [Basilevicz 1756].

Вологодский ритор с самого начала считает нужным защитить подобные речи, адресованные, как правило, высокопоставленным лицам, от обвинений в лести и раболепии. «Нет недостатка в тех, кто считает недостойным произносить любезные речи перед лицом какой-либо высокопоставленной персоны, и восклицает, что такого обычая никогда не было, сами же речи для суровейшего уха словно страдают раболепием и какой-то болезненностью» (“*Non desunt, qui orationes officiosas in conspectus alicuius personae illustris haberi indignas esse putent, consuetudinem istam nusquam usitatam esse clament: ipsas vero orationes tamquam ipsam adulationem, et quasi quondam insaniam asperrimis auris patiantur*”) [Наставления 1764: 95], – сетует он, отмечая недавнее появление традиции любезного красноречия. Он даёт следующее определение любезной речи: «Любезная речь есть та речь, в которой мы проявляем любезность по отношению к покровителям, выдающимся людям, друзьям и другим» (“*Oratio officiosa est, qua officium in patronos, viros illustres, amicos et alios implemus*”) [Наставления 1764: 95 (об)]. Далее автор уточняет, что любезные речи обычно используются, «когда мы поздравляем кого-либо с днём святого покровителя, его соименника и защитника, с присуждением высокого звания, с каким-либо большим праздником и общей радостью, когда мы приветствуем прибывшего гостя, либо, наконец, когда мы воздаём должное благочестивым усопшим, имеющим большие заслуги перед церковью и родиной» (“*Orationes officiosae in usum venire solent dum gratulamur alicui de die sancti patroni, cognominis et tutelaris ejus, de collato alicui altiore honoris gradu, de insigni aliquo festo et communi gaudio, dum salutamus de adventu hospitem, vel denique pie defunctis, qui optime de ecclesia aut de patria sunt meriti, parentamus et justa persolvimus*”) [Наставления 1764: 95 (об)]. Таким образом, в пределах

eloquentia officiosa выделяются поздравительные, приветственные и надгробные речи.

Согласно наставлениям вологодского ритора, «стиль этих речей должен быть цветистым, приятным, заключённым в правильные и слаженные периоды и, насколько возможно, лаконичным; вся речь должна занимать, самое большее, две страницы» (“Harum orationum stilus debet esse floridus, jucundus, periodis propriis et concinnis inclusus, et, quantum fieri potest, brevis; ut tota oratio vix alteram compleat paginam”) (Наставления 1764: 96). Несколько отличные рекомендации даны по написанию надгробных речей, стиль которых должен быть страстным, аффектированным и преисполненным печали; кроме того, надгробные речи могут быть несколько пространнее, чем другие.

Автор смоленского риторического руководства Мануэль Базилевич трактует «любезное красноречие» (eloquentiam officiosam) более широко. К нему он относит поздравительные речи по случаю получения каких-либо наград, принятия духовного сана, дня рождения, Нового Года, Рождества Христова и Пасхи, а также речи приветственные, прощальные, просительные, благодарственные, свадебные, надгробные и другие [Базилевич 1756: 68 (об)]. Интерес авторов разных риторических сочинений именно к этим речам ясно говорит о том, что этот вид речей более всего мог использоваться на практике.

Очевидно, что интерпретация понятия eloquentia officiosa требует уточнения. В дословном переводе с латинского это означает «любезное красноречие». Такое понимание латинского термина и позволило М. Базилевичу объединить в одну группу, например, поздравительные речи и прошения. Ведь, согласно его определению, во всех речах этого рода «выражена любезность по отношению к другому человеку или его почитание» (“exhibetur alteri personae officiositas aut honor”) [Базилевич 1756: 68 (об)]. Интересно, что автор вологодской риторики не относит прошения к «любезному красноречию», а рассматривает их в главе, посвящённой написанию писем, что представляется вполне обоснованным. Вариант перевода eloquentia officiosa как «официальное

красноречие» также возможен, хотя и, как представляется, сужает смысл понятия, так как функционирование этих речей вряд ли ограничивалось официальными ситуациями.

М. Базилевич обстоятельно останавливается на том, как необходимо составлять «любезные речи». Так, всякое поздравление, согласно автору риторического руководства, строится по одинаковой схеме и включает такие части, как рассуждение, похвала и пожелание. Например, в речи по случаю Нового Года ритор рекомендует: 1) привести какое-либо рассуждение о начале нового года, например, рассказ о том, как счастливо прошёл предыдущий год, и выражение надежды на то, что счастливые предзнаменования сбудутся в наступающем году и во многих последующих; 2) вознести похвалу тому, кому адресовано поздравление; 3) собрать должные пожелания и молитвы о том, чтобы всё сказанное сбылось [Базилевич 1756: 71 (об)].

В речи по случаю рождения ребёнка автор риторического руководства считает необходимым сначала сказать о радости родителей и раскрыть причины этой радости. Похвала в подобной речи обычно касается самого младенца, ритор советует сказать о его красоте и здоровье и порассуждать о том, какими добродетелями он будет наделен в будущем. В конце речи необходимо выразить пожелание того, чтобы Бог исполнил сказанное в речи [Базилевич 1756: 68 (об)].

Поздравительную рождественскую речь М. Базилевич советует начать с изображения всеобщей радости и ликования всего мира. Для этого, по его мнению, хорошо использовать сравнения, сентенции, символы и другие украшения речи. Затем необходимо показать любовь новорождённого Христа к человеческому роду и привести рассуждения, что происходит от этой любви сейчас и что последует в будущем. Если поздравление адресовано меценату, нужно упомянуть о его благодеяниях (элемент похвалы). Безусловно, в такой речи должна присутствовать и молитва [Базилевич 1756: 70 (об)]. Как видим, обязательные элементы поздравительной речи (рассуждение, похвала и пожелание) здесь должны быть выражены с некоторым своеобразием.

Поздравительные речи, как правило, подразумевают ответ виновника торжества, его содержание также регламентировано в риторическом руководстве. Ответ должен состоять из двух частей: «1) чествуемый умяляет похвалу в свой адрес, говоря, что эта ноша превышает его силы, и её надо нести более достойным; 2) он обещает всеми силами стараться оправдать пожелания, высказанные в поздравлении» (“1) Extenuet honoratus laudes suas, dicendo ultra vires suas obtigisse id onus, quod dignioribus ferendum erat, 2) ut gratulatio suscipit vota, ita paribus studiis exsolvenda se ipsum obligabit”) [Базилевич 1756: 75].

Особым вариантом поздравительных речей являются свадебные речи. Свадебные речи также рассматривались как часть *eloquentia officiosa*, хотя они носили в большей степени частный, а не официальный характер. В них отразились элементы разных типов речей – поздравительных, благодарственных, содержащих просьбу, согласие или отказ.

Виды речей, сопровождающие свадебный обряд, подробно описаны в московской риторике 1744–1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии. В разделе “*De oratione epithalamica*” здесь рассматриваются три вида эпиталам, которые в свою очередь делятся на подвиды. Одни из них предшествовали заключению брака (*orationes antenuptiales*), другие предваряли вручение свадебных подарков или служили выражением благодарности за дары (*orationes redditoriae munerum et responsoriae*), третьи произносились непосредственно во время свадьбы (*orationes nuptiales*).

Orationes antenuptiales регламентировали и риторически оформляли основные этапы церемонии сватовства: прошение руки невесты (*petitoria sponsae*), ответная речь (*responsoria*), благодарственная речь, если согласие было получено (*gratiarum actoria pro sponsa promissa*) [Emporium 1744–1745: 151]. Давая советы по составлению каждого вида речей, автор руководства обращает внимание прежде всего на их содержание и соответствие правилам этикета. Так, прошение руки невесты рекомендуется начать с похвалы браку, любви или верной дружбе, а затем перейти к самой просьбе и остановиться на причинах, побудивших выбрать

именно эту невесту. Среди причин ритор называет не только достойную похвалы семью (*laus familiae*), но и приданое (*dotum*).

В ответной речи родители опекуны невесты либо сразу дают согласие (*orationes annuentes*), либо отказывают (*orationes negantes*), либо откладывают решение на более позднее время (*orationes differentes responsum in aliud tempus*). Для каждого случая предлагается краткая схема построения речи, выделяются смысловые опорные пункты и даются советы, как можно сделать речь наиболее приятной. Например, речь, содержащую согласие, составитель руководства рекомендует начать с выражения счастья родителей, затем воздать хвалу жениху и уверить его в своих дружеских чувствах. Воодушевление уместно подчеркнуть подходящими сентенциями и примерами. В случае отказа ритор рекомендует дать этому обстоятельное объяснение (*summam circumspeditionem*), чтобы не обидеть жениха и не проявить варварской невоспитанности [Emporium 1744–1745: 151]. Перечисляются возможные причины отказа: юный возраст девушки (*immatura aetas virginis*), обещание, данное другому (*promissio alteri jam pacta*), нерасположенность девушки к этому браку или браку вообще (*mens virginis ab hoc aut ab omni connubio aliena*), неодобрение друзей (*adversum amicorum consultum*), иная Божья воля (*alia Dei dispositio*) [Emporium 1744–1745: 150–151 (об)].

В речах, произносимых при вручении подарков, наряду с сентенциями и рассуждениями о красоте, материале или символике дара, считалось уместным преуменьшение ценности подарка (*extenuatio doni*), чтобы невеста приняла его с благосклонностью (*ut illud sponsa grate suscipiat*) [Emporium 1744–1745: 152]. Автор счёл необходимым перечислить подарки, которые принято дарить на свадьбу. Прежде всего, он упоминает венки или букеты из цветов (*potissime sertum*), украшения, среди которых – *annulus* (колечко), *gemma* (драгоценный камень), *monile* (ожерелье), *armillae* (браслеты). Подходящим для свадьбы подарком признаётся сахар (*saccharum*). Из предметов домашней утвари названы также *pelvis* (таз), *crater* (ваза) и *candelabrum* (подсвечник). В ответной речи родители или опекуны невесты благодарят за дары. Ритор с иронией замечает,

что, в своих благодарностях родитель иногда преступает меру и доходит до того, что уверяет жениха во взаимном чувстве невесты (*gratias pro eo refundit, ut mutuuum sponsae affectum appromittit*) [Emporium 1744–1745: 152].

Orationes nuptiales (речи, произносимые в день свадьбы) должны были содержать четыре смысловые части: 1) *discursus* (рассуждение о браке, любви, верности), 2) *affectus* (выражение радости), 3) *laudes* (похвала жениху, невесте, их семьям), 4) *vota* (пожелания) [(Emporium 1744–1745: 152 (об))].

Иной подход к свадебной речи отражён в VI и VII главах VIII книги трактата Феофана Прокоповича [Procorovič 1982]. Феофан рассматривает свадебную речь как разновидность поздравительной, не выделяя других типов, и подробно рассказывает, о чём следует сказать во вступлении, аргументативной части и заключении. Особо подчёркивается эмоциональный тон речи: и во вступлении, и в заключении необходимо выразить радость по поводу события. Так, ритор полагает, что «вступление, откуда бы его ни брать, должно быть весьма изящно, но, однако, выравнивая крутой путь к поздравлению, [следует] выражать либо собственную частную радость, либо общественную» [Феофан Прокопович 2020: 397; пер. Г. А. Стратановского]. О речах, сопровождающих дарение свадебных подарков, кратко упоминается в главе, посвящённой посвятителным надписям. Этот вид речей ритор считает дерзким и надменным (“*arrogans et superbium*”) [Procorovič 1982: 410], рекомендуя либо вообще не упоминать о подарке, либо сделать это бегло: «Сопровождать и украшать речью подношения подарков, кажется, безусловно, дерзким и заносчивым, как будто ты напоминаешь другу о том, чтобы он знал, насколько он тебе обязан; такой поступок обычно указывает на невежливость дарителя и вызывает неловкость, делая подарок тягостным и неприятным; в этом деле, кажется, особенно допускают промах те, кто, поднося подарки невесте (венки, колечки, ожерелья и т. п.) с великой и непереносимой спесью и надув щёки начинают декламировать, что [подарки] настолько и настолько-то важны, и только что не говорят, за какую

цену они были куплены» [Феофан Прокопович 2020: 399; пер. Г. А. Стратановского].

В смоленской риторике М. Базилевича 1756 г. различаются свадебные речи, произносимые до, во время и после бракосочетания, но автор останавливается только на речи, в которой жених просит руки невесты. Как и в московской риторике, выделены основные топосы, на которых должна строиться речь: изложение намерений (“*exponatur intentum petentis sponsam*”), восхваление семьи невесты (“*laudetur familia sponsae ab antiquitate, a magno genere, a viris bene meritis de republica etc.*”), просьба к невесте и её родителям отнестись благосклонно к желанию жениха (“*instituat petito ut parentes sponsae votis sponsi annuant quin et ipsius sponsae petatur assensus*”) и дать ответ без промедления (“*rogetur determinatum responsum sine dilatazione*”) [Basilevicz 1756: 80]. В речи ритор советует преувеличить такие добродетели невесты, как застенчивость, скромность, благочестие, благоразумие (“*exaggerentur sponsae virtutes, quales sunt verecundia, modestia, pietas, prudentia*”) [Basilevicz 1756: 80]. Важным дополнением к схеме построения речи является подборка исторических примеров и сентенций, которые можно в неё включить. Цитаты приводятся из Горация, Овидия, Ливия, Сенеки, Плутарха, Квинтилиана, а также христианских писателей – бл. Августина и св. Григория. Интересно, что теоретические принципы и советы М. Базилевича относятся к речи, произносимой женихом до свадьбы, во время сватовства. Очевидно, по его мнению, что эта речь требует наиболее тщательной риторической отделки, а практическим образцом в его руководстве служит речь после венчания (“*post sanctum vinculum*”), составленная на русском языке. Эта короткая речь, занимающая всего одну страницу рукописного текста, содержит поздравления, прославление брака как «дражайшего... благополучно и безмятежно Богомъ снисканного и Богомъ сочетанного сокровища» [Basilevicz 1756: 81], благие пожелания и выражение надежды на обретение венца вечной славы после долгих лет счастливой жизни. Таким образом, автор выходит за пределы латинской школьной учёности и демонстрирует возможности

применения правил красноречия в реальной жизненной ситуации на родном для брачующихся языке. Такое смешение языков характерно не только для данной риторики, в которой нередки русские и польские примеры. В вологодских «Наставлениях...» также образец свадебной речи приводится на русском языке. По-видимому, оба автора были уверены, что на свадьбе речь должна быть произнесена на родном языке. Интересно, что примеры других поздравительных речей в обеих риториках даются на латинском языке, что даёт основания предполагать, что речи, рассчитанные на образованных адресатов, традиционно произносились на латыни.

Рассуждая о свадебных речах, авторы российских учебных руководств 1740–1750-х годов больше уделяли внимания этикетным, а не собственно риторическим правилам. Тем не менее некоторые стилистические приёмы рекомендуются как необходимые и особенно характерные для свадебного красноречия, а именно широкое использование гипербол, сентенций и цитат из античных и христианских авторов. Принадлежность свадебных речей к эпидейктическому красноречию объясняет включение в каждую речь независимо от её цели *laudes* в качестве обязательного элемента содержания.

Приветственные речи, по мнению М. Базилевича, по своему содержанию мало отличаются от поздравительных. Они должны включать: 1) изъявление или выражение радости от прихода того, кого приветствуют; 2) рассуждение о радости, почему радуются из-за прибытия гостя; 3) выражение готовности ко всяческим услугам, пожелания всего доброго, долголетия, счастья, мира, победы, благополучия и т.д. [Базилевич 1756: 76 (об)]. Кроме того, ритор даёт советы о том, как лучше начинать речь и как следует её заканчивать. Так, начать речь рекомендуется с какой-либо сентенции, примера, апофтегмы, символа, сравнения. В заключение может быть помещена просьба к гостю о благосклонном принятии речи либо скромное преуменьшение приветствия, т.е. утверждение, что гость, безусловно, достоин гораздо лучшего.

Не менее важными представляются автору рукописной риторики и речи, содержащие какую-либо просьбу. Он подробно останавливается на их структуре. Итак, подобные речи должны начинаться со вступления, которое может включать либо признание щедрости адресата речи, либо преувеличение его заслуг, либо смирение просящего. Только после этого может следовать сама просьба, подкреплённая доводами. И завершить речь М. Базилевич рекомендует обещанием вечно помнить о благодеянии и заверениями в преданности.

В благодарственных речах должен быть рассказ о благодеянии, при этом ритор советует умалить заслуги получающего и преувеличить милость дающего, выражение благодарности должно быть искренним и униженным (*gratias agas humiles et sinceras*) [Базилевич 1756: 79].

Говоря о каждом виде речей, автор риторического руководства приводит различные подходящие к данному случаю сентенции и интересные факты (*eruditiones*), которыми можно было бы украсить речь. Таким образом, ритор подготовил своеобразную коллекцию различных полезных цитат и сведений. Например, в параграф, посвящённый речам по случаю рождения ребёнка, М. Базилевич включил восемь сентенций (среди них, например: “*Liberis nihil est clarius humano generi*” («Для рода человеческого ничего нет прекраснее детей») (Ливий); “*Laetitia patris filius sapiens*” («Разумный сын – радость отца») (Менандр)) и столько же занимательных сведений, среди которых – истории о рождении Александра Македонского, Перикла, Геракла [Базилевич 1756: 69-69 (об)]. Для использования в речах-прошениях ритор рекомендует, в частности, сентенцию Цицерона “*Multo praeclarius est beneficiorum quam trophaeorum relinquere memoriam*” [Базилевич 1756: 79] («Гораздо прекраснее оставить память о благодеяниях, чем о трофеях») и целый ряд занимательных фактов, например: “*Alexander Magnus interrogatus ubi nam thesauros servaret amicos suos ostendet dixit, hi libertatis meae scrinia sunt*” («Когда Александра Великого спросили, где он хранит сокровища, он указал на друзей и сказал: «Они – хранилище моей щедрости»»), “*Augustus Caesar ad imperium illud sibi praecipue gratulabatur quod*

eum ascendisset gradum, ex quo omnibus beneficiendi facultatis daretur” («Император Август больше всего ценил во власти то, что достиг той ступени, на которой можно оказать благодеяние всем») [Базилевич 1756: 78(об)].

Важно отметить, что как в вологодской, так и в смоленской риториках в центре внимания оказываются различные жанры «любезного красноречия» и панегирик. Оба автора не относят традиционный эпидейктический жанр панегирика к «любезному красноречию», разграничивают эти понятия.

Панегирик трактуется вологодским ритором как «торжественная речь во славу какого-либо святого или знаменитого мужа, выполненная возвышенным стилем и произнесённая в блестящем собрании слушателей» [Наставления 1764: 91 (об)]. Панегирические речи ритор считает подходящими для произнесения не только во время гражданских праздников, но также и праздников во славу Богородицы и святых. Что же касается двенадцати основных христианских праздников, там, по мнению автора, панегирики неуместны, а использоваться должны “orationes dogmaticae et morales” [Наставления 1764: 92] («речи догматические и нравственные»). Основных гражданских праздников автор «Наставлений» насчитывает пять: день рождения монарха, именины, день, когда он принял власть, день, когда был помазан на власть и увенчан царским венцом, и день январских Календ, хотя последний праздник называется отчасти гражданским, отчасти церковным.

Для написания панегирика требуются две вещи: история жизни и общие места (топосы, loci communes), которые, по мнению вологодского ритора, есть не что иное, как некое нравственное поучение (“doctrina quaedam moralis”) [Наставления 1764: 93 (об)]. Сравнивая способы аргументации в панегириках и прочих речах, автор подчёркивает, что обычно аргументы располагаются в форме силлогизма или энтимемы, но в панегириках отдельные аргументы должны составляться из общего места и самой истории. Историю надо не просто излагать, а амплифицировать, а именно добавлять подходящие политические и моральные суждения, иллюстрировать сказанное различными сравнениями, примерами,

свидетельствами, ведь в панегириках, утверждает автор, “*nihil enim in panegyricis occurrere debet, nisi illustre, sublime, magnificentum*” [Наставления 1764: 93 (об)] («не должно быть ничего, кроме блестящего, возвышенного, величественного»).

Важно, что в качестве примеров панегириков привлекаются наряду с классическими античными образцами также речи российских риторов и прежде всего *illustris Theophani*, т.е. Феофана Прокоповича, которого ритор именуется «блистательным Феофаном».

В «Наставлениях...» выделены отдельные разновидности панегириков в аспекте риторического расположения. Так, можно по пунктам описать жизнь какого-либо святого или знаменитого мужа. К таковым пунктам относятся происхождение, родина, родители, рождение, обучение искусствам и законам, духовные дарования (честность, справедливость, храбрость, кротость), телесные дарования (здоровье, красота, сила), дары судьбы, такие, как звания, богатства, власть, друзья. После этого можно рассказать о прекрасных деяниях, великих победах, высоких заслугах перед родиной и церковью. Такое построение панегирика соответствует жанровым принципам античной биографии.

Другой вариант расположения панегирика – перечисление и описание замечательных деяний в порядке их совершения.

Наконец, можно в начале речи изложить какие-либо сведения или правила этического или политического характера, а затем, словно ради иллюстрации, обратиться к личности выдающегося мужа, перейдя таким образом от общего к частному.

Во вступлении и заключении ритор предписывает возбуждать более сильные аффекты, чем может быть уместно в другого рода речах. С этой целью допустимо использование сермоцинации, просопопеи, обращений, восклицаний и других эмоционально ярких фигур.

Особое внимание автор «Наставлений...» уделяет стилю панегириков, которому полагается быть «возвышенным, серьёзным, острым, иногда, если к этому ведёт содержание речи, страстным» (“*Stilus panegyricorum sit sublimis,*

gravis, acutus, non nunquam, si ita ferat materiae oratio, concitatus) [Наставления 1764: 94]. Советуя остерегаться тех случаев, когда «не особенно блистательная персона возвеличивается высочайшими похвалами или когда достойнейшее лицо унижается неряшливым стилем» (“*ne quando vel persona minus illustris altissime laudibus evehatur, vel dignissima incompto stilo diminuatur*”), ритор приходит к выводу: «чем великолепнее персона, которую мы хвалим, тем возвышенней и серьезней должен быть стиль» (“*quo illustrior est, quam laudamus, persona, eo sublimiorem gravioremque <stilum> esse oportet*”) [Наставления 1764: 94]. Плоский, сухой и скучный панегирик, лишённый топосов и аффектов, не соответствующий достоинству восхваляемой персоны, даже если он и написан в соответствии с правилами, признаётся недостойным изысканного и блестящего общества (“*Indignus ergo est vel lectu, ne dum splendido congressu*”).

Столь подробные наставления в написании панегириков, предлагаемые вологодской риторикой, безусловно, свидетельствуют о центральном месте этого жанра среди жанров устной публичной речи в России XVIII века. Не вполне понятной остаётся причина противопоставления панегирика, или похвальной речи, «любезному красноречию».

Примечательно, что после обстоятельного изложения правил сочинения панегириков, автор вологодской риторики переходит к описанию хрии, которая трактуется у него как эпидейктический речевой жанр, родственный панегирику. Отличие же между ними усматривается в том, что хрия содержит аргументацию, выстроенную в определённом порядке. Обратим внимание, что содержание хрии мыслится вологодским ритором как связанное исключительно с похвалой, этим и обосновывается её родство с панегириком. Отличие между ними в этом смысле имеет лишь формальный характер.

Составитель московской риторики [Emporium 1744–1745] осознаёт сходство между разными видами хвалебного красноречия, несмотря на то, что относит их к разным группам: “*in modum encomii insignitur etiam scribunt orationes officiosae et potissimum latinae salutoriae, gratulatoriae, panegyrici*” («по образцу

энкомия составляются любезные речи, в особенности приветственные, поздравительные, панегирики») [Emporium 1744-1745: 128]. Хотя по классификации, приведённой в руководстве, элогий, энкомий и панегирик отнесены к схоластическому красноречию, а так называемые «любезные речи» (*orationes officiosae*) выделены в отдельную группу, сходство их содержания очевидно. Все эти виды речей являются по своей сути хвалебными. Ритор считает этот тип речей наиболее распространённым: “*Imo hoc saeculum non alium, sed hunc vel maxime requirit modum*” (Поистине нашему веку более всего требуется этот, а не какой-нибудь другой тип речей) [Emporium 1744–1745: 128].

Составлению панегирика как центрального жанра красноречия XVIII века в московском руководстве уделяется особенно много внимания. Перечислены возможные источники риторического изобретения, подробно рассмотрены обстоятельства, которые необходимо использовать при сочинении речи: “*si a fortitudine aliquem heroem laudares, occurrent tibi circumstantiae fortitudinis, vg. in perturbata animi constantia, in superandis difficultatibus dexteritus sanguis effusus, vulnera recepta, spolia, trophea etc.*” («когда ты хвалишь какого-либо героя за храбрость, тебе понадобятся обстоятельства храбрости – постоянство духа в смятении, пролитая праведная кровь при преодолении трудностей, полученные раны, добыча, трофеи и т.д.») [Emporium 1744–1745: 129].

Ритор советует избегать при похвале чрезмерной прямолинейности: “*illa quae sunt per se laudabilia non debet orator elevare*” («то, что само по себе достойно похвалы, оратор не должен превозносить») [Emporium 1744–1745: 130 (об)]. В панегирике не следует, по мнению автора руководства, использовать отрицательные конструкции: “*Laus aut negativa vg. non egisti malum, non occidisti quemque... aliquo modo patitur vituperium, simpliciter locum non habet in panegyrico*” («негативная похвала (например, ты не сделал зла, никого не убил)... некоторым образом указывает на порицание и просто недопустима в панегирике») [Emporium 1744–1745: 130 (об)]. Это требование касается отбора слов, уместных в

похвальном красноречии. Они не должны иметь негативного смысла независимо от того, в каком контексте они употребляются.

Панегирик, по мнению автора московской риторики, существует в тройном понимании (*in triplici acceptione*): в самом широком понимании (*latissime*) это слово обозначает любое сочинение похвального характера – элогий, энкомий, другую речь, в более строгом понимании (*strictius*) термин следует употреблять применительно к стихотворному либо прозаическому сочинению похвального характера в высоком стиле, и, наконец, в строжайшем понимании панегирик – это речь во хвалу герою, всю его жизнь и деяния излагающая величественным и возвышенным стилем (“*strictissime sumitur pro oratione in laudem herois totam ejus vitam vel facta explicante stilo magnifico et sublimi*”) [Emporium 1744–1745: 128 (об)]. Иначе говоря, наиболее значимой чертой панегирика называется *laus* (похвала), во всех определениях панегирик трактуется как сочинение похвального характера. Стремясь провести границу между панегириком и смежными жанрами, ритор добавляет такие требования, как высокий стиль и достойный предмет. В отличие, в частности, от энкомия, допускавшего похвалу и по отношению к малозначительным предметам, панегирик следовало посвящать только герою. Кроме того, ритор настаивает, что панегирик в строжайшем смысле – это именно речь (*oratio*), хотя панегирическим характером могут обладать и другие сочинения (например, элогий, ода).

В смоленской риторике приводится более краткая, но аналогичная трактовка панегирика, начиная с определения, также включающего три возможных понимания (в широком, более строгом и строжайшем смысле), хотя и без буквального совпадения. В вологодской риторике используется другое определение: “*Panegyricus est oratio solemnus in laudem alicuius viri sancti et illustris, stilo magnifico elaborata et in splendido auditorum congressu habita*” («панегирик есть торжественная речь во славу какого-либо святого или знаменитого мужа, выполненная возвышенным стилем и произнесённая в блестящем собрании слушателей») [Наставления 1764: 91 (об)]. Примеры панегириков в московской и

смоленской риториках не приводятся, а в вологодской риторике упоминаются речи древних авторов Исократ, Цицерона, Плиния, а из новых – Эразма Роттердамского, Феофана Прокоповича, Стефана Яворского.

Таким образом, доминирующим жанром российского красноречия этой эпохи был панегирик и примыкающие к нему эпидейктические жанры. Одним из таких жанров был элогий, вошедший в число немногочисленных видов красноречия, знакомство с которыми составители риторик считали необходимым.

В античной латинской поэзии элогий являлся разновидностью эпитафии, развёрнутой надгробной надписью. Как показывают образцы жанра, приведённые в российских рукописных риториках, в XVIII веке элогий представлял собой своеобразное стихотворение в прозе, состоящее из строчек неравной длины. Тематически элогий близок к панегирику, так как содержит восхваление, а также к житиям святых, так как предметом изображения в нём является, как правило, жизнь и мучительная смерть святого.

В московском руководстве элогий характеризуется как вид красноречия, «известный уже древним, но и в наш век весьма рекомендуемый» (“*ut priscis vix cognitum, ita praesenti saeculo vel maxime commendatum*”) [Emporium 1744–1745: 119]. Ритор даёт ему следующее определение: “*ex vi nominis idem significat quod laus seu encomium, quo ad rem vero est discursus quidam brevis, nervosus, argutus et sententiosus in laudem vel vituperium alicuius confectus sine numero metrico*” [Emporium 1744–1745: 119] («по смыслу названия означает похвалу или энкомий, по сути же – текст краткий, нервный, остроумный, содержащий сентенции, составленный для похвалы или хулы без метрического размера»). Обратим внимание на стремление автора риторики к строгому словоупотреблению: так, элогий, который в античности считался разновидностью эпиграммы, хоть и рассматривается московским ритором как вид схоластического красноречия, речью (*oratio*) не называется, а определяется обобщённым термином *discursus*. Двумя важнейшими свойствами элогия провозглашаются краткость и остроумие.

Хотя автор риторики замечает, что элогии можно разделить на панегирические и исторические, критерием такого деления является не содержание (оно всегда содержит похвалу или – реже – хулу), а развёртывание во времени. Панегирический элогий посвящён одному событию, высказыванию, подвигу (в качестве примера приведены элогии об увенчании терновым венцом Спасителя и о муках святого Варфоломея), а исторический изображает всю жизнь героя или события, продолжавшиеся достаточно долго (элогии Иоанну Златоусту, Антонию Печерскому, Григорию Чудотворцу).

Лаконичность элогия подчёркивается отсутствием в нём характерных для ораторской речи вступлений и заключений: “*Neque itaque exordium, neque propositionem aut epilogum requirit, sed incipit ab ipsa re et concludit sola cessatione narrationis rerum*” («он не требует вступления, тезиса и эпилога, но начинается с самого предмета и завершается простым прекращением повествования») [Emporium 1744–1745: 119 (об)].

Ритор предписывает начать составление элогия с разделения всей жизни хвалимой персоны на отдельные пункты (“*patriam, parentes, ortum, locum, tempus, nativitatem, infantiam, pueritiam, virilitatem, senectutem, gesta, dicta, virtutes, passiones, honores, artes, scientias etc.*”) [Emporium 1744–1745: 119 (об)] (“родина, родители, происхождение, место, время, рождение, детство, юношество, зрелость, старость, деяния, изречения, доблести, увлечения, почести, искусства, науки и т. д.»), а затем последовательно сочинять, стараясь придерживаться естественной последовательности событий.

Следующим этапом должно стать размышление о том, как можно изложить каждый из этих пунктов уместно, кратко, остроумно, эмоционально, в чём должны помочь источники ораторского искусства (“*habendam esse reflexionem, quomodo singula apte, breviter, acute, nervosa efferri possint ad quod juvabunt fontes argutiae oratoriae*”) [Emporium 1744–1745: 119 (об)].

Наряду с советами остерегаться слишком очевидных острот (“*acumina, non quaevis obvia, adhibenda esse*”), избегать избыточных эпитетов и частых перифраз

(“vitanda vero epitheta superflua, periphrases frequentes”), стремиться использовать строчки разной длины (“mensura versiculorum non sit eadem perpetuo”), ритор выдвигает требование риторической изощрённости в каждой строчке (“nullum ponendum esse versum, in quo non sit aliqua argutia absoluta aut saltem inchoata”) [Emporium 1744–1745: 119 (об)]. Слово *argutia* весьма часто употребляется в данной риторике в значении «остроумие, глубина мысли, мастерство, искусство». Представление о том, что каждая строчка должна заключать в себе какую-либо отточенную мысль, отразилось в приведённых примерах элогиев, которые энигматичны и во многих местах трудны для понимания. Это относится прежде всего к пространным элогиям, посвящённым Григорию Чудотворцу и Антонию Печерскому. Подчёркнутая декоративность и риторическая изощрённость видна, в частности, в элогии о жизни Иоанна Златоуста, который начинается изящным парадоксом:

Joannes eloquentia aureus tolerantia ferreus

Praetiosior forte quod ferreus quam quod aureus...

(Иоанн, золотой красноречием, железный терпением,

Ценнее, возможно, что железный, чем золотой...)

Приём парадоксального противопоставления последовательно применяется на протяжении всего элогия:

Bonas artes cum disceret docuit meliores...

(Изучая прекрасные искусства, обучал ещё лучшим...)

Sylvescere metuens secessit in sylvas...

(Боясь одичать, удалился в леса...)

Alienis clarus in oculis obscurus in suis...

(Другим ясный, в своих глазах тёмный...)

Urbes dum fugeret urbes ad aeremum attraxit...

(Бежав из городов, города привлёк в пустыню...)

Nullius aurum appetens omnium animos acquisivit...

(Не прося ни у кого золота, снискал души всех...)

Veram patriam invenit, cum in exilium properaret...

(Настоящую родину обрёл, когда отправлялся в изгнание...)

Vir in omnibus aureus,

Nisi quod avaris placere non potuit.

(Муж во всём золотой,

Вот только алчным не мог понравиться) [Emporium 1744–1745: 120-120 (об)].

Этот же элогий приведён и в смоленской риторике Мануила Базилевича [Basilevicz 1756: 90-91], что, очевидно, позволяет отнести данный текст к хрестоматийным школьным образцам.

Трактовка жанра элогия в смоленской риторике имеет некоторые отличия. Так, элогий определяется как “*carmen aliquod rem per symbolum expressam explicans*” («стихотворение, выражающее что-либо с помощью символа») [Basilevicz 1756: 88 (об)]. Ритор ощущает жанровую неопределённость элогия, относя его и к поэтическим (*carmen*), и к ораторским (*oratio*) жанрам: “*Elogii nomine non debet intelligi laus quaecunque sed laus conciso et acuto orationis genere conscripta seu referta acutissimo laconismo oratio, quae potest dici libera poesis seu epigramma...*” («под словом «элогий» не следует понимать любую похвалу, но похвалу, написанную в сжатом и отточенном роде, или речь, изложенную красноречивейшими лаконизмами. Это может быть свободное стихотворение или эпиграмма...») [Basilevicz 1756: 88 (об)]. Далее, рекомендуя способы расположения элогия, смоленский ритор вновь отождествляет его с эпиграммой: “*disponitur instar carminum poeticorum, cum sit elogium epigramma solutum continuum*” («элогий располагают как стихотворение, ведь он является пространной эпиграммой без поэтического метра») [Basilevicz 1756: 89]. Очевидно, своеобразное промежуточное положение элогия между поэтическими и ораторскими жанрами со всей отчётливостью ощущалось составителями риторических руководств.

Как и автор московского руководства, М. Базилевич важным признаком элогия считает неослабевающую риторическую изошрённость (“*oratio perpetuis argutiis constans*”), выраженную в сжатом и кратком стиле (“*stylo conciso et brevi*”) [Basilevicz 1756: 89]. Действительно, приведённые в смоленской риторике примеры элогиев отличаются лаконичностью в отличие от более распространённых образцов московского руководства. Так, например, элогий Григорию Назианзину состоит всего из семнадцати коротких строчек:

Gregorium Nazianzenum
Parentum pietas caelo promeruit,
Dei beneficia dedit.
Ita natus est,
Ut denegare si vellet,
Malus esse non posset.
Ita vixit,
Ut imitari qui vellet,
Peccare nequiret.
Inter optimos educatus ad optima
Se pessimum reputans,
Quoties non faciet meliorem,
Adultam virtutem antequam polliceretur exhibuit.
Bonarum artium avidus,
Malorum incapax,
Ut Minervam raperet
Athenas profectus.

Григория Назианзина
Родительское благочестие удостоило неба,
Дало благоденствия Господа.
Он таким был рождён,
Что даже если бы захотел отречься,

Не смог бы стать плохим.
Он так прожил жизнь,
Что если бы кто-то захотел подражать ему,
Не смог бы грешить.
Среди лучших обученный лучшему,
Себя считал худшим
Каждый раз, когда не делал кого-то лучше,
Раньше ожидаемого проявил зрелую добродетель.
Алчущий прекрасных искусств,
Безразличный к дурному,
Чтобы похитить Минерву,
Отправился в Афины [Basilevicz 1756: 89 (об)].

Также в риторике М. Базилевича приводится, кроме уже упомянутого элогия Иоанну Златоусту, помещённого и в московской риторике, своеобразный элогий земле, построенный на определениях (*formatum per definitiones*) [Basilevicz 1756: 89 (об)-90].

Генетическая связь элогия с эпитафией в этом жанровом образце проявляется в устойчивом повторении противопоставления жизни и смерти. Весь элогий, состоящий из шестнадцати строк, построен на приёме антитезы и представляет собой ряд развёрнутых перифрастических определений земли:

«Театр нашей жизни и погребальные носилки, и гроб и обитель,
Холм живущих и холм умерших,
Величайшее чудо нашего восхода, печальное зрелище заката...»

(“Unum vitae nostrae theatrum et feretrum, loculus et locus,

Cumulus viventium, cumulus morientium,

Per magnum ortus nostri miraculum, tristis occasus spectaculum...”)

[Basilevicz 1756: 89 (об)].

Элогий демонстрирует риторическую изысканность, языковую игру. В нём искусно использованы различные фигуры из арсенала классической

риторики, заключающиеся в сходстве слов: парегменон, или расположение рядом однокоренных слов (*loculus et locus*), гомеотелеутон, или одинаковые концовки слов (*miraculum – spectaculum, theatrum – feretrum, viventium – morientium*).

Его необычность заключается в отклонении от обычной житийной тематики, что сближает его с другим жанром схоластического красноречия – энкомием, который в данной риторике не рассматривается.

По определению составителя московской риторики, энкомий есть “*laus alicuius personae stylo floridiore experta*” («похвала какой-либо персоне, выраженная цветистым стилем») [Emporium 1744: 127]. Ритор сразу пытается подчеркнуть отличие энкомия от таких подобных ему видов красноречия, как элогий и панегирик. По его утверждению, энкомий “*differt ab elogio, quia non scribitur versiculis inaequalibus ut elogium, ne requirit aequum stylum acutum. A panegyri vero differt gravitate materiae, quam exposcitur panegyris*” («отличается от элогия тем, что не пишется стихами разной длины и не требует ровного высокого стиля. От панегирика же отличается тем, что последний требует серьезности (весомости) содержания») [Emporium 1744: 127 (об)]. Примером энкомия, предмет которого, на первый взгляд, не является возвышенным, служит краткая похвала глазу (“*laus oculi paucis deducta*”). Стилистически энкомий близок к рассмотренному выше элогию, несмотря на формальные отличия. Он начинается с предельно обобщённого обращения к смертным и выраженного яркой антитезой указания на предмет похвалы: “*Maximum naturae decus in minima corporis porcione videte mortales*” («Вы видите, смертные, величайшее достоинство природы в наименьшей части тела») [Emporium 1744: 127 (об)]. Приём антитезы в сочетании с гиперболой многократно используется на протяжении энкомия: “*vastissimum totius universi compagem unius pupillae comprehendunt angustiae*” («обширнейшее пространство всего мироздания вмещается в одном узком зрачке»), “*nihil tam altum natura prodidit, quod oculus non attingat, nihil tam sublime, quod iste non delibet*” («ничего столь высокого не создала природа, до чего бы не дотянулся глаз, ничего столь величественного, чего бы он не коснулся»), “*complecti omnia*

manibus nec Briareus valet tenere oculo vel luscus potest, sic tamen ut aliis non exsīpiat” («даже Бриарей не охватит столько руками, сколько кривой охватит одним глазом, причём не отнимая у других») [Emporium 1744: 127 (об)].

Разнообразные жанры, объединенные интенцией похвалы, можно отнести к эпидейктическому красноречию, которое доминирует в ораторике XVIII века. Востребованность этого типа речей обусловила преимущественное внимание, которое им уделяется в риторических руководствах.

3.3. Судебное и совещательное красноречие

Судебное красноречие, не востребованное в юридической практике в России XVIII века, сохраняло своё значение как часть академического красноречия. Составление судебных речей входило в программу риторической подготовки будущего оратора. На это обращает внимание, в частности, автор нижегородской риторики 1766 года: «Совершенно ясно, что для трёх родов, на которые опирается вся риторика древних, сейчас не осталось другого употребления, кроме как для лучшего понимания и разбора речей древних авторов» (“Non alium fere hodie superesse usum, nisi ut antiquorum orationes melius intelliguntur ac dividicentur”) [Rhetorica 1766: 58(об)].

Так, в риторическом трактате Феофана Прокоповича, одном из основных теоретических источников учебных руководств по риторике в России XVIII века, наряду с правилами составления наиболее распространённых в ораторской практике того времени эпидейктических речей кратко излагаются принципы судебного и совещательного красноречия.

В риторике Прокоповича рассматриваются типы судебных речей (речи обвинителя и защитника), выявляются три источника аргументов для судебной речи (причина, личность и деяние).

Фундаментальным источником представляется причина (causa), так как, по мнению ритора, нельзя доказать, что какое-либо деяние было совершено, не выяснив его причины. Причина же может быть двух видов: импульсивная

(*impulsio*) и рассудочная (*rasciotinatio*). Импульсивная причина представляет собой какой-либо аффект (любовь, гнев, ярость), препятствующий разумному взгляду на вещи. Рассудочная причина подразумевает участие разума. К рассудочным причинам Феофан Прокопович относит дружеское расположение, желание отомстить врагу, страх, жажду славы, желание получить выгоду или избежать ущерба.

Второй источник судебных аргументов – личность обвиняемого. Как обвинителю, так и защитнику рекомендуется учитывать природные данные обвиняемого, его воспитание и окружение, имущественное состояние.

Третий источник судебных аргументов – деяние, действие. Феофан Прокопович называет три вида данных аргументов – *ante factum* («до действия»), *in ipso facto* («во время действия») и *post factum* («после действия») [Procorovič 1982: 384].

Ante factum включает обстоятельства, условия, возможности, предшествующие событию. *In ipso facto* подразумевает место, время и способ действия. *Post factum* характеризует последствия действия, отношение к нему (радость, печаль, страх и т.д.).

Сфера политического (совещательного) красноречия, хотя и значительно ограниченная в это время, тем не менее продолжала оставаться предметом теоретического осмысления в риторических трактатах и руководствах.

Совещательное красноречие в риторической практике России XVIII века было представлено в основном в сфере дипломатической риторики. В большинстве практических курсов риторики совещательному красноречию не уделялось внимания вообще или рассматривались только отдельные его жанры.

Образцами политического красноречия продолжают являться речи античных ораторов, прежде всего Демосфена и Цицерона. Приемы аргументации, выработанные в политической риторике, пытаются применить к другим сферам красноречия. Так, Феофан Прокопович подробно рассматривает, как аргументы, традиционные для политических речей, могут быть с успехом использованы в

духовном красноречии. Элементы политической риторики переносятся и в сферу эпидейктического красноречия. В торжественных речах оратор может обращаться к гражданской и политической тематике, использовать традиционную для совещательного красноречия аргументацию для обоснования тезисов выступления.

Феофан Прокопович не рассматривает жанры совещательного красноречия, останавливаясь только на проблеме аргументации в речах данного вида. Аргументы в совещательном красноречии, как отмечает Феофан Прокопович, извлекаются из таких ценностных понятий, как честное (*honestum*), полезное (*utile*), необходимое (*necessarium*), лёгкое (*facile*), приятное (*jucundum*) и им противоположных [Просорови́ч 1982: 380].

Феофан Прокопович указывает, что в основе его представлений об аргументах, уместных в судебном и совещательном красноречии, лежат принципы, сформулированные Цицероном в трактате «*De inventione*» («Об изобретении») [Просорови́ч 1982: 379].

В «Риторике» Феофана Прокоповича подробно сопоставляется судебное и политическое красноречие, выявляется сходство и различие между этими сферами.

Согласно ритору, и судебные, и политические речи могут быть воинственными или полемическими (*pugnantes*), хотя задачи у них разные. Задача судебных речей, – напоминает Прокопович известное положение «Риторики» Аристотеля, – обвинить или оправдать, а политических – склонить к какому-либо действию или отклонить от него.

Аргументация в политических речах, склоняющих к какому-либо решению, должна апеллировать прежде всего к таким ценностным категориям, как честное, полезное, необходимое, лёгкое, приятное. Если цель оратора – отклонить от какого-либо действия, необходимо апеллировать к противоположным понятиям, таким, как позорное, вредное, излишнее, сложное, тягостное [Просорови́ч 1982: 389].

Однако, как считает Феофан Прокопович, следует избегать употреблять в политической речи слова, прямо обозначающие эти понятия, особенно если речь адресована людям образованным. Употребление слов с ярко выраженной оценочностью, таких, например, как «хорошо, полезно, вредно, необходимо, позорно», слишком явно указывает на применение риторической тактики убеждения, обнаруживает искусственность оратора, но делает аргументы менее весомыми [Procorovič 1982: 396]. Ритор подчёркивает, что нужно остерегаться использовать сами эти понятия в речи, так как они обнаруживают ораторскую технику и уменьшают вес аргументов (“*artem enim aperiunt et argumentorum pondus elevant*”) [Procorovič 1982: 384]. Таким образом, апеллируя к ценностям, хороший оратор, по мнению теоретика риторики, должен избегать их буквальных номинаций.

В большинстве учебных риторик XVIII века совещательное (политическое) красноречие не рассматривается вообще из-за его малой распространённости. Небольшой раздел посвящен этому роду речей в московском руководстве “*Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae...*” («Венок из неувядаемых цветов Туллианы...») (1745–1746) из Московской Славяно-греко-латинской академии. Как и в других рукописных учебных риториках этого времени, главное внимание в книге уделяется красноречию духовному и эпидейктическому, которое характеризуется как *species nobilissima* [Diademma...1745–1746: 51 (об)]. Подробно охарактеризовав виды торжественного красноречия, автор полностью обходит молчанием судебное красноречие и кратко рассматривает совещательное. В одном из разделов риторики (“*Pars tertia, Eruditione politica instruens Neorussium*”) собраны сведения, имеющие отношение к данной сфере.

Раскрывая смысл понятия “*eruditio politica*”, составитель руководства определяет его как «средства, служащие для украшения как духовного, так и светского красноречия посредством разнообразных материалов» (“*supellectilem, tam sacrae quam profanae elocutionis ornatui pro materiarum diversitate servientem*”) [Diademma...1745–1746: 80]. Особо отмечается отсутствие претензий автора на

какие-либо наставления в области политики: “*Nomine eruditionis politicae nolim, ut intelligat quispiam praescepta seu administrandam rei publicae normam de qua communiter politici*” («Мне не хотелось бы, чтобы политическую эрудицию понимали как предписания или общие для политиков нормы управления государством»). По убеждению составителя пособия, это не имеет отношения к риторике (“*Hoc enim facultas distincta est omnino a rhetorica*”) [Diademma...1745–1746: 80]. Ритор ограничивает свои задачи подбором сентенций, высказываний, сведений, которые касаются политических понятий и могут быть полезны при составлении речей разных жанров. Источником сведений о средствах красноречия (*subsidia eloquentiae*) составитель руководства называет Соария (Киприано де Соареса, испанского иезуита (1524–1593), автора учебника “*De arte rhetorica libri tres*”).

Раздел московской риторики, посвящённый политической эрудиции, включает три главы: “*De re publica*”, “*De virtutibus*”, “*De vitiis*”. Описание и риторическая амплификация добродетелей и пороков не имеют прямого отношения к теме государственного устройства, поэтому наибольший интерес представляет первая глава раздела (“*De re publica*” («О государстве»)), в которой рассмотрены такие понятия, как *princeps* (глава государства, монарх), *dux* (вождь, полководец), *miles* (воин), *cives* (граждане), *aerarium seu vectigalia* (казна и налоги).

Темы государства ритор начинает с понятия “*princeps*”. Когда речь идёт о главе государства, наилучшими риторическими украшениями автор считает традиционные сравнения с солнцем и львом. Со ссылкой на Эразма проводится параллель между солнцем и монархом: “*ut ille omnibus... lucis suae impendit activitatem, ita princeps omnem reipublicae curam sustinere debet*” («как солнце распространяет свой свет на благо всем, так и глава государства должен нести на себе все заботы о государстве») [Diademma...1745–1746: 80]. Со львом, по мнению ритора, монарха можно сравнить на том основании, что лев внушает всем страх. Эти качества – благотворное влияние на всех подданных и в то же время

внушаемый им страх – воспринимаются как главные атрибуты власти. Они не называются прямо, но подаются через сравнение.

Следующие далее примеры и изречения иллюстрируют другие качества монарха – щедрость, справедливость, умеренность. Например: “Alexander interrogatus, quis optimus princeps esset, respondet: qui amicos donis retinet, inimicos beneficiis amicos facit” («Когда Александра спросили, кто лучший из правителей, он ответил: тот, кто удерживает друзей дарами, а врагов превращает в друзей благодеяниями») [Diademma...1745–1746: 80]. В свободном пересказе со ссылкой на Плутарха приводятся слова Агесилая (по ошибке названного македонским царём) о том, что раз персидский царь не превосходит его справедливостью и воздержностью, то и не может быть назван более великим: “Agesilaus Macedonum princeps cum audiret persarum regem magnum appellari dixisse teste Plutarcho fertur: Quare major me est nisi justior me esse ac temperantior” [Diademma...1745–1746: 80].

В перечень добродетелей, подобающих царям, входит также богопочитание и благочестие (“Inter ceteras virtutes princeps colat religionem et pietatem”) [Diademma...1745–1746: 80 (об)]. Перечислены монархи (Константин Великий, Карл Мартелл, Рудольф, основатель австрийской династии Габсбургов), которые почитая Бога создавали и расширяли империи (“cultu divino imperia et formarunt et amplificarunt”) [Diademma...1745–1746: 80 (об)].

С благочестием ритор связывает такие черты идеального монарха, как справедливость и кротость: “Religionis studio conjungenda principis justitia et clementia” [Diademma...1745–1746: 80 (об)]. Приводятся два очень близких по смыслу определения понятия “justitia”: “Vocabula justitiae duo praecipua occurrunt. Primum est a Platone vocante justitiam fulcrum civitatum, secundum Augustini justitiam unicum regnorum columen appellanti” («Есть два главных определения правосудия; первое принадлежит Платону, назвавшему правосудие опорой государств, второе – Августину, назвавшему правосудие единственным столпом царств») [Diademma...1745–1746: 81]. Понятие “clementia” иллюстрируется, в частности, изречением Сенеки: “non minus principi turpia sunt multa supplicia, quam

medico multa funera” («не менее позорны многочисленные казни для принцепса, чем многочисленные похороны для врача») [Diademina...1745–1746: 81]. Приводятся также строки, в которых Клавдиан восхваляет кротость.

Трактовка риторического образа полководца (*dux exercituum*) начинается с гиперболического уподобления: “*Nic ille est, quo praesente enim cervi leones*” («Это тот, в присутствии которого даже олени становятся львами») [Diademina...1745–1746: 81]. Затем ритор приводит ряд примеров из греческой истории, подчёркивающих обязанности полководца и его ответственность перед армией. Например: “*Pelopidas uxori quae ipsum ad bellum proficiscentem rogabat muliebriter ut servaret se ipsum respondit: Alii istud ut faciant monendi sunt, nam princeps ac dux hortandus sit ut servaret cives*” («Пелопид, собираясь на войну, ответил жене, поженски умолявшей его беречь себя: Другим следует об этом напоминать, а вождей и полководцев надо просить беречь граждан») [Diademina...1745–1746: 81 (об)]. Упомянув, что остальные доблести полководцев перечислены у Клавдиана, автор руководства формулирует пять тактических правил, о которых необходимо помнить военачальнику: 1) вести войско, соблюдая строй (“*ut ordine servato ducat exercitum*”); 2) следить, чтобы строй не был тесным (“*debet laxare ordines*”); 3) самые сильные части войска держать в резерве (“*in postremis fortissimos habet*”); 4) высылать вперёд лазутчиков (“*debet promittere speculatores*”); 5) быть при войске (“*suis adesse debet*”) [Diademina...1745–1746: 81 (об)].

В параграфе, посвящённом воину (*miles*) и его обязанностям, ритор собрал многочисленные примеры храбрости и самоотверженности простых солдат. Следует отметить, что в данном параграфе внимание ритора обращено главным образом на позднеантичные (Вегетий) и христианские (Иероним, Амвросий, Августин) тексты, хотя приводятся также и цитаты из Ксенофонта, Сенеки, Тита Ливия, Овидия.

Цель воюющих трактуется по Августину: “*Apud veros Dei cultores enim bella parata sunt, quae non cupiditate aut crudelitate sed pacis studio geruntur*” («Среди

истинных почитателей Бога не из жадности или жестокости ведутся войны, а из-за стремления к миру») [Diademма...1745–1746: 82].

Главное требование к воинам – “*otium castris exsulare*” («изгнать из лагеря праздность») [Diademма...1745–1746: 82] – проиллюстрировано изречениями Сенеки, Ксенофонта, Тита Ливия. Сформулирован парадоксальный вывод о пагубном влиянии победы или благоприятных обстоятельств на армию: “*Parta victoria non debet esse securus miles... teste Livio res secundae negligentiam creant*” («Одержав победу, воин не должен чувствовать себя в безопасности... как свидетельствует Ливий, благоприятные обстоятельства рождают небрежение») [Diademма...1745–1746: 82].

Отдельный параграф посвящён риторической трактовке понятия “*cives patriae*” («граждане, соотечественники»). Первым условием существования гражданского общества ритор считает свободу слова: “*Moneo primo debere esse liberum in dicenda sententia cum vero ex mente poetae linguam cui inclusam, suspendit metus, ut nunc ita olim visus est pessimus*” («Уверяю: во-первых, гражданин должен быть свободным в выражении своего мнения, так как, по словам поэта, у кого страх сковывает язык, как теперь, так и раньше, зрение становится очень плохим») [Diademма...1745–1746: 82 (об)]. Автор подкрепляет свою мысль словами из «Антигоны» Софокла, ссылается на Цицерона, который в трактате «Об обязанностях» порицал тех людей, которые “*quod sentiunt etiam si optimum est, invidiae metu non audent dicere*” («даже понимая, что являлось бы наилучшим, не смеют высказать из страха навлечь на себя ненависть»), а также приводит ряд примеров из античной и новой истории [Diademма...1745–1746: 82 (об)]. Второе требование к гражданину – быть постоянным и неподкупным в своих взглядах (“*Moneo secundo civem debere esse constantem in suo sensu, nec in contrariam... corruptibilem*”) [Diademма...1745–1746: 82 (об)]. Символом постоянства ритор вслед за Назианзином называет саламандру, не только не сгорающую в огне, но и гасящую его.

Рассмотрев разные категории лиц, образующих гражданское общество, и определив основные топосы, подходящие для риторической разработки, ритор переходит к такой важной теме, как экономическая основа государства, казна и налоги (*aerarium seu vectigalia*). Значимость темы подчеркнута изречением Юстиниана: “*sine vectigalibus impossibile est rem publicam conservari... neque enim quies gentium sine armis, nec arma sine stipendiis, nec stipendia sine tributis haberi queunt*” («без налогов нельзя сохранить государство, ведь не бывает мира без армии (буквально: оружия), армии – без военного жалованья, военного жалованья – без налогов» [Diademma...1745–1746: 83]).

Несмотря на упомянутое выше заявление ратора о своем нежелании давать какие-либо советы, выходящие за пределы задач риторике, он формулирует несколько правил налоговой политики (*census in impositione vectigalium*): 1) “*Observa primo ne sint gravia et intolerabilia, bene enim Cassiodorus: a paucis accipit, qui nimium quaerit*” («Во-первых, следи, чтобы налоги не были слишком тяжёлыми и непереносимыми, ведь, как хорошо сказал Кассиодор, тот, кто требует сверх меры, получает от немногих») [Diademma...1745–1746: 83]. Эта же мысль подтверждается словами Тацита: “*Videat princeps ne provinciae novis oneribus turbentur et vetera sine avaritia magistratuum tolerantur*” («Пусть принцепс заботится о том, чтобы провинции не волновались из-за новых налогов, а старые терпели бы, не страдая от жадности магистратов» [Diademma...1745–1746: 83]; 2) “*Observa secundo: tributa aequaliter imponantur*” («Во-вторых, следи, чтобы подати налагались на всех одинаково»); 3) “*Observa tertio: tempore pacis extra ordinaria tributa remittantur*” («В-третьих, во время мира экстраординарные налоги должны быть отменены»); 4) “*Observa quarto: erarii depositio restricta sit et parca*” («В-четвёртых, расход казённых денег должен быть ограниченным и бережливым» [Diademma...1745–1746: 83 (об)]. Каждый из принципов подкрепляется многочисленными цитатами и историческими примерами.

Таким образом, в московском риторическом руководстве собраны разнообразные сведения, примеры, изречения (*eruditiones*), уместные в

политическом красноречии и иллюстрирующие основные составляющие понятия «государство». Хотя существовало представление, что политическое красноречие к этому времени давно утратило актуальность и сохранилось лишь в школьном курсе риторики [Rhetorica 1766: 58 (об)], автор «Венка» считает нужным не только подробно рассмотреть круг политических топов, но и дать учащимся некоторые советы в области государственного управления.

К совещательному роду московский автор относит речи, входящие в сферу дипломатической и политической риторики.

Из жанров совещательного рода выделяются лишь два – *legatio* (посольство) и *votum* или *sententia* (решение, принятое на каком-либо собрании, вотум).

Под словом *legatio* подразумевается речь, которая произносилась во время посольской миссии и заключала в себе главное её содержание. Композиция речи соответствовала традиционной трёхчастной схеме и включала вступление, основное положение, подкреплённое аргументацией, и заключение.

Во вступлении могли быть затронуты следующие аспекты: похвала адресату посольства; выражение добрых намерений и доброжелательности стороны, отправившей посольство; изложение обстоятельства, послужившего причиной посольства (таким обстоятельством могло быть, например, общественное или личное бедствие, угроза со стороны врага и т. д.). В том случае, если посольство было отправлено от имени царя или какого-либо иного правителя, следовало выбрать только тот вид вступления, в котором выражается царская любовь и благосклонность к присутствующей знати (“*amor et favor regius*”). Вступление сопровождалось демонстрацией верительных грамот (“*litterae fidei*”) [Diademina 1745–1746: 66–66 (об)].

После вступления должен был следовать основной тезис речи (“*propositio legationis*»), который следовало подкрепить аргументами (среди них автор советует использовать прежде всего аргумент к следствию, а также приём перечисления – “*effecta et enumeratio*”). Заключение должно было содержать побуждение, просьбу или рекомендацию [Diademina 1745–1746: 66 (об)].

Ещё одним жанром совещательного красноречия, сохранившим актуальность в XVIII веке, называется *sententia (votum)*, т.е. выражение какого-либо мнения или решения. Это определение может быть дано любым речам, произносимым в каком-либо собрании в ходе дискуссии. Цель такого рода речей – побудить слушателей к принятию решения. Поэтому сентенция или вотум, безусловно, относится к совещательному красноречию.

Ритор выделяет три вида вотума: утверждающий (*assertivum*), опровергающий (*confutativum*) и смешанный (*mixtum*). В утверждающем излагается и обосновывается собственное мнение, в опровергающем опровергается чужое мнение с приведением определённых доводов, в смешанном вотуме содержится и аргументация и контраргументация [Diadema 1745–1746: 66 (об)].

Автор руководства даёт ряд конкретных рекомендаций по составлению каждого вида речи. Так, для утверждающего вотума, по мнению ритора, следует искать аргументы не только в диалектических, но и в этических топосах, чтобы то, о чём говорится, показалось честным, славным, приятным, полезным (“*honestum, gloriosum, jucundum, utile*”). Таким образом, рассуждая об аргументах, пригодных для данного жанра, автор руководства, как и Феофан Прокопович, советует апеллировать к ценностным категориям. В опровергающем вотуме, по мнению ритора, важно научиться оспаривать чужое суждение не язвительно, а осторожно (“*caute ne mordaciter*”). Смешанный вотум объединяет задачи двух предыдущих видов. При его составлении ритор советует пользоваться как можно более сильными аргументами (“*firmissibus rationibus*”) для обоснования своего мнения, чтобы победа собственной позиции казалась очевидной и другим совещающимся не показалось, что предыдущее суждение было отвергнуто несправедливо [Diadema 1745–1746: 67].

Таким образом, совещательное (политическое) красноречие в XVIII веке находится в тени эпидейктического (торжественного), являясь в основном лишь предметом школьного изучения. Однако автор московской риторики всё же счёл

необходимым сообщить (хоть и кратко) правила составления подобных речей, считая, очевидно, что это умение может пригодиться учащимся на практике.

В рекомендациях по составлению совещательных речей обнаруживаются элементы риторики диалога, учитываются позиции адресата и адресанта речи, излагаются основополагающие принципы ведения дискуссии.

Классические концепции судебных и совещательных речей сохраняют своё теоретическое значение, даже когда риторическая практика ограничивается эпидейктическим красноречием.

3.4. Духовное красноречие

Обучение духовному красноречию (*eloquentia sacra*) являлось важнейшей задачей риторического курса в системе подготовки будущих священнослужителей, однако специальные разделы, посвящённые гомилетике, занимают скромное место в структуре учебных книг. Это объясняется тем, что предшествующие части курса уже содержали необходимые теоретические основы красноречия, а для более глубокого освоения *eloquentia sacra* были предусмотрены специальные дисциплины.

Обучение духовному красноречию, или гомилетике, включало формирование представлений о проповеди как особом жанре ораторской речи, об изобретении и расположении проповеди, об образе оратора-проповедника.

Следует обратить внимание на то, что в системе образования первых двух третей XVIII века господствовал, как отмечает Ю. В. Кагарлицкий, «надконфессиональный» подход. Преподавание в православных семинариях велось на латинском языке и часто опиралось на традиции иезуитов, «многие видные православные клирики отправлялись в иезуитские коллегии для завершения своего образования» [Кагарлицкий 1999: 244]. Проповедничество, изначально воспринимаемое как явление, нехарактерное для православного богослужения, с начала XVIII века становится в России важным государственным делом и инструментом поддержки верховной власти.

В риторике из Московской духовной академии, составленной в 1744–45 гг. в соответствии со схоластической иезуитской моделью образования, подробно рассматривается содержание понятия проповеди. Автор руководства подчёркивает античное происхождение термина *contio* (проповедь), напоминая, что этим словом Тит Ливий, Тацит, Курций и другие авторы обозначали обращения императоров и полководцев к армии или народу с похвалой какого-либо героического поступка или призывом к действию [Emporium 1744–1745: 156].

Новая дефиниция термина приводится следующая: “*oratio auctoritati scripturae sacrae aut patrium innixa, pium aliquid proponens populo Dei*” [Emporium 1744–1745: 156] («речь, опирающаяся на авторитет Священного Писания или отцов Церкви, представляющая людям божьим нечто благочестивое»).

Ритор выделяет три вида проповеди: нравственную (*moralis*), энкомиастическую (*encomiastica*) и смешанную (*mixta*). В нравственной проповеди из слов Священного Писания выводится тезис, относящийся к нравам. Энкомиастическая проповедь восхваляет, а смешанная преследует две цели – восхваление и моральный урок.

Кроме того, в зависимости от объёма речи ритор различает краткую проповедь, содержащую призыв или побуждение (*exhortatio*), и большую духовную речь (*sacra oratio major*) [Emporium 1744–1745: 157–158]. Аналогичное деление приводит нижегородский ритор, различая краткую (*sermo*) и большую (*concio sacra longior*) проповеди [Rhetorica 1766: 60].

Московский ритор даёт некоторые советы о том, как следует себя вести проповеднику. В частности, он считает, что не следует вступать в долгие споры с еретиками и атеистами, если этого не требует какая-либо особая причина (“*non instituat disputationes longas cum hereticis aut atheistis nisi peculiaris ratio id exigat*”) [Emporium 1744–1745: 156 (об)]. Проповеднику следует проявлять в своём поведении все те добродетели, о которых он говорит, чтобы не получилось, что он, поступая дурно, сам себя обвиняет (“*virtutem quod proponit Christianis in*

moribus suis tamque in speculo prius exprimat, qui enim bene dicit et male facit se ipsum condemnat) [Emporium 1744–1745: 157]. Жесты, положение тела и голос его должны быть достойнейшими (“*Gestus vocis et corporis adhibeat decentissimos*”) [Emporium 1744–1745: 156 (об)].

В риторике приводится ряд образцов построения проповеди, к её содержанию предъявляются те же требования, что и к герменевтическому истолкованию Священного Писания, изложенные в следующем широко известном двустишии, формулирующем четыре смысловых уровня сакрального текста – буквальный (учит или сообщает), аллегорический (укрепляет веру), моральный (направляет поведение), анагогический (устремляет к высокому):

“*Littera sacra docet, quod credas allegoria,
Moralis quod agas, quo tendas anagogia*” [Emporium 1744–1745: 160].

Это же двустишие цитирует и смоленский ритор Мануил Базилевич, рекомендуя поместить его во вступлении к проповеди и дополнить рассуждением [Basilevicz 1756: 122]

Мануил Базилевич даёт следующее определение проповеди: “*Contio est sacer sermo ad populum sive laudes sanctorum sive humanos mores investigans*” («Проповедь есть сакральная речь, обращённая к народу, либо содержащая похвалы святым, либо исследующая человеческие нравы») [Basilevicz 1756: 117 (об)]. Смоленский ритор, как и составитель московского руководства, различает три вида проповеди: нравственную, панегирическую и смешанную.

По мнению М. Базилевича, духовное красноречие (*eloquentia sacra*) отличается от светского (*eloquentia prophana*) только особой тематикой и источниками аргументации. Черпая доказательства из церковных догм и сочинений отцов церкви, духовное красноречие убеждает избегать зла и стремиться к добру (“*malum suadet fugiendum, sectandum bonum*”) [Basilevicz 1756: 118].

Проповедника смоленский ритор считает душой проповеди, подчёркивая важность нравственной добродетели духовного оратора: “*nam impurus concionator*

quantum monet verbo ne faciamus, tantum monet facto ut faciamus mala” («Ведь нечестивый проповедник в той же степени, в какой словом убеждает нас не делать зла, на деле убеждает его делать» [Basilevicz 1756: 118 (об)]. Базилевич формулирует три главные цели проповеди духовного оратора: “*arguere errantes, obsecrare justos, insectare sceleratos*” («убеждать заблудших, славить праведных, преследовать преступных») [Basilevicz 1756: 119].

Особое значение ритор придаёт расположению проповеди, утверждая: «Таким достоинством обладает хорошее расположение, что легко восполнит даже то, что недоставало изобретению и откроет широчайший простор для священного словесного выражения» (“*Tantae quoniam virtutis bona dispositio est, ut haec etiam id, quod inventioni deest facile suppleat, et amplissimum sacrae elocutioni campum aperiat*”) [Basilevicz 1756: 121 (об)].

Ритор приводит 12 способов расположения (композиции) проповеди. Первый, наиболее простой способ заключается в формулировании и последовательном безыскусном (*sine ullo artificio*) доказательстве нескольких положений. Второй способ подразумевает привлечение подходящих мест из Евангелия для истолкования нравственных идей. Третий способ основан на объяснении причин того, чему посвящена проповедь. (например, говоря о небесной славе праведника, рассказать, почему он её удостоен). Четвёртый способ представляет собой вопросно-ответную схему: “*dicturus concionator de aliqua virtute vel verbo, procedat per certas questiones*” [Basilevicz 1756: 122 (об)] («проповедник, который будет говорить о какой-либо добродетели либо о слове, пусть следует определённым вопросам»). Приводится следующий пример: “*si sermo sit institutus de paenitentia, dicet sive inquiret 1) virtus hic paenitentia sit necessaria hominibus. 2) Quae sit ejus vis et in quo potissimum consistit. 3) Qui sit illius effectus et conditiones. Item qui sit meritoria et quae secum dona trahat. 4) Dilatata vel prorsus omissa quaedam inferat*” [Basilevicz 1756: 122 (об)] («если речь о раскаянии, пусть скажет или спросит 1) раскаяние это добродетель, необходимая людям; 2) Какова его сила и в чём оно, главным образом, состоит; 3) каковы его следствия и

условия, то есть какой ценой оно достаётся и какие дары с собой приносит; 4) что будет, если его отложить или совсем от него отказаться»). Пятый способ заключается в амплификации отрывков из Евангелия. Шестой способ основан на аллегории. В качестве примера Базилевич приводит аллегорический тезис о Судном Дне, который делится на утро, полдень, вечер и ночь. В основе седьмого способа лежит антитеза, разделение проповеди на две части, относящиеся к противоположным предметам. Примером служит начало проповеди, произносимой в Пасхальное воскресенье: “*Desideratus hospes Christus ad nos venit, et quidem qui et in coelo et a te aliquot dies in inferis fuit. Queramus ergo ab eo nova, quid agatur in coelo, et quid in inferno*” [Basilevicz 1756: 123] («Желанным гостем Христос к нам пришёл, он побывал и на небе и несколько дней в аду. Так узнаем у него, что происходит на небе и что в аду»). Восьмой способ основан на сравнении (например, можно сравнить два праздника или два Евангелия). Девятый способ совпадает с четвёртым и вновь представляет чередование вопросов и ответов (“*instituitur tota contio per interrogationes et responsiones*”) [Basilevicz 1756: 123 (об)]. Десятый способ опирается на объекты или обстоятельства, примыкающие к теме проповеди. Одиннадцатый способ предлагает после определения темы поразмыслить над ней с помощью вспомогательных вопросов «кто?», «что?», «почему?» и т. д. (“*habito themate reflectete ad illas particulas quis, quid etc.*”) [Basilevicz 1756: 123 (об)]. Двенадцатый способ, как и седьмой, основан на антитезе. Хотя автор заявляет о двенадцати способах расположения проповеди, он приводит ещё и последний (*ultimus*), имеющий форму силлогизма, который признаётся наилучшим.

В руководстве Базилевича приводится большое количество практических рекомендаций по подготовке проповеди. Среди них – предписания не стремиться к оригинальности речи и демонстрации ума (в противном случае проповедник «будет проповедовать себя самого, а не Христа» (“*alioquin praedicaret se ipsum non Christum*”)), точно цитировать авторитетные мнения, не добавляя от себя того, чего нет в тексте (“*nec audeat quidquam opponere, quid in vero textu non habetur*”),

избегать неряшливого и обыденного стиля (“ne unquam stylo sordido et solito sacras compellet personas”) [Basilevicz 1756: 119].

Если М. Базилевич видит идеал в скромной, безыскусной проповеди, считая это стилистическое требование ещё одним отличием духовного красноречия от светского, то Феофан Прокопович в своём риторическом сочинении, напротив, высказывает мнение о необходимости в проповеди украшений (“eloquentiae lumina”), в частности, метафор и аллегорий [Procorovič 1982: 432]. В подтверждение своей мысли Феофан Прокопович приводит из Священного Писания многочисленные примеры метафор, олицетворений, аллегорий, гипербол, риторических вопросов, просопопеи и других украшений речи.

Ритор допускает использование в проповеди шуток и даже бранных слов (если они необходимы для осуждения нечестивцев и еретиков) [Procorovič 1982: 435–437]. И в этом отношении позиции Базилевича и Прокоповича не совпадают. Смоленский ритор настаивает на сдержанности проповедника, призывает исцелять, а не оскорблять заблудших [Basilevicz 1756: 119].

Следует отметить, что риторически изощрённые проповеди Феофана Прокоповича воспринимались как образцовые модели духовного красноречия и использовались в дидактических целях [см. Kislova 2014: 191], однако в церковной практике превалировало требование простоты и безыскусности проповеди.

Составитель коломенской риторики 1761 г. делит проповеди на два вида. Одни относятся к эпидейктическому, другие – к совещательному роду: “aliae jure suo genus demonstrativum sibi deprecant, aliae deliberativum” [Praecepta 1761: 189–189 (об)]. Первые произносятся по случаю церковных и некоторых светских праздников, вторые делятся на герменевтические, т. е. поясняющие Священное Писание, и профетические, порицающие пороки и призывающие к добродетели. Часто гомилии, уточняет автор, сочетают в себе черты разных типов. Рассказывая о содержании проповедей, составитель рукописи к некоторым словам,

допускающим разные варианты истолкования или имеющим особо важное значение, добавляет русские глоссы. Например, рядом со словом “humilitas” пишет «смиреномудрие» [Praecepta 1761: 191], рядом с “Hexameron” – «Шестоднев» [Praecepta 1761: 193].

Несмотря на некоторые расхождения в трактовке духовного красноречия, авторы риторик XVIII века демонстрируют единство подхода к гомилетике как ораторскому искусству, сохраняющему преемственную связь с классической риторикой и продолжающему её традиции. Духовное красноречие изучалось после подробного освоения общей риторики, опирающейся на античный риторический канон, поэтому посвящённые ему разделы содержат много отсылок к предыдущим главам и затрагивают только отдельные частные вопросы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возрождение интереса к риторике, которое наблюдается во всём мире, закономерно сопровождается обращением к истории науки о красноречии, стремлением проследить все этапы её становления от античности до современности.

Значимыми аспектами истории элоквенции в России являются становление риторики как учебной дисциплины, процесс адаптации классической теории к актуальным практическим задачам, овладение латинской техникой красноречия и создание научного аппарата на русском языке.

Латинские руководства по риторике – важный источник представлений о роли латыни в образовании и культуре России XVIII века. Латинские рукописные риторики широко применялись в учебной практике в России этого времени.

Несмотря на наличие авторитетных печатных учебников, учителя риторики считали необходимым создавать собственные рукописные руководства, обобщающие и упрощающие риторическую теорию. Хотя подобные пособия часто имели компилятивный характер, иногда декларируемый автором, они отличались определённой самостоятельностью. В частности, отбор и принципы изложения материала в различных руководствах, своеобразие композиции, методические советы и примеры свидетельствуют о творческом переосмыслении классической риторической теории и стремлении приблизить её к реальной практике. Следует отметить и тот факт, что, хотя преподавание риторики велось на латинском языке, вместе с тем поощрялось применение полученных знаний в риторических выступлениях на русском языке. Поэтому в латинских учебных риториках XVIII века встречаются примеры речей на русском языке (“*praxeis slavonicae*”).

Материал настоящего исследования составили десять рукописных руководств на латинском языке, составленных для преподавания риторики в

Славяно-греко-латинской академии, Вологодской, Нижегородской, Рязанской, Коломенской семинариях и Смоленском коллегиуме.

Важным представляется вопрос о степени самостоятельности и оригинальности составителей латинских риторик. Компилятивный характер риторических руководств не вызывает сомнений и оправдан задачами учебных книг, аккумулирующих наиболее ценные и значимые по мнению составителя, а также важные для учащихся знания.

Риторическое образование в России XVIII века было построено на классическом античном фундаменте. В учебных рукописных риторических руководствах на латинском языке, созданных в России этого времени, античные традиции науки о красноречии находят разнообразное отражение. В рукописных учебных книгах широко используются теоретические постулаты античных риторик, тексты античных авторов служат источником примеров, сведения из античной истории и культуры, фрагменты латинской поэзии рекомендуются включать в учебные декламации.

Среди античных источников российских риторик наиболее значительным является, безусловно, Цицерон. Восприятие Цицерона как авторитетного теоретика риторики и сильнейшего из ораторов характерно для европейского образования XVII–XVIII вв. в целом и для Центральной и Восточной Европы в частности. Привлекаются как теоретические положения, так и отрывки из речей оратора в качестве иллюстраций. Встречаются, хотя и значительно реже, отсылки к риторическим сочинениям Аристотеля и Квинтилиана. Источниками примеров служат сочинения многих античных авторов – Вергилия, Овидия, Сенеки, Проперция, Марциала, Плиния Младшего. Примеры извлекаются и из христианских текстов – Священного Писания, сочинений отцов церкви. Из этих текстов берутся многочисленные примеры, иллюстрирующие виды аргументации, особенности стиля, применение тропов и фигур.

Составители руководств во многом опираются также на труды европейских теоретиков риторики XVI века Киприано де Соареса, Герхарда

Фосса, Николя Коссена, Иоганна Готлиба Гейнекция. Одним из наиболее авторитетных источников является риторический труд Феофана Прокоповича, выдержки из которого в некоторых риториках (в частности, в новгородской, рязанской и вологодской) приводятся без указания авторства. Риторика Феофана по своей обстоятельности и глубине намного превышает уровень учебных книг, поэтому заимствования из неё ограничены афористичными, красиво сформулированными фразами, и не затрагивают основного содержания. Однако следует отметить, что трактат Феофана использовался в преподавании в Славяно-греко-латинской академии в 1750–1753 гг., о чем свидетельствуют сохранившиеся студенческие копии риторики.

Важным источником служат польские риторические сочинения. Так, теория остроумия в смоленском руководстве изложена с опорой на «*De acuto et arguto*», сочинение польского ритора XVII в. Сарбевиля (Мацея Казимира Сарбевского), некоторые примеры в разных риториках приводятся на польском языке или касаются персоналий польской истории.

В нижегородской и рязанской риториках в разделах, посвящённых остроумию и тропам, используются примеры на русском языке, заимствованные из «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова. Тот факт, что в риторике, составленной на латинском языке, включались примеры на русском языке, взятые из трактата Ломоносова (хотя и без ссылок), свидетельствует об известности и влиятельности ломоносовской риторики в 50-60-е гг. XVIII века.

Московские руководства по отсылкам к теоретическим источникам и отбору примеров обнаруживают наиболее тесную связь с западно-европейской и польской риторикой. Вместе с тем именно в риторике 1745–1746 гг. [*Diadema 1745–1746*] в разделе, посвящённом политическому красноречию, автор постарался подобрать примеры, связанные с русскими реалиями.

Структура большинства руководств соответствует схеме преподавания риторики, сложившейся под влиянием иезуитской системы обучения. Первая часть курса является вводной и содержит предварительные сведения,

необходимые для дальнейшего, более глубокого изучения риторической теории. Представление о том, что следует отнести к началам риторики, у каждого ритора своё, но, как правило, в этой части курса рассматриваются основные понятия и средства красноречия, правила построения периодов, образцы составления писем. В некоторых руководствах вводная часть включает также каталог тропов и фигур, правила амплификации и построения хрии.

Риторика М. Базилевича из Смоленского коллегиума [Basilevicz 1756] по построению соответствует общей схеме, но в часть, в которой рассматривается риторический канон, добавлен раздел о духовном красноречии, который предшествует разделам о двух последних этапах подготовки речи – запоминанию и произнесению. Вологодский ритор [Наставления 1764] также посвящает специальный раздел духовному красноречию.

Интересным примером распределения учебного материала в преподавании риторической науки могут послужить три московские риторики, составленные для трёх последовательно идущих курсов [Eloquentia 1743–1744, Emporium 1744–1745, Diadema 1745–1746]. В первом руководстве, хотя и содержащем в названии слово *eloquentia*, больше уделяется внимания поэтике, чем риторике. Ритор называет свой курс подготовительным (*Progymnasmata*), отводя поэтике, т. е. знакомству со стихотворными размерами и поэтическими жанрами, роль первого этапа в освоении искусства красноречия. В руководстве есть разделы, посвящённые амплификации, тропам и фигурам, т. е. темам, которые в других риториках трактуются как собственно риторические. Второе руководство имеет структуру, совпадающую с большинством рассмотренных риторик. После вступительной части, трактующей ключевые понятия риторики, излагаются сведения о риторическом каноне, а затем рассматриваются отдельные виды речей. Жанры красноречия разделены на три группы: школьное красноречие (*eloquentia scholastica*), официальное, или любезное красноречие (*eloquentia officiosa*), духовное красноречие (*eloquentia sacra*). Третья риторика не является прямым продолжением предыдущего курса, в ней также содержатся сведения о средствах

красноречия и риторическом каноне, но вторая часть руководства предлагает иную классификацию речей. Ораторские жанры разделены в соответствии с античной классификацией на три рода красноречия – эпидейктическое, совещательное, судебное (*orationes generis demonstrativi, deliberativi et judicialis*). Совещательному (политическому) красноречию уделено особое внимание, в отличие от других риторик, где оно не рассматривается вообще. Топике политической речи посвящена третья часть руководства.

Примером последовательного изучения поэтики и риторики служит также риторика 1727–1728 г. из Славяно-греко-латинской академии [*Viridarium 1727–1728*], представляющая собой ученический конспект двух курсов с владельческой надписью Петра Гребенского. Значительную часть рукописи составляют примеры речей на латинском и русском языках, возможно, составленные самим учащимся.

Основной теоретический материал в риториках расположен в соответствии с этапами риторического канона. Исключение составляет вологодская риторика, в которой нарушается традиционная последовательность частей канона, а именно словесное выражение предшествует изобретению и расположению, а запоминание и произнесение бегло рассматриваются в отделе, посвящённом расположению.

В большинстве рассмотренных риторических курсов раздел, посвящённый теории и практике риторического изобретения, является наиболее развёрнутым и обстоятельным. Он включает предписания, относящиеся к выбору темы, риторическим топосам, видам аргументов, в том числе патетических (аффектов). Система риторических топосов служила схемой ораторского выступления, предлагала возможности для развития мысли и распространения речи. Составление речи по хрии, то есть в соответствии с определённой последовательностью топосов, было важным этапом подготовки будущего оратора.

За изобретением традиционно следует расположение. Эта часть канона, регламентирующая правила композиции ораторской речи и порядок расположения аргументов, во всех риториках трактуется обстоятельно. Следует

отметить традиционность трактовок риторической теории диспозиции российскими риториками. Все рассмотренные риторика в большей или меньшей степени зависимы от трактата Феофана Прокоповича. В риторике М. Базилевича в качестве одного из источников упомянуто сочинение иезуита Соария. Среди других теоретических источников необходимо назвать Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, Николя Коссена, ссылки на сочинения которых присутствуют во многих руководствах. В вологодской риторике раздел «Расположение» отличается значительной пестротой. В него включены главы о запоминании и произнесении, а также характеристика жанров красноречия.

В разделах, посвящённых словесному выражению, систематически изложены теоретические положения риторики, связанные с языковыми аспектами порождения речи. Прежде всего авторы руководств рассматривают такую тему, как качества (*requisita*) или достоинства (*virtutes*) красноречия. К ним относятся чистота, ясность, слаженность, уместность, изящество. Наибольшее внимание уделялось изяществу стиля (*elegantia, venustas, urbanitas*), которое воспринималось как неперемнная черта истинного красноречия. Под изяществом понималось умелое использование стилистических украшений и утончённое остроумие.

Составители риторик в своих предписаниях отразили стилистические вкусы своего времени, тяготеющие к барочной орнаментальности. В вопросах стиля наиболее авторитетным для авторов российских учебных риторик оказался трактат немецкого философа и богослова Иоганна Готлиба Гейнекия “*Fundamenta stili cultioris*” («Основы изящного стиля», 1719), известного чрезмерными требованиями к декоративной отделке речи. Так, разделы о стиле в вологодской и рязанской риториках почти полностью заимствованы из трактата Гейнекия. В частности, из его сочинения взяты дефиниции разных стилей, а также представление об украшенном, орнаментальном стиле как об идеале красноречия.

Значительное место в разделах о словесном выражении занимает учение о тропах и фигурах. В некоторых риториках этот материал вынесен в вводную,

подготовительную часть. В этом случае в основной части рассматриваются функции этих приёмов, уместность их применения и воздействие на слушателей. Так поступает, в частности, автор смоленского руководства М. Базилевич.

Завершающие части риторического канона, *memoria* (запоминание) и *actio* (произнесение), трактуются довольно бегло, поскольку считаются менее важными (“*minoris momenti rhetoricae partes*”) [Наставления 1764: 104 (об)]. В интерпретации памяти и произнесения как частей классического риторического канона авторы рукописных риторик подчёркивают главную роль природных дарований, но и указывают на необходимость усердных упражнений. В своих наставлениях они приводят многочисленные практические советы, опираясь не только на античную и европейскую риторическую теорию, но, очевидно, и на свой жизненный опыт.

Переходя от изучения общей риторики к частной, авторы руководств затрагивают проблему классификации красноречия, выделения отдельных видов речей. Античная классификация видов красноречия, в соответствии с которой речи делились на эпидейктические, совещательные и судебные, представлялась, как правило, не вполне пригодной для нового времени. Этого деления придерживается составитель одной из московских риторик, остальные авторы предлагают иные классификации.

Нижегородский ритор выделяет академическое, политическое, церковное и общее красноречие. Поскольку риторическое руководство было предназначено для семинарии, в центре внимания автора оказываются церковное и академическое красноречие. В смоленской и вологодской риториках красноречие делится на духовное и светское, но в светском красноречии внимание авторов риторики привлекает почти исключительно *eloquentia officiosa* (любезное, или официальное красноречие). К этой группе речей относились поздравительные, приветственные, прощальные, свадебные, благодарственные, надгробные, сопровождающие вручение даров и др. Важное место во всех риториках занимает панегирик, центральный жанр среди жанров устной публичной речи в России

XVIII века, которому отводили самостоятельное место в классификациях, не включая его в группу любезных речей.

Судебное красноречие, не востребованное в юридической практике в России XVIII века, сохраняло своё значение только как часть академического красноречия. Оно изучалось, главным образом, для того, чтобы лучше понимать древних авторов. Составление судебных речей входило в программу риторической подготовки будущего оратора, но специального внимания в учебных риториках ему не уделялось.

Совещательное красноречие в риторической практике России XVIII века было представлено в основном в сфере дипломатической риторики. В большинстве практических курсов риторики совещательному красноречию не уделялось внимания вообще или рассматривались только отдельные его жанры. Так, в московской риторике выделены такие жанры, как *legatio* (посольство) и *votum* или *sententia* (решение, принятое на каком-либо собрании, вотум). В этой же риторике специальный раздел посвящён политической эрудиции, в него входят три главы: “*De re publica*”, “*De virtutibus*”, “*De vitiiis*”. Хотя существовало представление, что политическое красноречие к этому времени давно утратило актуальность и сохранилось лишь в школьном курсе риторики, составитель риторики считает нужным не только подробно рассмотреть круг политических топов, но и дать учащимся некоторые советы в области государственного управления.

После подробного освоения общей риторики, опирающейся на античный риторический канон изучалось духовное красноречие. Обучение духовному красноречию, или гомилетике, включало формирование представлений о проповеди как особом жанре ораторской речи, об изобретении и расположении проповеди, об образе оратора-проповедника.

Таким образом, в диссертационном исследовании были рассмотрены композиция, содержание, методические принципы, выбор иллюстративного материала в российских рукописных риториках на латинском языке. Определён

ряд основных античных и новолатинских теоретических источников, на которые опирались составители учебных книг.

Перспектива исследования рукописных риторических руководств на латинском языке связана с введением в научный оборот ранее не исследованных текстов и материалов, что позволит расширить представление о процессе формирования российской риторической науки, полнее представить роль латинского языка в истории российского гуманитарного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) источники

- 1 Античные риторика. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 352 с.
- 2 Античные теории языка и стиля. СПб.: Алетейя, 1996. 363 с.
- 3 Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1979. – 552 с.
- 4 Деметрий. О стиле // Античные риторика. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – С. 237–285.
- 5 Квинтилиан, Марк Фабий. Двенадцать книг риторических наставлений. – СПб., 1834.
- 6 Ломоносов, М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений. – Т. 7. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – С. 89–378.
- 7 Ломоносов, М. В. Сочинения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 576 с.
- 8 Ломоносов, М. В. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1895. – Т. III.
- 9 Наставления по риторике на примерах из латинских авторов... Вологодская семинария. – 1764. – РГБ (Великоустюжское собрание). – Ф. 122, № 14.
- 10 Прокопович, Феофан. Об искусстве риторическом десять книг / пер. Г. А. Стратановского. – М.-СПб.: Альянс–Архео, 2020. – 488 с.
- 11 Прокопович, Феофан. Сочинения. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 502 с.
- 12 Риторика студента владельца Димитрия Смирнова. – Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1751–1753. – РГБ. – Ф. 173.1., № 348. – 148 л.
- 13 Цицерон Марк Туллий. Речи. – Т. 1. – М.: Наука, 1993. – 452 с.
- 14 Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972. – 471 с.
- 15 Basilevicz, Manuel. Opus artis oratoriae... Смоленская коллегия. – 1756. – РГБ. – Ф.733 (Смолен.), № 21. – 154 л.

- 16 Caussin, Nicolaus. De eloquentia sacra et humana libri XVI. – Editio quinta. – Lugduni, 1637. – 1011 p.
- 17 Cicero. De oratore. – Vol. 1–2. – London; Cambridge, Massachusetts, 1967.
- 18 M. Tulli Ciceronis Orationes. – Vol. 1. – Oxford: Oxford University Press, 1922.
- 19 M. T. Ciceronis Rhetoricorum ad Herennium libri quattuor, eiusdem de inventione rhetorica libri duo. – Lipsiae, 1828.
- 20 Diadema ex immarcessibilibus floribus Tullianae suadae in ornamentum Rossiae laureatis capitibus Neotullianorum in Mosquensi Graecolatino viridario contextum ... Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1745–1746. – РГБ. – Ф. 173 (1), № 355. – 168 л.
- 21 Eloquentia ligata artificii in articulos divisa atque ad usum Roxolanae juventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata (Красноречие, искусно разделённое на статьи, приуроченное к пользованию российского юношества в Московской православной академии). – 1743–1744. – РГБ. – Ф. 341. – № 2136. – 203 л.
- 22 Emporium totius facultatis rhetoricae selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam stili et vulgarem in omni dicendi genere modum magis conducentibus nec non rebus ac ideis ad instruendum tum sacrum tum civilem oratorem et pluribus ad artem rhetoricam spectantibus refertissimum ad usum et imitationem rhetoribus expositum in Moscoviensi sacratissimae imperatoriae majestatis academia anno 1744 septembri die 21-ma in annum 1745 (Собрание всего, к риторике касающегося, с приведением всех оснований, выбранных для изысканного и повседневного стилия из всех видов беседы, всех вещей и мыслей к научению ораторов как церковных, так гражданских, и многого другого к риторике относящегося, для употребления и подражания собранное в Московской священной имп. Академии в 1744–1745 гг.). – РГБ. – Ф. 173.1, № 356. – 178 л.
- 23 Gottshed, J. Ch. Ausführliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer, geistlichen und weltlichen Rednern zu

- gut, in zweenen Theilen verfasset und mit Exempeln erläutert. – Leipzig, 1736.
– 620 p.
- 24 Pomey, F. A. Candidatus Rhetoricae. – Parisiis. 1712. – 386 p.
- 25 Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt cum pernecessariis observationibus collecta atque ad usum studiosae juventuti in seminario Colomnensi sub almis suspiciis illustrissimi Porphyrii Episcopi Colomnensis legi et explicari (Наставления в искусстве красноречия, почерпнутые у авторов, старавшихся развить врождённую способность к разговору, с необходимейшими замечаниями, собранные для пользования учащихся в Коломенской семинарии юношей под наблюдением славного Порфирия, епископа Коломенского, к чтению и объяснению). Коломенская семинария. – 1761. – РГБ. – Ф. 173.1, № 357. – Л. 85–193.
- 26 Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta... (Наставления в ораторике, почерпнутые у древних и новых авторов...). Рязанская семинария. 1759. – РГБ. – Ф. 194 (К.И. Невоструева), № 43. – 249 л.
- 27 Procopovič Feofan. De arte rhetorica libri X // Slavistische Forschungen. – Köln; Wien, 1982. – 496 p.
- 28 Quintilianus, M. Fabius. Institutiones oratoriae. – Lipsiae, 1887.
- 29 Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. – 1766. – РГБ. – Ф. 312, № 78. – 95 л.
- 30 Sarbiewski, M. K. De acuto et arguto // Sarbiewski, M. K. Wykłady poetyki. – Wrocław–Kraków, 1958.
- 31 Soarius, Cyprianus. De arte rhetorica libri tres ex Aristotele, Cicerone et Quintiliano praecipue deprompti... – Taurini, 1686.
- 32 P. Vergili Maronis opera. – Oxford: Oxford University Press, 1969.
- 33 Viridarium Excellentissimae Artis Oratoriae... Москва, 1727–1728. – РГБ. – Ф. 299, № 603. – Лл. 114–236.

- 34 Vossius, G. I. *Commentariorum rhetoricorum sive oratoriarum institutionum libri sex.* – Lugduni Baravorum, 1643.
- 35 Wegeler, J. *Philosophia Patrum versibus praesertim leoninis, rhythmis Germanicis adjectis, juventuti studiosae hilariter tradita.* – *Conjunctibus Rud. Frid. Hergt.* – 1869. – 116 p.

б) научная и учебная литература

- 36 Аверинцев, С. С. Античный риторический идеал и культура Возрождения // *Античное наследие в культуре Возрождения.* – М., 1984. – С. 142–154.
- 37 Аверинцев, С. С. *Образ античности.* – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 480 с.
- 38 Аверинцев, С. С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции.* – М.: Школа «Языки современной культуры», 1996. – 448 с.
- 39 Аверинцев, С. С. Риторический принцип как фактор непрерывности на переходе от античности к средневековью и от средневековья к Возрождению // *Западноевропейская средневековая словесность.* – М.: Изд-во Московского университета, 1985. – С. 6–9.
- 40 Аннушкин, В. И. *История русской риторики.* – М.: Академия, 1998. – 416 с.
- 41 Аннушкин, В. И. *Первая русская риторика XVII века. Текст. Перевод. Исследование.* – М.: КДУ; Добросвет, 2021. – 368 с.
- 42 Аннушкин, В. И. *Преподавание риторики в России XVIII века: программы, школьные сочинения и речи* // *Риторика.* – № 1 (4). – М.: Лабиринт, 1997. – С. 52–66.
- 43 Аннушкин, В. И. *Риторика. Экспресс-курс. Учебное пособие.* – М.: Флинта: Наука, 2007. – 224 с.
- 44 Аннушкин, В. И. *Русская риторика: исторический аспект: Учебное пособие.* – М.: Высшая школа, 2003. – 397 с.
- 45 Аннушкин, В. И. *Спорные вопросы риторического образования* // *Риторика и культура речи: наука, образование, практика. Мат-лы XIV*

- Международной научной конференции (1-3 февраля 2010 г.). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 4–7.
- 46 Аннушкин, В. И. Эволюция и содержание предмета русской риторики в истории русской филологии (XI – середина XIX вв.): дис... доктора филол. наук. – М., 1997. – 439 с.
- 47 Антонец, Е. В. К вопросу о структуре сложного периода в речах Цицерона // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2017. – № 21. – С. 7–25.
- 48 Антонец, Е. В. Проблемы латинской терминологии рукописной книги в античности (II в. до н.э. – III в. н.э.): дис... доктора филол. наук. – М., 2009. – 49 с.
- 49 Безменова, Н. А. Очерки по теории и истории риторики. – М.: Наука, 1991. – 215 с.
- 50 Блок, Г. П., Макеева, В. Н. Примечания // Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. – Т.7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 781–949.
- 51 Богданов, К. А. Нерусская хрия: польза, забота, строптивые слова // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 2 (132). – С. 39–54.
- 52 Буланина, Т. В. К вопросу о датировке первой русской «Риторики» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма: сборник научных трудов. – Новосибирск, 1989. – С. 36–57.
- 53 Буланина, Т. В. Первое издание «Риторики» Феофана Прокоповича // Русская литература. – 1980. – № 3. – С. 230–232.
- 54 Буланина, Т. В. Риторика в Древней Руси. Сведения о теории красноречия в русской письменности XI–XVII веков: автореферат дис... канд. филол. наук. – Л., 1985. – 24 с.
- 55 Буранок, О. М. Русская литература XVIII века: Петровская эпоха. Феофан Прокопович. – М.: Флинта–Наука, 2003. – 336 с.

- 56 Буранок, О. М. Своеобразие ораторской прозы Феофана Прокоповича киевского периода // Культура и текст. – 1997. – № 1. – С. 56–62.
- 57 Буранок, О. М. Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века: автореферат дис... доктора филол. наук. – Самара, 2013. – 55 с.
- 58 Бухаркин, П. Е. История русской литературы XVIII века. – СПб., 2009. – 498 с.
- 59 Бухаркин, П. Е. «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: литературный статус и некоторые проблемы филологического изучения // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. – СПб.: Нестор–История, 2013. – С. 36–71.
- 60 Бухаркин, П. Е. Риторика и история литературного языка // Мир русского слова. – 2017. – № 1. – С. 47–53.
- 61 Бухаркин, П. Е. Риторика и смысл. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – 168 с.
- 62 Бухаркин, П. Е. Риторика М. В. Ломоносова и классические традиции в русской литературе // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И. М. Тронского): материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 23–25 июня 2014 г.). – СПб.: Наука, 2014. – С. 98–118.
- 63 Бухаркин, П. Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. – 2009. – № 9–10. – С. 100–121.
- 64 Валькастелли, М. Латинский язык в истории формирования русской интеллектуальной лексики с конца XVI в. по XVIII в.: автореферат дис... канд. филол. наук. – М., 2010. – 22 с.
- 65 Василенко, Т. В. Терминология русских риторик XVIII – начала XIX вв.: дис... канд. филол. наук. – Архангельск, 1998. – 237 с.

- 66 Ветушко-Калевич, А. А. Новолатинская литература Швеции: Юхан Видекинд и его источники: автореферат дис... канд. филол. наук. – СПб., 2018. – 26 с.
- 67 Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982. – 529 с.
- 68 Вознесенская, И. А. Греческие школы Иоанникия и Софрония Лихудов в начале XVIII в.: дис... канд. истор. наук. – М., 2004. – 217 с.
- 69 Вознесенская, И. А. Московская Славяно-греко-латинская академия в первой трети XVIII века // Россия и христианский Восток. – Вып. II–III. – М.: Индрик; ИВИ РАН, 2004. – С. 518–523.
- 70 Волков, А. А. Курс русской риторики. – М.: Храм св. муч. Татианы при МГУ. – 2001. – 480 с.
- 71 Волков, С. С. Словарь-справочник «Риторика М. В. Ломоносова»: Источники и тексты // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. – СПб.: Нестор–История, 2013. – С. 17–35.
- 72 Вомперский, В. П. Риторика в России XVII – XVIII вв. – М.: Наука, 1988. – 180 с.
- 73 Вомперский, В. П. Риторика XVII–XVIII веков и их роль в описании процессов развития русского литературного языка и русской литературы // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1978. – № 5. – С. 39–44.
- 74 Воробьёв, Г. М. Биологические трактаты Аристотеля в латинском переводе Феодора Газы как памятник гуманистической филологии: автореферат дис... канд. филол. наук. – СПб., 2017. – 24 с.
- 75 Воробьёв, Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. – Саранск: ИМУ, 1999. – 240 с.
- 76 Воробьёв, Ю. К. Латинский язык и отражение греко-римской мифологии в русской культуре XVIII века: дис... доктора культурол. наук. – М., 2000. – 354 с.

- 77 Воронихин, А. В. О пользе классического образования для Европы и Российской империи // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России: материалы международного научного colloquium (Саратов, 2–6 сентября 2001 г.). – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. – С. 36–41.
- 78 Гаспаров, М. Л. Античная риторика как система // Гаспаров, М. Л. Об античной поэзии. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 424–472.
- 79 Гаспаров, М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972. – С. 7–73.
- 80 Граудина, Л. К. Русская риторика: хрестоматия. – М.: Просвещение, 1996. – 558 с.
- 81 Граудина, Л. К., Миськевич, Г. И. Теория и практика русского красноречия. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
- 82 Григорьева, И. Л., Салонилов, Н. В. Новгородская «академия»: к истории учебных заведений Новгорода XVIII в. // Новгородский исторический сборник. – Вып. 11 (21). – СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2008. – С. 185–218.
- 83 Живов, В. М. Язык и культура в России XVIII века. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 591 с.
- 84 Зайцев, Д. А. Киево-Могилянская школа в её влиянии на русскую религиозно-философскую мысль второй половины XVII вв.: автореферат дис... канд. филос. наук. – М., 2010. – 25 с.
- 85 Зарифьян, И. А. Теория словесности: Библиография и комментарий. Подписная научно-популярная серия «Лекторское мастерство». – М.: Знание, 1990. – № 2. – 64 с.
- 86 Зелинский, Ф. Ф. Цицерон в истории европейской культуры // Цицерон, Марк Туллий. Полное собрание речей в русском переводе. – Т. 1. – СПб.: А. Я. Либерман, 1901. – С. XXIII–LVIII.

- 87 Кагарлицкий, Ю. В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М.: РАН, 2000. – С. 243–258.
- 88 Кагарлицкий, Ю. В. Риторические стратегии русской проповеди переходного периода (1705–1775): автореферат дис... канд. филол. наук. – М., 1999. – 22 с.
- 89 Кибальник, С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. – Вып. 14. – Л.: Наука, 1983. – С. 193–206.
- 90 Кибальник, С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // Кибальник, С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. Очерки. – СПб.: Петрополис, 2012. – С. 375–389.
- 91 Кириллова, Н. Н. Критерии оценки риторического идеала: от классики к современности // Интерактивная наука. – 2017. – № 13. – С. 126–132.
- 92 Киселёва, М. С. Интеллектуальный выбор России 2-ой пол. XVII – нач. XVIII в.: от древнерусской книжности к европейской учёности. – М.: Прогресс–Традиция, 2011. – 472 с.
- 93 Кислова, Е. И. «Латынь» и «словенский» в начальном образовании детей духовенства XVIII в. / *Studia Slavica*. – 2015. – Vol. 60 (2). – С. 315–330.
- 94 Кислова, Е. И. Польский язык в российских семинариях XVIII в.: из истории культурно-языковых контактов // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 2015. – № 3. – С. 155–170.
- 95 Кислова, Е. И. Учебные пособия по латыни и их использование в русских семинариях XVIII в. // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – № 5–30. – Великий Новгород, 2020. – С. 64–69.
- 96 Клейн, И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // *Slověne*. – 2015. – № 2. – С. 36–71.
- 97 Корнилова, Е.Н. Риторика – искусство убеждать. Свообразие публицистики античной эпохи. – М.: УРАО, 1998. – 205 с.

- 98 Костин, А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // *Slavica Revalensia*. – 2015. – Vol. 2. – С. 9–34.
- 99 Костин, А. А., Лемешев, К. Н. «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: история первого издания (1748 г.) // *Slověne*. – 2017. – Vol. 6. – № 2. – С. 310–346.
- 100 Кочеткова, Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. – Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. – Л.: Наука, 1974. – С. 50–80.
- 101 Крёкшина, М. С. Практические пособия по риторике XVIII века, составленные из речей студентов // Современная риторика и речеведческие дисциплины: от устного диалога до компьютерно-цифрового взаимодействия: материалы XXVI Международной научно-практической конференции / под общей редакцией Ч. Б. Долецкого, А. Ю. Платко. – М.: МГЛУ, 2023. – С. 400–407.
- 102 Кузнецова, Т. И., Стрельникова, И. П. Ораторское искусство в Древнем Риме. – М.: Наука, 1976. – 287 с.
- 103 Курилова, А. Д. Авторские декларации в предисловиях к латинским рукописным риторикам в России XVIII века // Риторика и культура речи: Наука, образование, практика: материалы XIV Международной научной конференции (Астрахань, 1–3 февраля 2010 г.). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский Университет», 2010. – С. 115–117.
- 104 Курилова, А. Д. Академическое красноречие в интерпретации нижегородской рукописной риторики XVIII века // Славянские языки и культуры в современном мире. II Международный научный симпозиум: труды и материалы (МГУ им. М. В. Ломоносова, 21–24 марта 2012 г.). – М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. – С. 223–224.

- 105 Курилова, А. Д. Аллегория как риторический приём в освещении российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIII (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 24–26 июня 2019 г.). – СПб.: Наука, 2019. – С. 237–241.
- 106 Курилова, А. Д. Амплификация как одно из начал риторики (на материале российских рукописных руководств XVIII века на латинском языке) // Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики. Гуманитарные и социальные науки, образование. – Часть III. Материалы X Международной научно-практической конференции (Тольятти, 18–21 апреля 2013 г.). – Тольятти: Волжский ун-т им. В. Н. Татищева, 2013. – С. 292–296.
- 107 Курилова, А. Д. Античные источники российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVI (1): материалы Международной конференции, посвящённой памяти проф. И. М. Тронского (ИЛИ РАН, 27–29 июня 2022 г.). – Vol. 26 (1). – СПб.: ИЛИ РАН, 2022. – С. 658–671.
- 108 Курилова, А. Д. Аффекты и их роль в искусстве красноречия (на материале российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке) // Эмоциональные концепты в структуре художественного произведения: материалы Международной заочной научной конференции (Астрахань, 20–25 апреля 2013 г.). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2013. – С. 18–20.
- 109 Курилова, А. Д. Влияние «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова на российские риторики XVIII века на латинском языке // Чтения Отдела русской литературы XVIII века (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук). – Вып. 8.: Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская

- гуманистическая традиция и русская литература конца XVII – начала XIX века. – М. – СПб.: Альянс-Архео, 2018. – С. 252–257.
- 110 Курилова, А. Д. Гипербола: троп или состояние тропа? // Русская словесность. – № 6. – 2011. – С. 18–20.
- 111 Курилова, А. Д. Дидактические аспекты преподавания риторики в России XVIII века (на материале рукописных руководств на латинском языке) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX (чтения памяти И. М. Тронского): материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 20–22 июня 2016 г.). – СПб.: Наука, 2016. – С. 552–558.
- 112 Курилова, А. Д. Жанр приветственной речи в освещении российских латиноязычных риторик XVIII века // Риторика в социокультурном пространстве современной России: материалы XXVII Международной научно-практической конференции (Москва, Московский государственный педагогический университет, 1–2 февраля 2024 г.). – М.: Языки Народов Мира, 2024. – С. 307–311.
- 113 Курилова, А. Д. Изящество (*elegantia*) словесного выражения в освещении российских риторик XVIII века на латинском языке // *Litera*. – 2023.– № 2. – С. 108–113.
- 114 Курилова, А. Д. Ирония в освещении российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVII (1): материалы Международной конференции, посвящённой памяти проф. И. М. Тронского (ИЛИ РАН, 26–28 июня 2023 г.). – Vol. 27 (1). – СПб.: ИЛИ РАН, 2023. – С. 664–671.
- 115 Курилова, А. Д. Классификации жанров красноречия в российских рукописных риториках XVIII века на латинском языке // Жанры русской словесности: межвузовский сборник научных трудов. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2014. – С. 39–41.

- 116 Курилова, А. Д. Классификация фигур в латинских рукописных риториках в России XVIII века // Гуманитарные исследования. – № 1 (37). – 2011. – С. 187–193.
- 117 Курилова, А. Д. Компаративные приёмы как стилистическое средство в российских латиноязычных риториках XVIII века // Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение: сборник статей XXII Международной конференции (30 января – 1 февраля 2019 г.). – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 430–434.
- 118 Курилова, А. Д. Композиционная организация ораторской речи в трактовке российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Современная риторика и речеведческие дисциплины: от устного диалога до компьютерно-цифрового взаимодействия: материалы XXVI Международной научно-практической конференции (М., 9–12 февраля 2023 г.). – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. – С. 170–176.
- 119 Курилова, А. Д. Латинская рукописная риторика XVIII века из Славяно-греко-латинской академии о совещательном красноречии // Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике: материалы XVII Международной научно-практической конференции (Москва, 30 января – 1 февраля 2013 г.). – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2013. – С. 248–251.
- 120 Курилова, А. Д. Новолатинские источники российских латиноязычных рукописных риторик XVIII века (на примере Вологодского руководства 1764 г.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXI (чтения памяти И. М. Тронского): материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 26–28 июня 2017 г.). – СПб.: Наука, 2017. – С. 484–492.

- 121 Курилова, А.Д. О некоторых особенностях содержания и композиции российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV (чтения памяти И. М. Тронского): материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 20–22 июня 2011 г.). – СПб.: Наука, 2011. – С. 323–330.
- 122 Курилова, А. Д. Об интерпретации тропов в латинских риториках в России XVIII века // Гуманитарные исследования. – № 3 (35). – 2010. – С. 140–144.
- 123 Курилова, А. Д. Образ оратора в риторическом трактате Феофана Прокоповича // Говорящая личность в современном информационном обществе: образ оратора, образ автора, образ публициста: межвузовский сборник научных трудов. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2013. – С. 6–7.
- 124 Курилова, А. Д. Панегирик как риторический жанр (на материале вологодской рукописной риторики XVIII в. на латинском языке) // Говорящая личность в современном информационном обществе: Материалы Международной научной конференции по риторике (Астрахань, 15 марта 2012 г.). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – С. 39–40.
- 125 Курилова, А. Д. Политическое красноречие в освещении российских риторик XVIII века // Научный вестник Астраханского филиала РАНХиГС: сборник научных статей. – Вып. 6. – Астрахань, 2015. – С. 21–23.
- 126 Курилова, А. Д. Понятия и средства красноречия в интерпретации российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Филологические науки. – № 4. – 2011. – С. 54–62.
- 127 Курилова, А. Д. Приёмы языковой игры в теоретическом освещении российских риторик XVIII века на латинском языке // Поэтика игры в структуре литературно-художественного дискурса: материалы региональной научной конференции (Астрахань, 24 апреля 2015 г.). –

- Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2015. – С. 69–71.
- 128 Курилова, А. Д. Расположение ораторской речи в трактовке российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX (чтения памяти И. М. Тронского): материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 22–24 июня 2015 г.). – СПб.: Наука, 2015. – С. 544–549.
- 129 Курилова, А. Д. Риторика и её задачи в освещении российских рукописных руководств XVIII века на латинском языке // Риторика и речесеконмуникативные дисциплины в науке и практике современного общества: сборник материалов XXV Международной научной конференции по риторике (2–4 февраля 2022 г.). – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. –С. 249–253.
- 130 Курилова, А. Д. Риторическое изобретение в трактовке российских рукописных руководств XVIII века на латинском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 334–336.
- 131 Курилова, А. Д. Российские риторики XVIII века на латинском языке о свадебных речах // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVIII (1): материалы Международной конференции, посвящённой памяти проф. И. М. Тронского (ИЛИ РАН, 17–19 июня 2024 г.). – Vol. 28 (1). – СПб.: ИЛИ РАН, 2024. – С. 949–954.
- 132 Курилова, А. Д. Российские риторические руководства XVIII века на латинском языке о некоторых особенностях духовного красноречия // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике (Москва, 1–3 февраля 2017 г.). – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2017. – С.262–268.

- 133 Курилова, А. Д. Российские рукописные риторика XVIII века на латинском языке: монография // Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2019. – 102 с.
- 134 Курилова, А. Д. Российские рукописные риторика XVIII века на латинском языке о духовном красноречии // Речевая структура русского общества: проблемы риторика, поэтика и стилистика: межвузовский сборник научных трудов. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2015. – С. 68–70.
- 135 Курилова, А. Д. Российские рукописные риторика XVIII века на латинском языке о композиции ораторского выступления // Компаративные исследования славянских языков и литератур: сборник научных трудов. – Вып. 22. – Киев: Освита Украины, 2013. – С. 66–73.
- 136 Курилова, А. Д. Российские рукописные риторика XVIII века на латинском языке об изобретении аргументов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И. М. Тронского): материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 24–26 июня 2013 г.). – СПб.: Наука, 2013. – С. 536–545.
- 137 Курилова, А. Д. Российские рукописные риторические руководства XVIII века на латинском языке о качествах красноречия // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И. М. Тронского): материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 23–25 июня 2014 г.). – СПб.: Наука, 2014. – С. 558–564.
- 138 Курилова, А. Д. Рукописные российские риторика XVIII века на латинском языке о хвалебных речах // Симпозион. К 90-летию А. А. Тахо-Годи. – М.: Водолей, 2013. – С. 138–148.
- 139 Курилова, А. Д. Рязанская и смоленская рукописные риторика XVIII века о видах аргументации // Риторика в новом образовательном пространстве: сборник научных трудов XVI Международной конференции

(Санкт-Петербургский гос. горный ун-т, 1-3 февраля 2012 г.). – СПб.: СПбГГУ, 2012. – С. 103–106.

- 140 Курилова, А. Д. Своеобразие латинских рукописных риторик и их место в образовательном процессе России XVIII века // Анализ и интерпретация художественного произведения: материалы XXXII Зональной конференции литературоведов Поволжья (Астрахань, 23–24 сентября 2010 г.). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский Университет», 2010. – С. 151–152.
- 141 Курилова, А. Д. Смоленская рукописная риторика XVIII века в контексте развития риторического образования в России // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXV (1): материалы Международной конференции, посвящённой памяти проф. И. М. Тронского (ИЛИ РАН, 21–23 июня 2021 г.). – СПб.: ИЛИ РАН, 2021. – С. 719–727.
- 142 Курилова, А. Д. Соматические тропы в российских риторических руководствах XVIII в. на латинском языке // Категория телесности в структуре литературно-художественного дискурса: материалы заочной Международной научной конференции (Астрахань, 21–22.04. 2014). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2014. – С. 71–72.
- 143 Курилова, А. Д. Топос как риторический термин в освещении российских риторик XVIII века на латинском языке // Интертекстуальность художественного дискурса: материалы Всероссийской научной конференции (Астрахань, 20 апреля 2018 г.). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2018. – С. 53–55.
- 144 Курилова, А. Д. Топосы (loci topici) в интерпретации нижегородской рукописной риторики 1766 г. на латинском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 1. – Часть 1. – С. 361–363.

- 145 Курилова, А. Д. Учение о стиле в трактовке российских риторик XVIII века на латинском языке // Проблемы античного мира и современность: межвузовский научный сборник. – Вып. IV. – Алматы, 2013. – С. 347–358.
- 146 Курилова, А. Д. Учение об остроумии в интерпретации российских рукописных риторик XVIII в. на латинском языке // Современное научное знание: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции «I Лужские научные чтения». – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 180–183.
- 147 Курилова, А. Д. Феофан Прокопович о жанрах эпидейктического красноречия // Трансформация жанра в историко-литературном процессе: материалы региональной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения проф. Н. С. Травушкина (Астрахань, 21–22 апреля 2016 г.). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2016. – С. 93–96.
- 148 Курилова, А. Д. Феофан Прокопович о судебном и совещательном красноречии // Проблемы риторики, поэтики и стилистики в современном информационном обществе: межвузовский сборник научных трудов. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2016. – С. 25–26.
- 149 Курилова, А. Д. Формы выражения авторской позиции в российских рукописных риториках XVIII века на латинском языке // Автор в структуре художественного произведения: материалы Всероссийской научной конференции (Астрахань, 25 апреля 2017 г.). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2017. – С. 80–82.
- 150 Курилова, А. Д. Хрия в российской риторической практике XVIII века (на материале латинской рукописной риторики М. Базилевича // Риторика как предмет и средство обучения: материалы XV Международной научной конференции (1–3 февраля 2011 г.). – М.: МПГУ, 2011. – С. 226–229.

- 151 Курилова, А. Д. Элементы политического красноречия в московской рукописной риторике “*Diadema ex immarcessibilibus floribus Tullianae*” (1745–1746) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII (чтения памяти И. М. Тронского): материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 18–20 июня 2018 г.). – СПб.: Наука, 2018. – Т. 1. – С. 707–713.
- 152 Курилова, А. Д. Элогий как предмет риторического осмысления (на материале российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке) // Велимир Хлебников и мировая художественная культура. Материалы XI Международных Хлебниковских чтений (Астрахань, АГУ, 6–9 сентября 2012 г.). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – С. 115–116.
- 153 Курилова, А. Д. *Eloquentia officiosa* в интерпретации российских риторик XVIII века на латинском языке // Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллективная монография. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 193–202.
- 154 Курилова, А. Д. *Memoria* и *actio* в интерпретации российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI (чтения памяти И. М. Тронского): материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 18–20 июня 2012 г.). – СПб.: Наука, 2012. – С. 416–423.
- 155 Ларионов, А. А. Студенчество в Славяно-греко-латинской академии в первой половине XVIII в. // Российская история. – 2010. – № 6. – С. 30–40.
- 156 Лахманн, Р. Два этапа риторики «приличия» (“*decorum*”): риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII вв. – М., 1989. – С. 149–169.
- 157 Лахманн, Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. – СПб.: Академический проект, 2001. – 368 с.

- 158 Лемешев, К. Н. Источники примеров в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова: сентенции Сенеки в русском переводе // Вестник Альянс – Архео, 2016. – № 13. – С. 54–63.
- 159 Лемешев, К. Н. К вопросу об источниках «Риторики» М. В. Ломоносова // Русская литература. – 2012. – № 3. – С. 107–122.
- 160 Лемешев, К. Н. Наименования фигур предложений в риторике М. В. Ломоносова // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2014. – № 1. – С. 629–663.
- 161 Лемешев, К. Н. Фигуры повторения и усугубления в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2013. – № 2. – С. 367–375.
- 162 Либуркин, Д. Л. Русская новолатинская поэзия: вторая половина XVII – первая треть XVIII вв.: дис... канд. филол. наук. – М., 2000. – 298 с.
- 163 Лосев, А. Ф. Античные теории языка и стиля в их историко-литературной значимости // Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – С. 5–12.
- 164 Лукашова, С. С. Языковая среда в Киево-Могилянской Академии в XVIII в. // Славянский альманах. – 2017. – № 3–4. – С. 241–258.
- 165 Луппов, С. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. – Л.: Наука, 1976.
- 166 Любарский, Я. Н. Byzantine Irony: The Example of Niketas Choniates // Любарский, Я. Н. Историки и писатели Византии (VI–XII вв.). – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 447–457.
- 167 Любарский, Я. Н. Ирония у византийцев: пример Михаила Пселла // Любарский, Я. Н. Историки и писатели Византии (VI–XII вв.). – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 458–473.
- 168 Любжин, А. И. История русской школы. – Т. 1: Русская школа XVIII столетия. – Кн. 1. – М.: Никая, 2014. – 752 с.

- 169 Любжин, А. И. История русской школы. – Т. 1: Русская школа XVIII столетия. – Кн. 2. – М.: Никая, 2014. – 656 с.
- 170 Любжин, А. И. Очерки истории российского образования в императорскую эпоху. – М.: Изд-во Московского Культурологического лица, 1997. – 107 с.
- 171 Мамонтова, М. Г. «Риторика» Софрония Лихуда: история текста, содержание, терминология, стиль: автореферат дис... канд. филол. наук. – М, 2013. – 24 с.
- 172 Маркасова, Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII–XVIII века. – Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2002. – СПб., 2002. – 254 с.
- 173 Маркасова, Е. В. Риторика Георгия Данииловского // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. – 2009. – № 3. – С. 39–72.
- 174 Маркасова, Е. В. Теория фигуры речи в русских риториках XVII–XVIII вв.: дис... доктора филол. наук. – СПб., 2002. – 254 с.
- 175 Маркасова, Е. В., Сенецкая, Л. Б. Цицерон в «Риторике» Феофана Прокоповича // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 9 (877). – С. 116–122.
- 176 Марченко, О. И. Риторика как феномен культуры: дис... доктора филос. наук. – СПб., 2001. – 292 с.
- 177 Маслюк, В. П. Латиноязычные поэтики и риторики XVII – первой половины XVIII в. и их роль в формировании теории литературы на Украине: автореферат дис... доктора филол. наук. – Киев, 1980. – 45 с.
- 178 Матвеев, Е. М. Наименования тропов и фигур речи в русских риториках: М. В. Ломоносов и его предшественники // Acta Linguistica Petropolitana. – 2020. – Vol. 16 (2). – P. 565–581.

- 179 Матвеев, Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века (Панегирик в светской и духовной литературе). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – 140 с.
- 180 Меньшенина, С. В. Классификация речей. Жанры эпидейктической речи // Вестник ЮУрГУ, 2005. – № 7. – С. 181–185.
- 181 Меньшенина, С. В. Русская риторика XVII–XIX веков в составе речеведческих дисциплин: классические традиции в отечественном красноречии // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 37 (252). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 61. – С. 77–81.
- 182 Михайлов, А. В. Поэтика барокко и завершение риторической эпохи // Михайлов, А. В. Языки культуры. – М., 1997.
- 183 Михальская, А. К. Основы риторики: Мысль и слово. – М.: Академия, 1996. – 130 с.
- 184 Михальская, А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. – М.: Академия, 1986. – 190 с.
- 185 Москвин, В. П. К определению понятия «аллегория» // Русская речь. – 2006. – № 2. – С. 45–56.
- 186 Москвин, В. П. Речевой жанр хрии: история изучения и типология // Жанры речи. – 2015. – № 2 (12). – С. 96–104.
- 187 Николаев, С. И. Полилингвизм творчества Феофана Прокоповича в науке XX века // Чтения Отдела русской литературы XVIII в. (Пушкинский Дом). – № 8. – 2018. – С. 57–64.
- 188 Ничик, В. М. Феофан Прокопович. – М.: Мысль, 1977. – 192 с.
- 189 Новикова, Н. В. Поэтика и риторика в Киево-Могилянской академии // Русская речь. – 1987. – № 6. – С. 93–97.
- 190 Носов, А. А. К истории классического образования в России (1860 – начало 1900-х годов) // Античное наследие в культуре России. – М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1996. – С. 203–229.

- 191 Пекарский, П. П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. – СПб., 1862. – 578 с.
- 192 Петров, Н. И. Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. – Вып. 1–2. – Киев, 1875–1877.
- 193 Петров, Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. – Т. 1–3. – М., 1891–1904.
- 194 Пешков, И. В. Изобретение как категория риторики: автореферат дис... канд. филол. наук. – М., 1988. – 25 с.
- 195 Рамазанова, Д. Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии: дис... канд. истор. наук. – М., 2003. – 329 с.
- 196 Рамазанова, Д. Н. Славяно-греко-латинская академия – центр просвещения в России в конце XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII веке. – СПб., 2011. – С. 133–141.
- 197 Рамазанова, Д. Н. Формирование учебной программы Славяно-греко-латинской академии // Образ науки в университетском образовании: материалы XVII научной конференции (Москва, 27–29 января 2005 г.). – М., 2005. – С. 226–230.
- 198 Ржеуцкий, В. С. Выбор языка: Из истории обучения языкам в России в эпоху Петра I // Учёные записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2020. – № 5 (30).
- 199 Риторика М. В. Ломоносова: коллективная монография / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 632 с.
- 200 Рождественский, Ю. В. Теория риторики. – М.: Добросвет, 1997. – 482 с.
- 201 Сазонова, Л. И. От русского панегирика XVII в. к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. – М., 1987. – С. 76–81.

- 202 Сазонова, Л. И. Риторика Ломоносова: актуальные проблемы риторической традиции XVIII века // Чтения отдела русской литературы XVIII века (Пушкинский Дом). – № 7. – М.-СПб.: Альянс-Архео, 2013. – С. 20–40.
- 203 Сазонова, Л. И. Имя в риторике и поэзии XVII века у восточных славян // Славяноведение. – 2002. – № 1. – С. 4–22.
- 204 Салоников, Н. В. Библиотека Новгородской духовной семинарии: состав и история формирования: дис... канд. истор. наук. – Великий Новгород, 2004. – 190 с.
- 205 Сменцовский, М. Н. Братья Лихуды: опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вв. – СПб., 1899. – 459 с.
- 206 Смирнов, С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. – М., 1855. – 428 с.
- 207 Смирнова, А. С., Шарихина, М. Г. Распространение в риторической теории М. В. Ломоносова и амплификация в сочинении Н. Коссена «О духовном и светском красноречии»: сопоставительный анализ // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVIII (2): материалы Международной конференции, посвящённой памяти проф. И. М. Тронского (ИЛИ РАН, 17–19 июня 2024 г.). – Vol. 28 (2). – СПб.: ИЛИ РАН, 2024. – С. 2219–2238.
- 208 Солопов, А. И. Начала латинской стилистики. – М.: Индрик, 2008. – 695 с.
- 209 Стратий, Я. М., Литвинов, В. Д., Андрушко, В. А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. – Киев: Наукова думка, 1982. – 382 с.
- 210 Суториус, К. В. Схоластика в России в первой половине XVIII в. и традиции рукописной книги // Книга в России. – Сб. I. – М., 2006. – С. 78–87.

- 211 Терешкина, Д. Б. Евангельское слово в проповедях Феофана Прокоповича // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Том 16. – № 1. – С. 17–29.
- 212 Толстой, Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. – СПб., 1883. – 100 с.
- 213 Тумина, Л. Е., Ладыженская, Т. А. Русская риторика XVII – XX веков: учение о повествовании. – М.: URSS, 2002. – 121 с.
- 214 Ушакова, К. М. Терминология русской риторики как учения о речи: вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.: автореферат дис... канд. филол. наук. – М., 2009. – 25 с.
- 215 Федоровская, Н. А. Риторика и гомилетика // Русская словесность. – 2009. – № 4. – С. 76–79.
- 216 Флоровский, А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. – Сборник 5. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 316–335.
- 217 Фонкич, Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России). – М.: Наука, 1977. – 247 с.
- 218 Фонкич, Б. Л. К вопросу о соотношении академии Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева и академии братьев Лихудов // Лихудовские чтения: материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения» (Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г.). – Великий Новгород, 2001. – С. 28–30.
- 219 Фонкич, Б. Л. Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия. – М.: Наука, 1987. – С. 61–70.
- 220 Хазагеров, Г. Г., Лобанов, И. Б. Риторика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 379 с.
- 221 Чикина, А. А. Содержательные и языковые особенности латиноязычной рязанской риторики епископа Палладия 1759 года // Современная риторика и речеведческие дисциплины: от устного диалога до компьютерно-цифрового взаимодействия: материалы XXVI

- Международной научно-практической конференции / под общей редакцией Ч. Б. Долецкого, А. Ю. Платко. – М., 2023. – С. 432–440.
- 222 Чистович, Я. А. Феофан Прокопович и его время. – СПб., 1868. – 752 с.
- 223 Цыганок, О. Цицерон в украинской риторике “Manuductio” // *Studi Slavistici*. – 2020. – XVII. – 1. – P. 35–60.
- 224 Чикина, А. А. Традиции в преподавании словесности во Владимирской духовной семинарии в первой половине XIX века (на материале конспектов лекций преподавателя А. И. Розова) // *Филологический аспект*. – 2024. – № 1 (24). – С. 42–49.
- 225 Шаталова, С. В. Эпидейктические жанры речи: автореферат дис... канд. филол. наук. – Ярославль, 2009. – 22 с.
- 226 Шубина, Т. А. Риторика современной православной проповеди // *Русская речь*. – 2007. – № 5. – С. 97–99.
- 227 Щукина, Д. А. Академическое красноречие в России: история и современность // *Русский язык за рубежом*. – 2018. – № 2 (267). – С. 24–28.
- 228 Щукина, Д. А., Егоренкова, Н. А. «Опыт риторики» Н. С. Рижского (1796) и преемственность преподавания риторики в Горном университете // *Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике*. – 2017. – С. 558–565.
- 229 Яламас, Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: дис... доктора филол. наук. – М., 2001. – 398 с.
- 230 Яламас, Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России: дис... канд. филол. наук. – М., 1992. – 200 с.
- 231 Arżanuchin, W. Drogi rosyjskiej scholastyki // *Forum philosophicum*, 2006, no. 11. – S. 193–210.

- 232 Barner, W. Barockrhetorik: Untersuchungen zu ihren geschichtlichen Grundlagen. – Tübingen, 1970. – 555 p.
- 233 Clarke, M. L. Rhetoric in Rome: A historical survey. – London: Routledge, 1996. – 206 p.
- 234 Collins, V. L. Cicero. – London, 1871. – 386 p.
- 235 Conley, Thomas. Rhetoric in the European Tradition. – New York: Longman, 1990. – 325 p.
- 236 Cox, Virginia, Ward, John O. The Rhetoric of Cicero in its Medieval and Early Renaissance Commentary Tradition. – Leiden, 2006. – 547 p.
- 237 Cross, D. M. Caussin's Passion and the New History of Rhetoric // Rhetorica. – 2003. – No 21 (2). – Pp. 89–112.
- 238 Cyganok, O. Główne kierunki studiów nad ukraińskimi retorykami barokowymi // Terminus. – 2014. – T. 16, z. 3 (32). – S. 285–303.
- 239 Donnelly, Francis P. A. Function of the Classical Exordium // The Classical Weekly. – 1912. – Vol. 5, no 6. – Pp. 204–207.
- 240 Eemeren, F. H. van, Grootendorst, R., Kruiger, T. Handbook of Argumentation Theory: a Critical Survey of Classical Backgrounds and Modern Studies. – Dordrecht: Foris, 1987. – 333 p.
- 241 Encyclopedia of Rhetoric / ed. Thomas O. Sloane. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 837 p.
- 242 Fuhrmann, M. Rhetorik und öffentliche Rede: Über die Ursachen des Verfalls der Rhetorik im ausgehenden 18 Jahrhundert. – Konstanz: Universitätverlag, 1983. – 36 S.
- 243 Hofmann, J. B., Szantyr, A. Lateinische Syntax und Stilistik. – München: Beck, 1972. – 1024 S.
- 244 Kennedy, G. A. The art of rhetoric in the Roman world 300 B. C.–A. D. 300. – Princeton: Princeton University Press, 1972. – 678 p.
- 245 Kislova, E. Latin as the Language of the Orthodox Clergy in Eighteenth-century Russia // Language Choice in Enlightenment Europe. Education,

- Sociability, and Governance. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. – Pp. 191–224.
- 246 Kislova, E. Sermons and Sermonizing in 18th century Russia: At Court and Beyond // Slověne. International Journal of Slavic Studies. – 2014. – Vol. 3 (2). – Pp. 175–193.
- 247 Knox, Dilwyn. Ironia: medieval and Renaissance ideas on irony. – N. Y.: Columbia University, 1989. – 256 p.
- 248 Lachmann, R. Die Zerstörung der Schönen Rede. Rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen. – München, 1994. – 370 S.
- 249 Lausberg, H. Handbuch der literarischen Rhetoric. – München: Max Hueber Verlag, 1960. – 378 p.
- 250 Lewin, P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1744) a tradycje polskie. – Wrocław, 1972. – 272 s.
- 251 Popiel, B. Podręcznik Gerharda Johanna Vossiusa w systemie edukacji XVII wieku // Dydaktyka retoryki. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 2011. – S. 45–53.
- 252 Riklius, T. Innovation and Fusion: Sarbiewski's Theory of Baroque Literary Style // Baroque Latinity: Studies in the Neo-Latin Literature of the European Baroque. – Bloomsbury, 2022.
- 253 Skwara, M. Między kulturami: wybrane nawiązania polskie w Retoryce Teofana Prokopowicza // Rhetorica. Regina Artium Scientiaeque. – Warszawa, 2011. – S. 263–285.
- 254 Suidae lexicon / ed. A. Adler. – Leipzig: Teubner, 1928.
- 255 Szczepański, J. Wstęp // Wybór mów Cyceronu. – Lwów–Warszawa, 1929. – S. III–XXXV.